

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav slavistických a východoevropských studií

Diplomová práce

Olga Petrášová

**„Vliv legend o svatém Václavovi
na vyprávění o svatých Borisi a Glebovi“**

**„Influence of the legends about saint Wenceslas
on the legend about saint Boris and Gleb“**

Ráda bych poděkovala panu Docentu Ilje Lemeškinovi za odbornou pomoc, cenné rady a inspirující nápady při psaní této diplomové práce.

Я бы хотела выразить свою благодарность господину Доценту Илье Лемешкину за его квалифицированную помощь, ценные советы и инспирирующие идеи при написании данной дипломной работы.

Prohlašuji, že jsem tuto diplomovou práci vypracovala samostatně a výhradně s použitím citovaných pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů.

V Praze dne 30.07.2010

Заявляю, что данную дипломную работу я написала самостоятельно и исключительно с использованием цитируемых источников, литературы и иных специализированных источников.

Прага,

30.07.2010

**ВЛИЯНИЕ ЛЕГЕНД
О СВЯТОМ ВЯЧЕСЛАВЕ КНЯЗЕ ЧЕШСКОМ
НА
СКАЗАНИЕ И СТРАДАНИЕ И ПОХВАЛУ СВЯТЫМ
МУЧЕНИКАМ БОРИСУ И ГЛЕБУ**

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Введение	5
2. Святой Вячеслав	8
2.1. Культ святого Вячеслава	8
2.2. Легенды о святом Вячеславе	11
3. Святые Борис и Глеб	16
3.1. История и культ святых Бориса и Глеба	17
3.2. Сказание о святых Борисе и Глебе	21
4. Влияние легенд о святом Вячеславе на Сказание о святых Борисе и Глебе	28
4.1. Чешско-русские культурные связи и чешские памятники на Руси	28
4.2. Исторические параллели	39
4.3. Текстовые параллели	40
5. Влияние фольклора на Сказание о святых Борисе и Глебе	57
6. Вывод	66
Список использованной литературы	68
Приложения	70
1) Отрывок из «Дневника – хождения по немецким, чешским и итальянским землям» Теодораса Билявичуса	70
2) Восстановленный оригинал Сказания о святых Борисе и Глебе	71
3) «Житие блаженного князя Вячеслава» из Четырех миней	80

1. Введение

Борисоглебский культ и святовацлавская легенда образуют основу основ древнейших чешско-русских культурных и литературных связей. Но, в моем представлении, речь идет не только и не столько о давно прошедшей истории, некоем любопытном древнем узоре. Для нас, лично для меня, это вплоть до сегодняшнего дня неотъемлемая часть не менее актуального духовного наследства, которое вновь и вновь приковывает к себе внимание. По этим вполне понятным причинам данная проблематика меня поглотила, полностью очаровала. Весомым стимулом взяться за данную тему послужило посещение Киево-Печерской лавры, места, где как нигде чувствуется влияние духовной истории. А также последующее посещение Старой Болеслави и Сазавского монастыря окончательно укрепило мой интерес к данной теме.

Конечно же, тема взаимосвязи произведений о святом Вячеславе и о святых Борисе и Глебе весьма обширна и сложна. За нее брались самые именитые ученые прошлого и современности: например, Эмилия Благова, Иосиф Вашица, Александр Востоков, Вячеслав Гунячек, Дмитрий Лихачёв, Николай Никольский, Марина Парамонова, Николай Розов, Роман Якобсон и многие другие¹. Благодаря им данная проблематика стала одним из ключевых векторов медиэвистики.

С моей стороны было бы безрассудно полагать, что я могу в результате многочисленных исследований внести что-либо кардинально новое. Для того, чтобы весомо обогатить научный дискурс, необходимо работать непосредственно с первоисточниками, главное внимание уделяя палеографии конкретных рукописных памятников и сложным вопросам текстологии. Конечно, такой возможности у меня не было и быть не могло, поэтому перед собой я поставила две основные цели.

Для начала необходимо по мере возможностей ознакомиться с доступной литературой и разобраться в современном положении исследований по данной проблематике. Такого рода дипломная работа, конечно, представляла бы интерес, но носила бы целиком компилятивный характер. Мне же хочется попытаться сделать больше. Поэтому возникла цель-максимум – с учетом предшествующих исследований, на их базе, выделить хотя бы один аспект, который бы заслуживал в будущем специального подробного рассмотрения. То есть я исхожу из того, что в науке важно не только дать исчерпывающий ответ и найти решение, но первоначально проблему (в моем случае проблему частную) грамотно сформулировать, выдвинуть. Смею

---

¹ Здесь и далее при перечислении фамилии приводятся в алфавитном порядке.

надеясь, что одну такую область потенциального изучения при всей ограниченности своих возможностей и возможных просчетах мне все же очертить удастся. Ввиду этого мне представляется возможным отказаться от целостного, всеобъемлющего изложения всех существующих взглядов и концепций. То есть я решила не писать свод всего и вся, а ограничиться полезным и необходимым (для нужд своей работы).

Чтобы в нужном ключе удалось раскрыть интересующую меня проблематику, необходимо ознакомиться с результатами существующих исследований. Этому посвящены две первые части дипломной работы «Святой Вячеслав» и «Святые Борис и Глеб». За неимением возможности проверить и уточнить выводы об истории и эволюции интересующих меня текстов, я вынуждена лишь повторить выводы, сделанные иными до меня. Говоря о культуре святого Вячеслава, святых Бориса и Глеба, я также приведу аргументы, наблюдения иных ученых, но одновременно в этих частях попытаюсь поделиться новыми, оригинальными фактами и сведениями: как например, упоминание о святом Вячеславе в *«Дневнике – хождении по немецким, чешским и итальянским землям»* Теодораса Билявичуса, место святого Вячеслава в Четьих мишеях, в современных русских молитвословах и календарях. Этим по мере сил я стремлюсь превзойти обычный согласовательно-компилятивный подход к написанию подобного рода дипломной работы (т.е. на настолько широкую, объемную тему).

Отдельно рассмотрев каждый памятник, в следующей части дипломной работы я оговорю непосредственно «Влияние легенд о святом Вячеславе на Сказание о святых Борисе и Глебе», что составляет главную часть работы. На данном этапе сущностным для меня является выявление именно *литературной* подоплеки. Полагаю, что для адекватного восприятия Сказания, для целостного понимания того, каким образом Сказание воспринималось в эпохе своего возникновения, следует непременно оговорить и выделить те места текста, те нюансы, образы и мотивы, которые обусловлены литературным образцом, т.е. святовацлавской легендой. Подобного рода элиминация, т.е. вычленение признаков литературной взаимосвязи, помогает нам во всей полноте заметить то неповторимое, что действительно может заслуживать большего нашего внимания.

Помимо неоспоримого генетическо- и типологическо-общего со святовацлавскими легендами мы также рассмотрим разительные *несходства*, обусловленные влиянием русского фольклора – поэтики плача. Данное направление исследовательского поиска возникло уже в процессе работы, но по значимости и интересу не уступает главной теме и представляет собой перспективное поле

дальнейшего исследования. Данной теме посвящена часть «Влияние фольклора на Сказание о святых Борисе и Глебе».

2. Святой Вячеслав

«Святой Вячеслав, воевода земли чешской», - этими словами начинается древнечешский церковный гимн, «Святовацлавский хорал», история написания которого уходит своими корнями в 12 век².

Святой Вячеслав был первым и в хронологическом порядке, и по своей значимости святым патроном средневековой Чехии. Сам реальный прототип чешского святого вырисовывается несколько туманным образом.

Большинство сведений о князе Вячеславе взяты из церковных текстов и так называемых «святовацлавских легенд», написанных в средние века как на латинском, так и на славянском языках. Достоверных исторических сведений о нем сохранилось не так много, и они достаточно противоречивы; например даже год убийства святого вызвал споры учёных. Да и приводить исторические факты о святом Вячеславе здесь (в чешском университете) нам представляется излишним. Тем более, что предметом данной работы является не князь Вячеслав как историческая личность, а святой Вячеслав как легендарно-мифический образ. Поэтому нас будет интересовать Вячеслав *post mortum*, литературно-фольклорный образ святого Вячеслава, его культ.

2.1. Культ святого Вячеслава

Начало святовацлавского культа традиционно относят к основанию пражской епархии в 70-ых годах 10 века, когда и начинается прославление чешского праведного. С середины 10 по 11 век был написан ряд обширных житий, немного расширенный в последующие века. А в 14 веке Карл IV составил (или скорее переработал) житие святого Вячеслава³, начал строительство кафедрального собора над могилой святого и посвятил ему королевскую корону чешскую⁴. Святой Вячеслав становится вечным правителем и покровителем земли чешской⁵. Острый интерес к святому возобновился к 1929 году в преддверии 1000-летия его мученической смерти⁶.

Подробным исследованием святовацлавского культа занимались многие учёные

² http://cs.wikipedia.org/wiki/Svatov%C3%A1clavsk%C3%BD_chor%C3%A1l. Оригинальный текст: «*Svatý Václave, vévodo České země...*».

³ Karel IV., *Literární dílo*, Praha 2000, стр. 125-132.

⁴ Pekař J., *Svatý Václav*, Praha 1929, стр. 35-44.

⁵ Там же, стр. 35-44.

⁶ Многие историки годом смерти Вячеслава считают 935, однако в самых древних источниках (т.е. первой славянской легенде и легенде Кристиана) приводится 929 год.

прошлого и современности. Поэтому в данной части работы мы рассмотрим некоторые примеры, свидетельствующие о распространённости славы святого за границами Чешского государства, что ближе к теме нашей работы. «Хождения» святого Вячеслава в древнерусской культуре неоднократно оговаривались и всем хорошо известны, мы же для начала обратимся к источнику менее знакомому, отражающему культурный опыт Великого княжества Литовского.

В качестве иллюстрации распространения культа святого Вячеслава за границами Чешского государства на северо-восток мы можем привести выдержку из дневника путешественника Теодораса Билявичуса под названием *«Дневник – хождение по немецким, чешским и итальянским землям»*, который в Чехии и России пока не достаточно хорошо известен. Данный автор в 1677 году в составе княжеской свиты сопровождал чету Радзивиллов из Литвы в Италию (это те же Радзивиллы, которые тогда владели ныне прославленной Радзивилловской или же Кёнигсбергской летописью). Билявичус досконально описал историю чешского святого, с интересными подробностями: *«В миле перед Прагой стоит красивый, изысканно построенный костёл. На этом месте чешский король убил своего кровного брата святого Вячеслава. В храме есть картина святого Вячеслава, вылитая из чистого золота, славящаяся многими чудесами, найденная по прошествии нескольких десятилетий после убийства святого Вячеслава. Во время того преступления верный слуга святого Вячеслава взял эту картину и закопал её в землю. Позже и сам слуга из-за верности своему господину и католической вере был убит тем самым королём. Однако о картине он никому не промолвил ни слова. Только один крестьянин, когда пахал землю, её вырыл. Он её передал одному из пражских костёлов, где она была с великими почестями принята и возложена в алтаре. На следующий день она исчезла и снова была обнаружена на том самом месте. Когда это повторилось несколько раз, никто её уже не трогал, и на том месте построили костёл. От того места к самому городу было построено густо каменных столбов, на которых изображена вся жизнь и все муки святого Вячеслава»*⁷. В «золотой картине святого Вячеслава» мы легко узнаём нарратив о Палладиуме земли Чешской, а «густо построенные каменные столбы» – вероятно «Святой путь» (Svatá cesta), состоящий из 44 часовен вдоль паломнического пути от ворот Пражского города (сегодняшний район Карлин) до моста в Старую Болеславь⁸. Памятник, рукопись которого ныне хранится в Познани в Библиотеке Рачинских, наглядно показывает, что на подступах к Праге в Старой Болеслави даже

⁷ Bilevičius (Billewicz) Teodoras, *Kelionės vokiečių, čekų ir italų žeme dienoraštis*, Vilnius 2003, стр. 51-52.

⁸ Novák M., *Čtení o Palladiu země České, Stará Boleslav* 2009.

самые случайные путешественники «вынужденно» познакомились с культом святого Вячеслава. Знакомство укреплялось по мере того, как путешественники из Старой Болеслави и вплоть до Праги проезжали череду столбов (или же часовен) с изображением жития и мученической смерти святого. Находясь, выражаясь образно, на большом тракте культ святого Вячеслава в устах путешественников распространялся далее. Данная часть текста Дневника приводится в приложении № 1.

О распространении культа святого Вячеслава на Руси можно говорить уже с 11 века. Помимо святовацлавских легенд, которые мы рассмотрим в следующей части «Легенды о святом Вячеславе», и в сегодняшнее время мы можем наблюдать упоминание о чешском святом практически во всех молитвословах и иных духовных книгах. Упоминание о святом Вячеславе обнаруживается практически во всех современных церковных календарях и молитвословах (с которыми нам пришлось иметь дело). Даже в современном «карманном» молитвослове, в котором приводится ограниченный круг избранных святых, мы находим краткую молитву «Св. благоверному князю Вячеславу Чешскому»: *«О святой княже Вячеславе! Усердно просим тя молиться за ны, (имена), да простит Господь Бог наши согрешения вольные и невольные и очистит нас от всякия скверны плоти и духа, да избавит нас от козней диавола и сохранит от клеветы людския, да утвердит нас в истинной вере и благочестии, да соблюдет от суемудрых и душегубных учений, да сохранит сердца наша от соблазнов мира сего и да научит огречатися от плотских страстей и похотей, да тако горняя мудрствовати, прославляя Единосушную Троицу во веки и в век века. Аминь»*⁹.

Кроме Руси, как на конкретных примерах показывает И. Вашица, культ святого Вячеслава распространился также в Польше, Дании, Югославии, Испании и Португалии, откуда далее в Южную Америку (напр. Аргентину)¹⁰.

Ещё одним весьма значимым показателем «над-чешской» славы чешского праведного является тот факт, что Папа римский, в рамках своего визита в Чехию, 28 сентября 2009 года посетил базилику святого Вячеслава в Старой Болеслави и вёл праздничное богослужение по случаю Национального святовацлавского храмового праздника.

Для более целостного восприятия не только церковно-исторического значения, но и светско-повседневной популярности мы можем взглянуть на топонимы, связанные с именем первого чешского святого. По проведенной мною небольшой статистике, на

⁹ Молитвослов (Православный приход Храма иконы Казанской Божией Матери в Ясенево), Москва 2002, стр. 204.

¹⁰ Vašica J., Raný kult českých světců v cizině // Co daly naše země Evropě a lidstvu, Praha 1998, стр. 53-60.

территории современной Чешской Республики существует множество «Вацлавских» топонимов: город Hora Svatého Václava¹¹, населённый пункт (obec) Václavice¹², район (část obce) Václavice – 2 раза¹³, улицы Václavská – 29 раз¹⁴ и Václavova – 2 раза¹⁵, площади Václavské nám. – 16 раз¹⁶ и nám. Sv. Václava – 2 раза¹⁷ и т.д. «Святовацлавским» топонимам в Чехии не уступают «Борисоглебские» в России, где мы можем найти переулочек Борисоглебский¹⁸, улицу Борисоглебская – 2 раза¹⁹, улицу Борисоглебовская²⁰, посёлок Борисоглебский – 2 раза²¹, село Борисполь,²² село Борисоглебское – 2 раза²³, город Борисоглебск²⁴ и озеро Борисоглебское²⁵ и т.д. Если возьмём во внимание и современные территории соседних государств, которые были частью Киевской Руси (т.е. Украины и Белоруссии), то список, несомненно, будет длиннее. Но приведённое отступление не основывается на более глубоком исследовании или официальной статистике, т.к. данный вопрос не связан напрямую с темой данной работы.

2.2. Легенды о святом Вячеславе

Тысячелетняя чешская литература начинается святым Вячеславом. Ему посвящена огромная часть произведений как фольклора, так и авторской (часто анонимной) церковной литературы.

Агиографические сочинения являются единственным в полной мере достоверным свидетельством начального этапа формирования культа Вячеслава.

---

¹¹ Okres Domažlice.

¹² Okres Benešov.

¹³ Hrádek nad Nisou, okres Liberec; Provodov-Šonov, okres Náchod.

¹⁴ Čerčany, okres Benešov; Děčín, okres Děčín; Holasice, okres Brno-venkov; Hrádek nad Nisou, okres Liberec; Chomutov, okres Chomutov; Chrudim, okres Chrudim; Jindřichův Hradec, okres Jindřichův Hradec; Káraný, okres Praha-východ; Klatovy, okres Klatovy; Kolín, okres Kolín; Křenovice, okres Vyškov; Lázně Bělohrad, okres Jičín; Litoměřice, okres Litoměřice; Milín, okres Příbram; Moravský Krumlov, okres Znojmo; Netolice, okres Prachatice; Opatovice nad Labem, okres Pardubice; Ostrava; Plzeň, okres Plzeň-město; Praha; Rakovník, okres Rakovník; Rakvice, okres Břeclav; Rožtoky, okres Praha-západ; Staňkov, okres Domažlice; Strakonice, okres Strakonice; Tachov, okres Tachov; Velké Popovice, okres Praha-východ; Zlín, okres Zlín; Žiželice, okres Kolín.

¹⁵ Kladno, okres Kladno; Všetaty, okres Mělník.

¹⁶ Beroun, okres Beroun; Černčice, okres Louny; Kněžves, okres Rakovník; Kutná Hora, okres Kutná Hora; Litoměřice, okres Litoměřice; Lovosice, okres Litoměřice; Nová Ves I, okres Kolín; Olomouc, okres Olomouc; Písek, okres Písek; Praha; Přelouč, okres Pardubice; Příbram, okres Příbram; Trmice, okres Ústí nad Labem; Uhlířské Janovice, okres Kutná Hora; Unhošť, okres Kladno; Znojmo, okres Znojmo.

¹⁷ Lukavec, okres Pelhřimov; Brandýs nad Labem – Stará Boleslav, okres Praha - východ

¹⁸ Город Москва.

¹⁹ Город Самара; город Тамбов.

²⁰ Город Камышин, Волгоградская область.

²¹ Борисоглебский район, Ярославская область; Мурманская область.

²² Амурская область.

²³ Свердловский район, Орловская область; Тяжинский район, Кемеровская область.

²⁴ Борисоглебский район, Воронежская область.

²⁵ Город Раменское, Московская область.

Святовацлавская агиография представляет собой комплекс памятников, подавляющее большинство из которых было составлено с середины 10 по 11 век²⁶:

- Первая славянская святовацлавская легенда,
- *Crescente fide christiana*,
- Легенда Гумпольда,
- *Oportet nos fratres*,
- Легенда Кристиана,
- Вторая славянская святовацлавская легенда,
- *Passio Вячеслава*,
- *Oriente iam sole*.

Помимо этого были составлены служба святому Вячеславу, проложное житие святого Вячеслава, проложное сказание о перенесении мощей святого Вячеслава на церковнославянском языке, а также латинское повествование о перенесении его мощей.

Первая славянская святовацлавская легенда, или житие святого Вячеслава, была написана вероятно вскоре после убийства князя (не позже 940 года), т.е. является самой древней святовацлавской легендой. Написана была на старославянском языке глаголическим письмом и, по мнению М. Вейнгарта, прямо в Праге²⁷. Автором был священник, являвшийся очевидцем всех описываемых событий. Данная легенда нам известна в двух редакциях²⁸: Востокова и Минейной. Первый памятник редакции Востокова открыл А.Х. Востоков в 1827 году в Торжественнике начала 16 века с оглавлением «убьение святаго Вячеслава князя чесьска»²⁹, а во второй половине 20 столетия были обнаружены ещё 3 списка (два из них конца 16 - начала 17 веков, один – второй четверти 17 века)³⁰. Минейная редакция сохранилась главным образом в Великий четъих минеях митрополита Макария 16 века в трёх рукописях, в минеях Милотина в одной рукописи и минеях Тулупова в двух рукописях 17 века, а также в сборниках смешанного содержания в двух рукописях. Что касается генезиса, то А.И. Рогов и Е. Благова считают, что минейная редакция не возникла из редакции Востокова, а обе вероятно взошли из общего архетипа, и каждая впоследствии

²⁶ Pekař J., *Svatý Václav*, Praha 1929, стр. 35-44; Pekař J., *Nejstarší kronika česká*, Praha 1903, стр. 1-4, 38-63; Pekař J., *Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily*, Praha 1921, стр. VII-XXIV; Rogov A.I., Bláhová E., *Staroslověnské legendy českého původu*, Praha 1976, стр. 11-361; Парамонова М.Ю., *Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисо-глебского культов*, Москва 2003, стр. 81-104; Рогов А.И., *Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности*, Москва 1970, стр. 5-126; *Словарь книжников и книжности Древней Руси (X – первая половина XIV в.)*, Ленинград 1987, стр. 181-183.

²⁷ Weingart M., *Nejstarší slovanská legenda o svatém Václavu*, Praha 1940, стр. 7.

²⁸ Имеются ввиду русские редакции, т.к. южнославянская глаголическая в данной работе не рассматривается.

²⁹ Востоков А.Х., *Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музея*, составленное Александром Востоковым, СанктПетербург 1842, стр. 693.

³⁰ Турилов А.А., Лихачёв Д.С., *Библиотека литературы Древней Руси*, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 523. За ценное указание к текстологии памятника выражаем благодарность Доктору В. Чермаку.

развивалась отдельно³¹.

Crescente fide christiana (Когда возрастала вера христианская) – первое латинское житие святого Вячеслава, созданное в 70 годы 10 века либо в Праге либо в Регенсбурге³². Опубликовано легенда была И. Добровским в 1811 году.

Легенда Гумпольда является латинским житием, составленным епископом Мантуи Гумпольдом около 980 года по почину императора Отты II, восходит к легенде *Crescente fide*. Одна из наиболее древних рукописей памятника сохранилась в Кодексе Волфенбютельском начала 11 века.

Легенда «*Oportet nos fratres*» (Нужно нам, братья) была написана Кристианом следом и на основании легенды Гумрольда, в рифмованной прозе.

Легенда Кристиана (полное название «*Vita et passio sancti Wenceslai et sancte Ludmille avie eius*» – «Житие и умучение святого Вячеслава и святой Людмилы, бабки его»). Написана в 992-994 годы в Праге и является самым древним литературным произведением, написанным первым чешским автором Кристианом, и названа И. Пекаржем «древнейшей хроникой чешской»³³. Он же говорит, что составитель легенды пользовался «Сказанием о св. Людмиле» (*Sepsání o sv. Ludmile*) (недошедшим до нас), латинской легендой *Crescente fide christiana*, легендой Гумпольда и другими несохранившимися источниками, но также и собственными дополнениями на основании сведений современников-свидетелей. Текст легенды сохранился целиком в рукописи пражской капитулы 1320-1342 годов, частично в нескольких рукописях и фрагментами в ряде источников. Первым легенду опубликовал Б. Балбин в 1677 году.

Passio (Страсти) Вячеслава, или же легенда Лаврентия, создана в монастыре Монтекассино в южной Италии в 90-х годах 10 века (10-15 лет после Гумпольдской) на основании устных чешских преданий, собранных епископом Войтехом (Адальбертом Пражским). Единственная рукопись относится к 11 или началу 12 века и хранится в Монтекассино. Опубликовал легенду впервые в 1855 году Б. Дудик.

Вторая славянская святовацлавская легенда хоть в большей части и является славянским переводом легенды Гумпольда, имеет однако многочисленные дополнения из других легенд о святом Вячеславе. Причём между Первой и Второй славянскими легендами удивительно мало совпадений. По поводу времени возникновения памятника мнения исследователей несколько расходятся: от конца 10 по 11 век.

³¹ Rogov A.I., Bláhová E., *Staroslověnské legendy českého původu*, Praha 1976, стр. 110.

³² И. Пекарж склонен к Баварскому её происхождению - Pekař J., *Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily*, Praha 1921, стр. XI.

³³ Pekař J., *Nejstarší kronika česká*, Praha 1903, стр. 2; Pekař J., *Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily*, Praha 1921, стр. IX.

Логической кажется мысль, что данная легенда возникла на Сазаве. Текст легенды сохранился в двух поздних кириллических рукописях в сборнике 16 века Пафнутийского монастыря в Боровске и в сентябрьской минее конца 15 века Соловецкого монастыря. Памятник был открыт Н.К. Никольским в 1904 году.

Oriente iam sole (Когда восходило солнце) – обширная легенда чешского происхождения, при составлении которой использовалась легенда Кристиана, написана в половине 13 века. Текст легенды сохранился в пражской университетской библиотеке в двух рукописях 14 века.

Проведя подробный анализ текстов и исследовав родство легенд, И. Пекарж обнаружил некоторые расхождения в фактах: 1) первая славянская легенда мало описывает жизнь Вячеслава до момента подготовки его убийства, легенда Кристиана – больше, а легенда Гумпольда подробнее раскрывает агиографическую характеристику Вячеслава; 2) латинские жития приписывают инициативу заговора против Вячеслава чешским вельможам, в то время как некоторые другие (например «Oporet nos fratres») – Болеславу; но во всех житиях организатором и исполнителем убийства является Болеслав; 3) в Passio Лаврентия тело Вячеслава некоторое время лежало непогребённым в нетлении, а в славянских житиях оно было немедленно предано земле в присутствии Драгомиры. Главные сходства почти во всех легендах заключаются: 1) в совпадении общего плана повествования; 2) в сходстве ряда подробностей описания организации и самого выполнения убийства³⁴.

В заключение следует обговорить сам термин «легенда». Как пишет И. Пекарж: *«На самом деле слово „легенда“ обозначает то, что должно читаться в день памяти о жизни святого; речь идёт в принципе о житиях святых. Легенды вацлавские относятся к тем житиям святых, которые составлены на фактах исторических; однако не лишены легендарных мотивов. ... Но не стоит забывать, что и данные легендарные элементы являются в некотором роде частью действительности, т.е. плодом духа времени, выражением его веры и надежды»*³⁵. Таким образом, употребление слова «легенда» в данной работе имеет своеобразную традиционную основу, но фактически речь идёт о житии. Однако не стоит забывать, что и в древнерусской литературе «легендарные мотивы» присутствовали во многих

³⁴ Pekař J., Die Wenzels und Ludmila Legenden und die Echtheit Christisns, Prag 1906 – сноска дана по: Ильин Н.И., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 45-46.

³⁵ Pekař J., Svatý Václav, Praha 1929, стр. 13-14. Ориг.: *«Vskutku slovo „legenda“ znamená to, co má býti čteno v den svátku výročního o životě světově; jde tedy v zásadě o životopisy světců. Legendy václavské náleží k těm životopisům svatých, jež zbudovány jsou v podstatě na skutečnostech historických; nejsou ovšem prosty legendárních motivů. ... Ale nesmíme zapomenouti, že i tyto legendární živly jsou v jistém smyslu kusem skutečnosti, t. j. plodem ducha doby, výrazem jeho víry a naděje.»*

произведениях в том числе агиографической литературы и летописания как выражение современной «правды» автора.

3. Святые Борис и Глеб

«Святые благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб (в святом Крещении – Роман и Давид) были младшими сыновьями святого равноапостольного князя Владимира († 15 июля 1015 г.). Святой Борис получил в удел Ростов, а после смерти отца был убит по приказу старшего брата Святополка. После этого Святополк столь же вероломно умертвил святого Глеба, княжившего в Муроме. Жизнь святых страстотерпцев была принесена в жертву основному христианскому доброделанию – любви. Им молятся о победе над врагом и сохранении жизни воинов»³⁶ – так звучит вступление к молитве святым Борису и Глебу в день памяти 15 мая (2 мая по старому стилю) и 6 августа (24 июля по старому стилю) в молитвослове.

Также можно встретить краткую статью в православном календаре на 6 августа (24 июля по старому стилю): *«Мученики благоверные князья Борис и Глеб. Старший брат блаженных Бориса и Глеба Святополк воссел на великокняжеский престол в Киеве и в 1015 г. убил братьев, чтобы удержать захваченную им власть. Блаженные приняли смерть со смирением. На месте, где они лежали, иногда виделся огненный столп, иногда же оттуда доносилось ангельское пение. Вскоре на их могиле стали происходить различные исцеления. Святые страстотерпцы Борис и Глеб были первыми русскими святыми, канонизированными Русской и Византийской церквями»³⁷.*

В православном календаре на 15 мая по новому стилю / 2 мая по старому стилю находим: *«Борис и Глеб; перенесение мощей блгв., князей российских Бориса и Глеба, во св. крещении Романа и Давида (1015 и 1115)».* Далее следует краткая статья о святых: *«Российские князья Борис и Глеб – первые русские святые, канонизированные русской и Византийской церковью. Два брата-князя были убиты в 1015 г. по приказу их брата князя Святополка Окаянного. Братья почитаются на Руси как явившие пример самопожертвования, братолюбия, следования Христу. Став великим князем, их брат Ярослав Мудрый, глубоко почитавший своих погибших братьев, настоял на их канонизации. Спустя ещё сто лет их мощи были торжественно перенесены в новую, каменную усыпальницу»³⁸.*

Святым Борису и Глебу молятся о победе над врагом и сохранении жизни воинов³⁹, об очищении души, о единомыслии и здравии, и от избавлении от

³⁶ Большой православный молитвослов, Киево-Печерская Успенская Лавра 2008, стр. 703.

³⁷ Православный календарь на 2008 год, Санкт-Петербург 2007, стр. 160.

³⁸ Полный календарь народных и православных праздников (Зайцева Д.Е.), Ростов-на-Дону 2007, стр. 100.

³⁹ Большой православный молитвослов, Киево-Печерская Успенская Лавра 2008, стр. 703.

междоусобных битв⁴⁰.

В народном календаре под той же датой (15 мая по новому стилю / 2 мая по старому стилю) они упомянуты как «*Борис и Глеб Сеятели. Роман и Давид*». Связь святых с хлебом также находим в народном календаре на 6 августа по новому стилю / 24 июля по старому стилю: «*Борис и Глеб летние. Борис и Глеб – в поле поспел хлеб*»⁴¹. Отношение братьев к хлебу в народе, на наш взгляд, отражает их важность в народном сознании, т.к. данный продукт был не просто едой, но и определённым символом – достаточно привести в пример поговорку «*Хлеб – всему голова*». Одновременно народное осознание Бориса и Глеба предвещает фольклоризм Сказания.

3.1. История и культ святых Бориса и Глеба

О жизни Бориса и Глеба много сведений не сохранилось, неизвестны даже даты рождения князей. В Повести временных лет до момента их убиения они упоминаются лишь в общем перечне остальных сыновей: «*в 6496 (988) году ... Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него 12 сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Дривлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмутаракани*»⁴². Это можно объяснить тем, что не жизнь, а именно их смерть имела историческое значение, оставив яркий след в литературе. Борис-Роман Владимирович Ростовский и Глеб-Давид Владимирович Муромский, двое (из 12) сыновей Владимира-крестителя от болгарской матери, были убиты в 1015 году: Борис – 6 августа (24 июля по старому стилю)⁴³, а Глеб – 18 сентября (5 сентября по старому стилю)⁴⁴. Тело Бориса было тайно привезено в Вышгород и там погребено в церкви святого Василия, как позже и мощи Глеба их

⁴⁰ Молигвослов (Православный приход Храма иконы Казанской Божией Матери в Ясенево), Москва 2002, стр. 227-228.

⁴¹ Полный календарь народных и православных праздников (Зайцева Д.Е.), Ростов-на-Дону 2007, стр. 101, 149.

⁴² Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 186, 191.

⁴³ Борису было около 25 лет – Энциклопедический словарь под редакцией профессора И.Е. Андреевского, том IV, Санкт-Петербург 1891, стр. 411-412.

⁴⁴ Глеб был зарезан собственным поваром по имени Торчин. Интересен факт, что существует украинская кулинарная фирма «Торчин» (название дано по украинскому городку Торчин, который получил имя по тюрскому племени Торков). Однако людям, хорошо знающим Сказание о Борисе и Глебе, употреблять продукты данной фирмы по крайней мере некомфортно.

братом Ярославом уже в 1019 году⁴⁵. Ярослав Владимирович Новгородский (впоследствии «Мудрый»), молясь братьям Борису и Глебу, победил братоубийцу Святополка Ярополковича Туровского, названного «Окаянным», на берегах Альты (т.е. на том самом месте, где был убит Борис) и сел на киевский стол. Святополку было воздано по заслугам его: он был разбит Ярославом и бежал. В Сказании пишется, что перед смертью *«И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках»*⁴⁶. В бегах он и умер в 1019 году *«межю чехы и ляхы»*⁴⁷. Что интересно, самого места, где он бесчестно скончался, не найти на географической карте. По мнению О.И. Сенковского, *«выражение между Чехи и Ляхи есть род шутиливой поговорки, доныне известной в польском языке: Miedzy Czechy i Lechy значит – Бог весть, где и как!»*⁴⁸.

Отомстив за братьев, Ярослав стал добиваться церковной канонизации Бориса и Глеба. Когда точно его стремление увенчалось успехом неизвестно. Большинство исследователей склоняется к 20-ым годам 11 столетия, однако некоторые приводят 70-ые годы 11 века. Существуют также мнения, что культ Бориса и Глеба был утверждён во времена Владимира Мономаха, жившего в 1053-1125 года и правящего в 1113-1125 года. Возможно столь значительное расхождение в датах вызвано тем, что, по мнению некоторых исследователей, первая местная канонизация произошла полвека до официальной византийской. Поместная канонизация (только в Киеве) могла быть и в 1020 году, а церковная (признанная и в Византии) – скорее в 1115 году. Энциклопедическая литература⁴⁹ приводит 1071 год. Точно известно, что 15 мая (2 мая по старому стилю) 1072 года, по инициативе князя Изяслава, мощи Бориса и Глеба в присутствии князей и высшего духовенства были торжественно перенесены в новопостроенный вышгородский храм. А в 1115 году Владимир Мономах построил в Вышгороде новый храм святых Романа и Давида (Роман и Давид – крестные имена Бориса и Глеба), куда были 15 мая (2 мая по старому стилю) того же года перенесены их мощи⁵⁰. Наконец 24 августа (11 августа по старому стилю) 1191 года рака с частью Глебовых мощей была перенесена на Смядынь у Смоленска, где Глеб погиб. Храм в

⁴⁵ Энциклопедический словарь под редакцией профессора И.Е. Андреевского, том IV, Санкт-Петербург 1891, стр. 411-412.

⁴⁶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том I, Москва 1978, стр. 297.

⁴⁷ Приблизённо восстановленный (Бугославским С.А.) оригинал анонимного Сказания о свв. Борисе и Глебе – Бугославский С., Пам'ятки XI-XVIII в.в. про князів Бориса та Гліба, Київ 1928, стр. 151 // Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 543.

⁴⁸ Сенковский, Собрание сочинений, том 5, Санкт-Петербург 1858, стр. 499.

⁴⁹ Например: Большая советская энциклопедия, том 3, Москва 1970, стр. 569; Энциклопедический словарь под редакцией профессора И.Е. Андреевского, том IV, Санкт-Петербург 1891, стр. 411-412.

⁵⁰ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 216, 266.

Вышгороде был разрушен в 1240 году во время нашествия татаро-монгол на Киев, тогда же были утрачены мощи князей⁵¹.

В Повести временных лет Борис и Глеб упоминаются уже как святые: «*В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба.*» и «*В год 6623 (1115), индикта 8, собрались братья, русские князья, Владимир, называемый Мономах, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения их тел. Сначала они осветили церковь каменную мая 1, в субботу; потом же во 2-й день перенесли святых*»⁵².

Позже были канонизированы святые, жившие раньше Бориса и Глеба. Однако именно князья Борис и Глеб были хронологически первыми святыми, канонизированными русской церковью.

Борис и Глеб не являются мучениками за Христа, они пали в княжеской усобице, как многие до и после них. Одновременно с ними Святополк расправился и с третьим братом Святославом Владимировичем Древлянским (сыном чешской матери), о канонизации которого речь и не заходила. Святополк, взойшедший на трон в 1015 году и начавший убивать братьев в стремлении предотвратить феодальную раздробленность и установить на Руси единое государство, лишь подражал своему отцу Владимиру-язычнику (как поступали многие князья до и после него), как об этом упоминается в самом Сказании: «*Владимир же, в то время ещё язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою*»⁵³. В Повести временных лет читаем: «*В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Ещё при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им: „Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери“*»⁵⁴. Как мы видим, в летописи, как и в многих других источниках, умалчивается об убийстве Ярославом своих братьев. Если же и упоминается, то как месть в случае Святополка, или же оправдано целью соединения Руси. Братоубийство вообще в то время было вещью нередкой и аргументированной, или по выше упомянутым причинам, или же по принципу «Он первый начал!». Более того, Г.П. Федотов обращает внимание на то, что в греческой церкви очень мало святых мирян: почти все святые относятся к числу мучеников за веру, преподобных и святителей⁵⁵. Это показывает всю парадоксальность

⁵¹ Большая российская энциклопедия, том 4, Москва 2006, стр. 44.

⁵² Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 216, 266.

⁵³ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 279.

⁵⁴ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 207.

⁵⁵ Федотов Г.П., Святые Древней Руси, Париж 1989, стр. 19.

канонизации убитых в междоусобице князей. А также доказывает политический и правоучительный подтекст как вызов против братоубийственных войн между князьями, к единению Руси и к повиновению младших братьев старшим в интересах данного единения. В Сказании Борис произносит: *«Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же ещё и старшего»*⁵⁶. Идея старшинства была распространена и поддерживалась в раннефеодальной идеологии, как в литературе письменной, так и в устной словесности. Её отчётливые следы находим в восточно-славянском героическом эпосе. Например: былишний Илья Муромец – «старшой» богатырь и все его слушаются.

Борис и Глеб – первые «непротивленцы злу»⁵⁷ и «страстотерпцы». В этом уникальность культа и Сказания. Борис и Глеб относятся к группе убиенных мучеников, принявших смерть в подражание Христу (в отличие от принявших смерть за веру во Христа). Данная группа приобрела особое уважение и была более известной. Интересным фактом является то, что после смерти Борис и Глеб становятся воинскими защитниками Руси, т.е. воинский успех приносят непротивленцы злу: *«вашей помощью и защитой князя наши всех противников побеждают и вашей помощью гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем»*⁵⁸. Летописи полны рассказами о победах, одержанных их именем и помощью: например, Рюрика Ростиславича над Кончаком и Александра Невского над немцами⁵⁹. Хотя здесь стоит отметить, что это не оригинальный случай. В русском фольклоре встречаются примеры так называемой «пассивной» борьбы, т.е. не с помощью «рукоприкладства» (как например в случае богатырей), а с помощью молитвы (духовные стихи).

На иконах Борис изображается молодым, обычно с небольшой тёмной бородой и усами, а Глеб – юным, безбородым, с ниспадающими на плечи длинными локонами⁶⁰.

События, связанные с убиением Бориса и Глеба, были описаны многочисленно и относились к наиболее распространённым. На борисоглебовскую тему возникли на Руси следующие литературные произведения⁶¹:

1) летописная статья «О убиении Борисове» в «Повести временных лет» за 6523 (1015)

⁵⁶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 285.

⁵⁷ Федотов Г.П., Святые Древней Руси, Париж 1989, стр. 29-30.

⁵⁸ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 299.

⁵⁹ Энциклопедический словарь под редакцией профессора И.Е. Андреевского, том IV, Санкт-Петербург 1891, стр. 411-412.

⁶⁰ Большая российская энциклопедия, том 4, Москва 2006, стр. 44.

⁶¹ Бугославский С.А., Текстология Древней Руси, 2, Москва 2007, стр. 7-338; Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 21-209; Словарь книжников и книжности Древней Руси (X – первая половина XIV в.), Ленинград 1987, стр. 398-408.

год (изначально «Древнейший летописный свод», составленный по инициативе Ярослава Мудрого);

- 2) анонимное «Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу» (11 век), написанное в первое же столетие после их мученической смерти в Киево-Печерской лавре. Позже к Сказанию были приписаны «Сказание о чудесах», «Статья о торжественном перенесении мощей Бориса и Глеба» и статья «О Борисе, каков был видом»;
- 3) краткая служба о Борисе и Глебе, написанная митрополитом Иоанном (1020 год), расширенная в 12-13 столетии (на материале анонимного Сказания) и переписываемая вместе с каноном Пахомия Сербя 15 века;
- 4) «Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба», написанное монахом Киево-Печерского монастыря Нестором в начале 12 века.
- 5) три паремийных чтения о Борисе и Глебе – конец 11 века - начало 12 века (составлены на основании одного из летописных сводов, предшествующих Повести временных лет);
- 6) краткая проложная легенда о Борисе и Глебе на 24 июня и множество коротких проложных статей, вошедших в Пролог русского состава в 13 веке;
- 7) «Похвальное слово» (духовный стих) о Борисе и Глебе – 15 век (обе редакции текста возникли независимо одна от другой из одного и того же текста анонимного Сказания в Синодальной редакции 15 века).

Мы рассмотрим «Сказание и страдание и похвалу святым мученикам Борису и Глебу», которое является темой нашей работы, подробнее.

3.2. Сказание о святых Борисе и Глебе

«Сказание и страдание и похвала святым мученикам Борису и Глебу» (далее: Сказание) было первой литературной обработкой туманных, отрывочных и противоречивых устных преданий о гибели Бориса и Глеба. Оно было первым законченным по форме (большой, трёхчастной) оригинальным русским житием. Вообще первым русским житием, по-мнению С.А. Бугославского, считается статья «Об убиении Бориса» под 6523 (1015) годом в Повести временных лет, включённая ещё в Древнейший Киевский свод 1039 года⁶², однако оно было неполным по канону. К

---

⁶² История русской литературы (ред. Орлов А.С. и др.), том 1, Москва-Ленинград 1941, стр. 317.

тому же Сказание, в отличие от летописей, не описывает факты беспристрастно, оно полно ярких эмоциональных монологов и художественной фантазии, дополняющих исторические события. По этой причине Сказание можно назвать первой русской исторической повестью или первым русским историческим романом. Написанное ясным языком, занимательно, Сказание вызывало живой интерес у читателей многих веков.

Сказание тяжело определить по жанру. По форме произведение было частично выдержано в стиле переводных византийских житий (в трёхчастной форме: вступление, повествовательная часть и похвала-заклочение): первая – краткое знакомство с семьёй князя Владимира; вторая – повествование о событиях от смерти Владимира по погребению Глеба вместе с Борисом в Вышгороде; третья – похвала Борису и Глебу, являющаяся как бы заключением Сказания. Однако оно, как неоднократно многими отмечалось, во многом отличается от типичного жития: нет классического вступления, говорится только об их смерти (плюс историческая обстановка), не соблюдены нормы и каноны агиографической литературы. Сам автор, вероятно, сознавая это, назвал своё произведение «сказанием», а не «житием». Д.С. Лихачёв обращает внимание на то, что древние авторы часто указывали в заглавии несколько жанровых определений из-за сложности жанровой системы и ряда описываемых предметов повествования⁶³. В нашем случае это: «сказание», «страдание», «похвала». Политическая актуальность темы и стремление создать апологию князю Ярославу помогли преодолеть застывшие литературно-агиографические каноны. Так новое содержание обновило стиль и форму произведения. Сказание зародило новый жанр – княжеское житие. В области стилистических форм Сказание оказало влияние на ряд произведений житийной литературы. А тема об убиении Бориса и Глеба отразилась и в современной художественной литературе: в прозе например исторические романы Юрия Буйды «Борис и Глеб»⁶⁴ (1999 год) и Бориса Тумасова «Борис и Глеб: Кровью отмыты»⁶⁵ (2002 год); а в поэзии стихотворения Константина Бальмонта «Убийца Глеба и Бориса»⁶⁶ (1900 год), Валерия Брюсова «По меже»⁶⁷ (1909-1910 годы), Сергея Соловьёва «Святой Борис»⁶⁸ (1913 год), Александра Галича «Памяти Живаго»⁶⁹ (1971), Бориса Чичибабина «Ночью черниговской с гор араратских...»⁷⁰ (1977 год) и т.д.

⁶³ Лихачёв Д.С., Поэтика древнерусской литературы, Ленинград 1971, стр. 45-47.

⁶⁴ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/255716/>

⁶⁵ <http://www.ozon.ru/context/detail/id/3391383/>

⁶⁶ Бальмонт К., Стихотворения, Москва 1989, стр. 207-208.

⁶⁷ Брюсов В., Сборник (составитель В.Е. Максимов-Евгеньев), Ленинград 1925, том II, стр. 111-112.

⁶⁸ Соловьёв С.М., Цветник царевны, Москва 1923 – списка дана по: Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 314-315, 317.

Отличительной особенностью Сказания является лиризм. Автор, описывая какой-либо мелкий факт, мастерски воссоздавал эмоциональную яркую картину. Писатель широко пользовался Библией, проплетая цитаты с молитвенными речами героев и собственными рассуждениями. Предсмертные монологи Бориса и Глеба, занимая большую часть текста, составляют особенность Сказания. Подобных обширных и пронизательных монологов мы не наблюдаем ни в одной известной редакции легенд о святом Вячеславе. Безусловно, автор черпал вдохновение и в других известных ему памятниках, например наряду со страданиями Вячеслава, Борис вспоминает и страдания святого мученика Никиты и святой Варвары: «*Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец*»⁷¹. Помимо вышеупомянутых параллелей, Н.Н. Ильин приводит⁷² некоторые исторические источники, повествующие о русских событиях того времени, которые могли быть положены в основу Сказания: русская летопись, хроника Титмара (епископа Марзебургского), польские хроники, Эймундова сага, «Сказание чудесь святою страсотърпыцю Христову Романа и Давида», церковная служба Борису и Глебу митрополита Иоанна, «Чтение о житии и погублении блаженную страсотерпца Бориса и Глеба» Нестора⁷³. Однако одним из значимых источников, освежившим и обогатившим текст произведения, была русская народная лирика фольклора, на чём мы подробнее остановимся в части «Влияние фольклора на Сказание о святых Борисе и Глебе». Возможно эта черта Сказания, столь близкая читателям, была наиболее ими оценена и послужила причиной широкой популярности памятника, о чём свидетельствует большая распространённость его списков.

Древнейший из дошедших до нас списков Сказания сохранился в Успенском сборнике 12 века (когда-то принадлежавшем Московскому Успенскому собору)⁷⁴. Памятник был впервые издан митрополитом Макарием в журнале «Христианское

---

⁶⁹ Галич А., Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи., Екатеринбург 1998, стр. 222-224.

⁷⁰ Чичибабин Б., И всё-таки я был поэтом..., Харьков 1998, стр. 244-245.

⁷¹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 285.

⁷² Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 71.

⁷³ Здесь стоит отметить, что некоторые исследователи считают, что Чтение Нестора было написано на основании Сказания, например: Бугославский С.А. (Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 261-303), митрополит Макарий (История русской церкви, книга вторая, Москва 1995, стр. 27); Фет Е.А. (Словарь книжников и книжности Древней Руси (X –первая половина XIV в.), Ленинград 1987, стр. 182).

⁷⁴ Абрамович Д.И., Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Петроград 1916, стр. VIII.; Словарь книжников и книжности Древней Руси (X –первая половина XIV в.), Ленинград 1987, стр. 398.

чтение»⁷⁵ за 1849 год по рукописи 16 века. В настоящее время известен 171 список Сказания⁷⁶, причём ни один из них не содержит прямых указаний ни на личность его автора, ни на время составления памятника (единственной упомянутой датой является 1015 год – год гибели Бориса и Глеба).

Вопрос авторства в своё время вызвал дискуссию ряда учёных. Главным претендентом был Иаков мних, об авторстве которого первым высказал предположение М.П. Погодин⁷⁷, митрополит Макарий пришёл к тому же выводу⁷⁸. Об авторстве Иакова мниха, как и времени написания Сказания, также спорили многие другие исследователи, например⁷⁹: О.М. Бодянский, П.Г. Бутков, Н.А. Владимирский, П.В. Голубовский, Д.И. Иловайский, П.С. Казанский, Н. Левитский, А.И. Соболевский, И.И. Срезневский, А.Ф. Тюрин, И.П. Хрущев и прочие. Наконец Н.К. Никольский и А.А. Шахматов привели аргументы, отвергающие мысль об авторстве Иакова мниха. К началу 20 века данная проблематика уже считалась решённой, как отмечают например Д.И. Абрамович⁸⁰ и С.А. Бугославский⁸¹, – Сказание является произведением неизвестного автора.

С вопросом авторства связано время написания произведения, по поводу которого мнения учёных также расходились. Одни придерживались 1072 года⁸², иные –

---

⁷⁵ Макарий (Булгаков), Три памятника русской духовной литературы XI в. // ХрЧт. СПб. 1849. Ч. 2, стр. 336-366 – сноска дана по: Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 63.

⁷⁶ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 15, 77-148.

⁷⁷ Погодин М.П., Иаков мних, русский писатель XI в., и его сочинения // ИОРЯС, СПб. 1852, т. 1., стр. 331 – сноска дана по: Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 22.

⁷⁸ Макарий (Булгаков), Три памятника русской духовной литературы XI в. // ХрЧт. СПб. 1850. Ч. II, стр. 301-316 (статья) – сноска дана по: Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 22.

⁷⁹ Бодянский О.М., Житие святых мучеников Бориса и Глеба – Предисловие к изданию Сказания о Борисе и Глебе в «Чтении Общества истории и древностей российских» // ЧОИДР. М. 1870. Кн. 1. Отд. 3. стр. I-XVII; Бутков П.Г., Разбор трёх древних памятников русской духовной литературы // Современник. СПб. 1852. Т. 32. №4. стр. 85-106; Владимирский Н.А., Несколько слов о прологе, памятнике древне-русской письменности, и несколько литературных вопросов из древнейшей эпохи нашего просвещения // Уч. Зап. КУ, Казань 1875. Т. XLII. №5. стр. 851-883; Голубовский П.В., История Смоленской земли до начала XV ст. Киев 1895. стр. 246-247; Иловайский Д.И., История России, Москва 1876. Ч. I. стр. 313-314; Казанский П.С., Ещё вопрос о Несторе... // ВремОИДР. М. 1849. Кн. 1. стр. 23-30; Левитский Н., Важнейшие источники для определения времени крещения Владимира и Руси и их данные. По поводу мнения проф. Соболевского // ХрЧт. СПб. 1890. Ч. I. №3-4. стр. 370-421; Соболевский А.И., В каком году крестился св. Владимир? // ЖМПН, Санкт-Петербург 1888. Июнь. стр. 396-397; Год крещения Владимира св., // ЧОНЛ, Киев 1888. Кн. 2. Отд. II. стр. 1-16; Срезневский И.И., Древние жизнеописания русских князей X-XI века // ИОРЯС, СПб. 1853, т. II. Стб. 113-130; Тюрин А.Ф., Мнение о Иакове мнихе академика П.Г. Буткова // ИОРЯС, СПб. 1853. Т. II. Стб. 81-95; Хрущев И.П., О древне-русских исторических повестях и сказаниях: XI-XII столетия, Киев 1878. стр. 41-58; Никольский Н., Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.), СПб. 1906; Шахматов А.А., Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908 – сноски даны по: Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 21-62.

⁸⁰ Абрамович Д.И., Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Петроград 1916, стр. VII.

⁸¹ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 45.

⁸² Этому мнению придерживались, например, митрополит Макарий (Христ. Чтен. 1849 г., ч. II, стр. 313. – сноска дана по: Абрамович Д.И., Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Петроград 1916, стр. VII.); Н.Н. Ильин

вплоть до середины 12 века⁸³. Дело осложняла и проблематика взаимосвязи Сказания, летописной статьи «Об убиении Бориса» в Повести временных лет и «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба» Нестора Летописца, о чём мнения учёных расходятся по сей день. Исследование затруднено тем, что даже самый древний сохранившийся список памятника является не оригиналом, а копией с вторично внесённым «Сказанием о посмертных чудесах Бориса и Глеба». Н.К. Никольский пишет: *«ни одно из высказанных предположений о времени происхождения „сказания“ не имеет за себя точно установленных оснований, потому что никому ещё не удавалось выяснить историю текста этого памятника»*⁸⁴. Однако резюмируя мнения многих учёных, можно предположить, что само Сказание было написано вероятно около (до) 1072 года к торжеству перенесения мощей в ново-построенную Изяславом церковь 15 мая 1072 (2 мая 1072 по старому стилю). А в последствии тремя разными авторами были дописаны Сказания о чудесах. Как отмечает С.А. Бугославский, уже в 11 веке Сказание было дополнено дописанными к нему статьями о чудесах, составленными по протокольным записям Вышгородской церкви⁸⁵. Неизвестный автор написал в 1089-1105 годах вступление к Сказанию о чудесах, а за ним и ряд статей: чудо с варягами, пожар церкви, «О выносе святого», «Чудо о хромом», «Чудо 2-е о слепце», «Чудо 3-е о хромом», «О перенесении святого мученика», «Чудо 4-е о хромых и о немых», «Чудо 5-е о жене сухоруце», «Чудо 6-е о слепцах святых мучеников Романа и Давида и святого Георгия». После 1097 года (вероятно 1108-1111 годы) эта новая редакция Сказания об убиении с последующим Сказанием о чудесах была дополнена новой статьёй о чуде с заключёнными князем Святополком Изяславичем. Во время княжения Владимира Мономаха, вскоре после перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 году, Сказание с последующими чудесами было дополнено рассказом о торжестве перенесения мощей, причём конец статьи о заключённых Святополком был подправлен, а в самом конце Сказания об убиении дописана статья «О Борисе, каков был видом», написанная в подражание летописным характеристикам князей и высшего духовенства. Однако, что весьма важно, все лица, дополнявшие Сказание об убиении, оставили его первоначальный текст без всяких

(Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 80-81), А.И. Рогов (Рогов А.И., Сказания и начало Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 25)

⁸³ Этого мнения придерживался, например, П.Г. Бутков (Разбор трёх древн. Памятн. Русск. Духовн. Литерат. — «Современник» 1852 г., т. XXXII, отд. 2, стр. 91-92. — сноска дана по: Абрамович Д.И., Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Петроград 1916, стр. VII.)

⁸⁴ Никольский Н., Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.), С.-Петербург 1906, стр. 257.

⁸⁵ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 306.

редакционных изменений: в списках появилось лишь несколько описок и незначительных пропусков слов. На протяжении веков Сказание подвергалось различным обработкам. 16 век значительно оживил работу над текстом анонимного произведения в связи с повышением интереса к истории Московского государства и стремлением московских царей укрепить авторитет своей власти на давности своего рода. Чудеса святых стали обязательным элементом жития, в связи с чем к Сказанию об убиении в редакциях Торжественника, Синодальной, Северо-западно-русской в ряде списков дописывается сокращенная редакция Сказания о чудесах. Новым редакционным изменением Сказание подверглось при митрополите Макарии, включившем его в Великие четыре минеи. Последней завершающей и самой распространённой работой над текстом Сказания является редакция Дмитрия Ростовского, на ней заканчивается история преобразований Сказания.

Сказание дошло до нас в большом количестве списков. Наиболее полное текстологическое исследование, охватывающее 171 список, было предпринято С.А. Бугославским, который разделил рассмотренные списки на 6 редакций⁸⁶:

- 1) Редакция Торжественника (большинство списков этой группы находим в Торжественниках) – между 2-й половиной 14 века и 1-й половиной 15 века; 51 список.
- 2) Синодальная (название от одноимённого списка, хранившегося в бывшем архиве Синода № 1301), Контаминированная и Степной книги (источником был текст Синодальной редакции) – 15 век; 55 списков.
- 3) Северо-западно-русская редакция (возникла, вероятно, в Псковской области) – 15 век; 10 списков.
- 4) Сильвестровская (по имени старшего пергаментного списка в новгородском Сильвестровском сборнике) и восходящая к ней Минейная редакция (для Четьих миней митрополита Макария) – 14 век; 15 списков.
- 5) Чудовская редакция (по старшему типичному списку бывшей Московской Синодальной библиотеки, Чудова монастыря № 20) – 14 век; 36 списков.
- 6) Успенская редакция (по Успенскому сборнику) – 12 век; 4 списка.

Самым близким к несохранившемуся оригиналу С.А. Бугославский считает текст Чудовской редакции, архетип которой положен в Успенский список, на основании которого он приблизительно восстановил оригинал Сказания. Учёный считает возможным утверждать, что, не смотря на все трудности, восстановленный им текст

---

⁸⁶ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 15, 77-148.

незначительно отличается от недошедшего до нас оригинала. Не смотря на то, что некоторые копии были сделаны несколько веков спустя, время от времени переписчик - ценитель старины находил в книжных хранилищах старые рукописи и старался точно их копировать. Установленный С.А. Бугославским оригинал, по его мнению, должен отличаться от действительного, во-первых, орфографией, которую он не счёл возможным восстановить, во-вторых, формами языка, в-третьих, кое-где порядком слов, в-четвертых, предполагаемый оригинал, может быть, страдает двумя-тремя небольшими гаплографиями или же интерполяциями. Безусловно, восстановление не дошедшего до нас оригинала текста по многочисленным позднейшим спискам – дело довольно отважное, в некоторых моментах – рискованное, а результат кое-кому может казаться спорным. Однако всё же не стоит пренебрегать опытом С.А. Бугославского. Его титанический труд, проделанный над огромным количеством рукописей, заслуживает нашего внимания. Текст восстановленного С.А. Бугославским анонимного Сказания⁸⁷ с новейшей пунктуацией приводим в приложении № 2.

По техническим причинам примеры из текста будем приводить в переводе (адаптации) на современный язык. А именно: Сказание – по «Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978» (под редакцией Д.С. Лихачёва, перевод текста Д.С. Лихачёва); а Легенды – по «Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999» (под редакцией Д.С. Лихачёва, перевод текста А.А. Турилова), «Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970» (под редакцией В.Д. Королюка, перевод текста А.И. Рогова) и «Житие и умучение святого Вячеслава и бабки его Людмилы, Прага 1921» (автор И. Пекарж, перевод текста А.Л. Стршижа).

---

⁸⁷ Бугославський С.А., Пам'ятки XI-XVIII в.в. про князів Борисв та Гліба, Київ 1928, стр. 138-154 // Бугославський С.А., Текстологія древньої Русі, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 530-546.

4. Влияние легенд о святом Вячеславе на Сказание о святых Борисе и Глебе

Сам князь Борис мог и не знать судьбы чешского святого, однако автор Сказания вне всяких сомнений не только знал, но, упоминая о мучении и страданиях святого Вячеслава, и был уверен в знакомстве с ней читателей своего времени.

4.1. Чешско-русские культурные связи и чешские памятники на Руси

Первые славянские культурные памятники в Чехии возникли в Сазавском монастыре. После насильственной латинизации в 1097 году деятельность монастыря не исчезла без следа. Возникшие здесь произведения существовали и далее, проникли далеко за пределы Чехии, особенно на Русь, с которой Сазавка была в тесном контакте. В Киеве и в других русских городах славянская письменность расцветала и далее – по образцу переводных хроник возникли свои хронографы, писались летописи, легенды жития, хождения и т.д. Среди них находим и чешские произведения, переписанные и переработанные. Однако данный феномен не является чем-то исключительным, а представляет собой закономерный результат многовековых связей в разных областях человеческой деятельности.

Уже в конце 10 века были даны все политические условия, необходимые для развития чешско-русских культурных связей. Судя по сведениям Козьмы Пражского, Краков до конца 10 века принадлежал чехам: *«границы этой страны, которые я расширил к самим горам за Краковом»*⁸⁸. В таком случае, после того как Владимир в 981 году занял *«Перемышль, Червен и другие города»*⁸⁹, Киевская Русь имела даже общую границу с Чехией в пределах Галиции вплоть до 999 года, когда, по данным Козьмы Пражского, Краков отошёл Польше: *«князь польский Мешко, лукавее которого не было человека, сразу завладел лукавством замком Краковским»*⁹⁰. Как указывает Н.К. Никольский, ещё при Владимире в 10 веке князья обменивались посольствами с

⁸⁸ Kosmova kronika česká, Praha 1972, стр. 56. Ориг.: *«hranice této země, jež jsem já rozšířil až k horám za Krakovem»*

⁸⁹ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 175.

⁹⁰ Kosmova kronika česká, Praha 1972, стр. 56. Ориг.: *«kníže polský Měšek, nad něhož nebylo lstivějšího člověka, ihned se zmocnil lstí hradu Krakova»*

западными народностями⁹¹; с Польшей, Венгрией и Чехией Владимир жил в мире и любви – в Повести временных лет под 6504 (996) годом находим «... и жил (Владимир) в мире с окрестными князьями – с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь»⁹². По свидетельству еврейского путешественника 10 века Ибрагима Ибн-Якуба, русские и восточные купцы вели торговлю с Краковом и Прагой⁹³. Были открыты двери и для религиозных представлений Запада и Востока, и для их преданий и сказок, и для предметов искусства и ремесел, и т.п. культурных завоеваний. По словам Титмара (10-11 век), в начале 11 века Киев был уже обширным городом, куда стекались представители зарубежных стран, помимо иных и «Латина». В конце 11 века Владимир Мономах предлагал встречать иноземных «гостей» с «честью». Здесь следует отметить, что в отличие от Печерского монастыря, где человек, говоривший «жидовскы, потом латинскы, тоже греческы и, спроста реци, всеми языкы»⁹⁴, признан был братьею одержимым лютым бесом, Владимир Мономах учил своих детей подражать его отцу, знавшему 5 языков, так как «оттого и честь от других стран»⁹⁵.

Повесть временных лет свидетельствует о знакомстве с географическими границами Чехии и Моравы, о которых встречается ряд известий. Например при описании расселения народов автор упоминает и чехов: «Спустя много лет сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались моравы, а другие назвались чехи»⁹⁶. Далее: «В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: „Не люблю мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы“»⁹⁷. В «Поучении Владимира Мономаха», которое также включено в Повесть временных лет, Владимир Мономах вспоминает: «Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их 4 месяца»⁹⁸. А также: «Так вот и теперь, с Божьей помощью, по молитвам Богородицы и святых ангелов, возвратились русские

⁹¹ Никольский Н.К., К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник Академии Наук СССР, 1933, № 8-9, стр. 14.

⁹² Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 193.

⁹³ Иконников В.С., Опыт русской историографии, т. II, кн. I изд. 1891-1908 гг., Оснабрюк 1966, стр. 157.

⁹⁴ Никольский Н.К., К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник Академии Наук СССР, 1933, № 8-9, стр. 14, 15.

⁹⁵ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 240.

⁹⁶ Там же, стр. 144.

⁹⁷ Там же, стр. 169.

⁹⁸ Там же, стр. 240.

князя восвояси со славою великою, разнёсшейся ко всем людям, так и по всем дальним странам, то есть к грекам, венграм, полякам и чехам, даже и до Рима дошла она, на славу Богу, всегда ныне и вечно и во веки веков, аминь»⁹⁹. Подведя и обобщив итоги ряда учёных, А.В. Флоровский пришёл к выводу, что вопрос о непосредственных связях между Чехией и Киевской Русью при Владимире, его сыновьях и внуках можно признать положительно решёнными¹⁰⁰.

Кроме того свою роль сыграл и языковой фактор. Во время написания легенд о святом Вячеславе и Сказания о Борисе и Глебе на территории Чехии, как пишет В. Гунячек, была ситуация западно-восточного биритуализма (римского и византийского ритуалов) христианской церкви и его латинско-церковнославянского билингвизма в ритуале западном, т.е. до окончательного раскола церкви в конце 11 века Чешские земли, как и Русь, были под влиянием как западной римской культуры, так и восточной византийской¹⁰¹. По мнению учёного, это давало идеальную предпосылку для возникновения славяно-латинской школы переводчиков, которая могла сыграть весьма важную роль во взаимоотношениях европейского латинского универса с миром Славянства, использующего церковнославянский язык. И как-раз чешско-русские взаимоотношения и связи с древних времён имели место не только из-за потребностей славянских государств различной культурной ориентации, но также из-за потребности взаимосвязи западоримской империи и папства с Киевской Русью, тем более, что чешская территория являлась для этих связей транзитной. Как указывают В. Гунячек и А.В. Флоровский, известно, что по коммерческой магистрали Майнц-Регенсбург-Прага-Вратислав-Краков-Киев реализовывались не только экономические связи территорий Рейна и Дуная с территориями Влтавы, Одры, Вислы и Днестра, но также политические и культурные связи государственных учреждений в данных областях¹⁰². Ярким примером может послужить факт, что первые папские и императорские послания киевскому великокняжескому двору сопровождалась также послами государств чешского, польского и венгерского¹⁰³ (тогдашних территорий Великой Моравы, на которых господствовали подобные «латино-славянские» языковые отношения). Старославянский язык, церковный и литературный, в 10 и 11 веках был единственным национальным литературным языком славянских племён, включал весь

⁹⁹ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 263.

¹⁰⁰ Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 9-264.

¹⁰¹ Нуňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 11-12.

¹⁰² Нуňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 12; Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 158-199.

¹⁰³ Никоновская летопись, ПСРЛ IX, 68 – сноска дана по: Нуňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 12.

основной массив славянского мира и оправдал себя как мощный фактор всеславянского культурного единства и славянского национального самосознания. Р. Якобсон также отмечает, что «язык» по старой славянской терминологии обозначал и «речь» и «народ»¹⁰⁴. Таким образом, народ, его язык и церковь в церковнославянском языке сплетаются воедино. В отличие от языка латинского и греческого, используемых в церковнослужении, церковнославянский являлся языком народным и национальным, или славянским транснациональным наряду с родным языком каждого славянского народа. В Повести временных лет находим: «... а Мефодий остался в Моравии. ... К моравам же ходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Поэтому учитель славян – апостол Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянских народ и поставил себе у славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь пошли русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской»¹⁰⁵. Здесь можно добавить, что значение Моравы в культурно-образовательной сфере понималось и упоминалось ещё в Повести временных лет: «Для них ведь, моравов, первых созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских»¹⁰⁶.

Чешско-русские контакты поддерживались несомненно и династическими браками. Вопреки предписаниям греческих митрополитов, большинство брачных союзов в 10-12 веках роднили русских князей с западными и с западно-славянскими – эти браки, конечно, не могли остаться бесследными в процессе проникновения западной культуры на Русь. При этом в первых постоянных иностранных миссиях, которые в правящих династиях возникали вследствие браков, весьма значимой была роль послов. Известно, что каждый «дипломатический» молодожён приходил ко двору своего будущего партнёра с многочисленной свитой, в которой представители духовенства играли, как единые носители средневекового образования, значимую роль. В свою очередь они безусловно преподносили не только величие и заслуги представляемого/сопровождаемого рода, но и распространяли славу местных святых, в первую очередь членов данного рода. Если верить словам летописца о том, что старший сын Владимира Святого Вышеслав Новгородский был от чешской матери – «*Был же Владимир побеждён похотью, и были у него жёны: ... от чехини* – (имел он)

¹⁰⁴ Jansen O. (Jakobson R.), *Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu*, Praha 1998, стр. 22-45.

¹⁰⁵ Лихачёв Д.С., *Повесть временных лет*, Санкт-Петербург 1996, стр. 152.

¹⁰⁶ Там же, стр. 151.

*Вышеслава, ...»*¹⁰⁷ (некоторые источники утверждают, что две жены Владимира были чешками), – можно констатировать, что между Киевской Русью и Чехией происходили династические браки ещё до официальной христианизации Руси. А в 11 и 12 веках родственные связи Рюриковичей и Пржемысловичей представлены весьма «богато»¹⁰⁸. Была ли Предслава Владимировна, сестра Бориса и Глеба (также от матери-болгарки Рогнеды Половской), действительно супругой чешского князя Болеслава III, то можем её считать первым известным русским «послом» в Чехии; а учитывая то, что в то время на Руси уже было заведено христианство как государственная религия, можем её считать также первой возможной носительницей и почитания святого Вячеслава в Киеве (куда после заточения своего супруга польским Болеславом Храбрым была вынуждена вернуться). Впоследствии «дипломатическими» браками был довит венок родовых взаимосвязей между русскими Рюриковичами и чешскими Пржемысловичами: «с точки зрения» Бориса и Глеба браком Владислава Германа и Юдиты (Итки) Вратиславовны стала эта прапраплемянница первых русских мучеников невесткой их сестры, тогда как её мачеха была их племянницей. Вратислав II женился на Адлейте (Адельгейде), внучатой племяннице Бориса и Глеба, а после её смерти на Сватаве (Святославе), внучке Владимира Святого и племяннице Бориса и Глеба («вскормленной» легендой о первых русских святых). А в 1085 году Сватава (Святослава) рядом с Вратиславом II стала первой чешской королевой. И как раз её коронация, по мнению В. Гунячека, вероятно послужила удобным случаем для перенесения части мощей первых русских мучеников в Чехию (вероятно вначале на Вышеград, потом на Сазаву)¹⁰⁹ с сопроводительными текстами их легенды.

Упоминание о нахождении мощей Бориса и Глеба в Сазавском монастыре мы встречаем в хронике Козьмы Пражского (в качестве интерполяции)¹¹⁰: *«В год от Рождества Христова 1095 ... 14 октября была почтенным Космасом (Козьмой), восьмым епископом святого костёла пражского, освящён в Сазаве ораторий, построенный местным аббатом Божетехом ... 16 октября были освящены два алтаря; в одном из них, с правой стороны, хранятся мощи ... святого Глеба и его товарища»*¹¹¹. Данная запись свидетельствует о том, что процесс канонизации и

¹⁰⁷ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 174.

¹⁰⁸ Об этом подробнее: Нуňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 11-31; Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 58-72.

¹⁰⁹ Нуňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 31.

¹¹⁰ Kosmova kronika česká, Praha 1972, стр. 145. Ориг.: *«Roku od narození Páně 1095 ... 14. října byla od ctihodného Kosmy, osmého biskupa svatého kostela pražského, posvěcena v Sázavě oratoř, již vystavěl tamní opat Božetěch ... 16. října byly osvěceny dva oltáře; v jednom z nich, na pravé straně, chovají se ostatky ... svatého Gleba a jeho druha»*

¹¹¹ Выделение Глеба в редких случаях встречалось и на Руси – Рогов А.И., Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 14.

почитание святых Бориса и Глеба были известны на территории Чехии, начиная с Сазавского монастыря; и святые воспринимались западным христианством как мученики времени церковного единства (до раскола в 1054 году)¹¹². Данное событие, как обращает внимание А.И. Рогов, является весьма интересным фактором замыкания круга чешско-русских культурных связей¹¹³: чешские житийные произведения оказали влияние на Сказание о Борисе и Глебе, а в 1095 году мощи русских стратотерпцев приносятся в одну из славянских святынь Чехии¹¹⁴. А в 1724 году Борис и Глеб были канонизированы также папой Римским Бенедиктом XIII¹¹⁵.

По мнению М.Ю. Парамоновой, вероятно именно из Сазавского монастыря, в котором с момента его основания в 1032-1033 году и вплоть до 1096 года поддерживались традиции богослужения и письменности на славянском языке, в Киевскую Русь и попала основная часть посвящённых Вячеславу текстов¹¹⁶. В конце 11 века существовала тесная связь между Сазавским монастырем и Киево-Печерской Лаврой. По мнению Р. Якобсона, нельзя исключить, что кириллица появилась в Чехии наряду с традиционной глаголицей под русским влиянием; возможно в 11 веке из Руси до Чехии доходили кириллические рукописи, например, часть Реймского евангелия, киевская служба Борису и Глебу и возможно иные русские произведения того времени (однако обратный ток влияния, т.е. из Чехии на Русь, был гораздо интенсивнее и разнообразно сдокументирован в русской духовной культуре)¹¹⁷. Примером влияния Востока вероятно также служит непривычная для Чехии планировка костёла святого Креста (в форме греческого равнобедренного креста, т.нз. тетраконх), построенного в 1061-1070 годы в северном саду Сазавского монастыря славянскими монахами после возвращения из изгнания¹¹⁸.

Данные контакты Сазавского монастыря с Киево-Печерской Лаврой подкрепляют взгляд Р. Якобсона о прямом пути проникновения старославянских

¹¹² Nuňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972, стр. 24.

¹¹³ Рогов А.И., Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 14.

¹¹⁴ Мощи Бориса и Глеба здесь были вероятно недолго, т.к. их последующее пребывание в Сазавском монастыре мало вероятно после 1096 года по причине окончательного изгнания славянских монахов князем Бржетиславом II, после чего славянские рукописи были уничтожены, а монастырь был заселён латино-ориентированными Бржевновскими бенедиктинцами. – <http://www.klaster-sazava.cz/dejiny/lidi/>

¹¹⁵ <http://catholica.cz/index.html?id=3314>. За ценное указание к культу святых выражаем благодарность г-ну Прокопу (prokor2008@volny.cz) и Доктору Славке Матоушовой (заведующей отдела управления памятника архитектуры Монастырь Сазава).

¹¹⁶ Парамонова М.Ю., «Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисо-глебовского культов». Москва, 2003, стр. 18.

¹¹⁷ Jansen O. (Jakobson R.), Český podíl na církevně-slovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu, Praha 1998, стр. 22-45.

¹¹⁸ <http://www.klaster-sazava.cz/severni-zahrada/?fresult=kostel+sv.+krize>

памятников древней Чехии на Русь¹¹⁹. С приверженцами (например, Н. Серебрянским¹²⁰) традиционной точки зрения о монополии византийско-южнославянских влияний на древнерусскую литературу не соглашались также, например, И. Вашица¹²¹ и Н.Н. Розов¹²². Изучив особенности языка списков древнейшей славянской легенды о Вячеславе, М. Вейнгарт в ряду иных сделал важный вывод о том, что она попала на Русь, минуя южных славян, в частности Болгарию¹²³. Р. Якобсон пишет, что чешские тексты попали на Русь не посредством Болгарии, а непосредственно, т.к. «следы чешского литературного проникновения в болгарской письменности незначительны, что особенно заметно в сравнении с многочисленными элементами чешскими в литературном наследии русском»¹²⁴. Его мнение подкрепляет тот факт, что после вклинения венгерского государства территория Чехов и Словаков потеряла прямую границу с Болгарией, в то время как киевское княжество с ней граничило непосредственно, удерживало дружественные и даже (как доказывают историки) пожалуй союзнические отношения. О том, что между Прагой и Киевом существовали пути непосредственных отношений также свидетельствует и то, что в византийских святцах, по наблюдению Н.Н. Ильина, имя Вячеслава не встречается¹²⁵.

Во время Ярослава Мудрого (правящего в 1016-1054 годах) на Руси продвигалось просвещение: из славянских земель приобретались и копились оригинальные и переведённые книги, усиленно организовывалось местное переводческое дело. А т.к. собственных выученных переводчиков было ещё мало, то ввозились не только готовые переводы, но иногда и переводчики, в том числе и из Чехии, где в это время была более зрелая школа переводчиков. Летописная статья 6545 (1037) года гласит о просветительной деятельности Ярослава, который «*И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением божественным*»¹²⁶. По почину Ярослава могли собираться и переводиться не только

¹¹⁹ Jansen O. (Jakobson R.), *Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu*, Praha 1998, стр. 22-45.

¹²⁰ Розов Н.Н., Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода // ТОДРЛ, том 23, Ленинград 1969, стр. 71-85.

¹²¹ Вашица И., Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян? // Сборник ответов на вопросы по литературоведению (IV Международный съезд славистов), Москва 1958, стр. 7-10.

¹²² Розов Н.Н., Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода // ТОДРЛ, том 23, Ленинград 1969, стр. 71-85.

¹²³ *Svatováclavský sborník. Vydáný na památku 1000. výročí smrti knížete Václava Svatého, t. I.*, Praha 1934-1939, стр. 960-962.

¹²⁴ Jansen O. (Jakobson R.), *Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu*, Praha 1998, стр. 30. Ориг.: «*stopý českého literárního pronikání jsou v bulharském písemnictví nepatrné, což je zejména nápadné ve srovnání s početnými prvky českými v literárním dědictví ruském.*»

¹²⁵ Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 51.

¹²⁶ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 204.

греческие, но и латинские книги (о чём автор поостерегся упомянуть в начале 12 века после «разделения церквей»), попадавшие на Русь из (или через) Польши и Чехии. Н.Н. Ильин в своё время высказал предположение, что *«на протяжении всего XI столетия могли ещё встречаться на Руси книжные люди, знакомые не только со славянскими, но и с латинскими легендами о Людмиле и Вячеславе»*¹²⁷, в доказательство своего тезиса он приводит параллели из латинской Легенды Кристиана и русского Сказания о Борисе и Глебе. Однако он не убедил А.И. Рогова, считавшего, что *«нет решительно никаких намёков в источниках, не говоря уже о каких-либо прямых указаниях, на знакомство в Киевской Руси с латинской литературой непосредственно»*¹²⁸. Сравнительный анализ текстов однако показывает, что знакомство русских духовных книжников, возможно и единичное, но всё же имело место.

Проникновение старославянских памятников Древней Чехии на Русь имело однако великое значение не только для последующей литературы русской, но и для самой чешской. Т.к. после насильственной латинизации Сазавского монастыря в 1097 году подавляющее большинство старославянских текстов чешского происхождения сохранилось в иных славянских областях, в первую очередь на Руси. Помимо Бесед папы Григория Великого, Никодемова евангелия и множества житий западных святых¹²⁹, достаточно вспомнить нами уже упомянутые Первую и Вторую славянские святовацлавские легенды, ни один из списков которых не сохранился на территории Чешского государства¹³⁰.

Однако, по мнению А.И. Рогова, косвенные доказательства свидетельствуют о том, что ещё до основания Сазавского монастыря на Руси существовали если не прямо конкретные чешские памятники, то несомненно традиция, основанная на чешскоцерковнослованской письменности. Сазавский монастырь был основан около 1033 года; а уже в 1036 году киевский князь Ярослав Мудрый даёт своему сыну имя Вячеслав (имя не княжеское)¹³¹: *«В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав»*¹³². Хотя напрямую связать имя княжеского потомка с традицией религиозного почитания чешского святого весьма сложно. В домонгольский период, как отмечает М.Ю. Парамонова, существовала практика двойного именованя русских

¹²⁷ Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Мостка 1957, стр. 52.

¹²⁸ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 25.

¹²⁹ Вашица И., Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян? // Сборник ответов на вопросы по литературоведению (IV Международный съезд славистов), Москва 1958, стр. 7-10.

¹³⁰ Рогов А.И., Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 10.

¹³¹ Rogov A. I., Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1979, стр. 24; Рогов А.И., Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 19.

¹³² Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 203.

князей, которые имели имя родовое и христианское, связанное с личным христианским патроном¹³³; поэтому невозможно точно установить, отсылает имя Ярославича к святому Вячеславу или к родственным связям с чешской династией. Последние, вероятно, косвенно указывают на один из уже упомянутых путей проникновения вацлавского культа на Русь – посредством междинастических контактов. Однако данный факт, по мнению А.И. Рогова, вполне можно считать доказательством, что в то время на Руси почитание чешского святого уже было закреплено, если учесть, что существовали соответствующие богослужебные тексты (например, канон святому Вячеславу, древнейший русский список которого датируется 1095-1097 годами, и вероятно предшествующие ему проложные легенды)¹³⁴.

Официальному введению культа нового святого в церковной практике предшествовало распространение традиции о нём, поэтому проникновение на Русь древних легенд о Вячеславе, как пишет А.В. Флоровский, можно отнести к периоду с половины 10 до половины 11 столетия и позднее¹³⁵. По мнению И. Вашицы, именно то, что святой Вячеслав и святая Людмила были почитаемы в Чехии также посредством славянской службы, и что о них были написаны легенды на старославянском языке, было причиной распространения их культа в Киевской Руси уже в самом начале 11 века¹³⁶. Вместе с культом на Русь проник и весь набор святовацлавских памятников, написанных на старославянском языке. И именно благодаря этому эти памятники сохранились до наших дней, ибо в Чехии их след после возобладания латинского влияния в конце 11 века не сохранился. Со временем чешские святые так вросли в русское духовное сознание, что в 16 веке митрополит Макарий включил легенду о святом Вячеславе в Четыри мищи, а в 17 веке они были уже почитаемы как святые русские – «Проложное житие Вячеслава» и проложное сказание о перенесении его мощей были включены в сборник под названием «Сказание о российских святых чудотворцах»¹³⁷. Князь Вячеслав почитается святым в русской Православной Церкви и сегодня, где он известен как Вячеслав Чешский: его память отмечается 11 октября (28 сентября по старому стилю), а также 17 марта (4 марта по старому стилю) – день

¹³³ Парамонова М.Ю., Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисо-глебовского культов, Москва 2003, стр. 18.

¹³⁴ Rogov A. I., *Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu*, Praha 1979, стр. 24-25; Рогов А.И., Сказание о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 20-21; Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 120-142.

¹³⁵ Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 120-142.

¹³⁶ Vašica J., *Raný kult českých světců v cizině // Co daly naše země Evropě a lidstvu*, Praha 1998, стр. 53-60.

¹³⁷ Родосекий А., Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санкт-Петербургской духовной академии и составляющих её первое по времени собрание, Санкт-Петербург 1893, стр. 276-277 – сноска дана по: Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 30; Rogov A.I., *Staroslověnské legendy českého původu*, Praha 1976, стр. 36.

перенесения мощей в Прагу. Упоминание о святом Вячеславе обнаруживается практически во всех современных церковных календарях и молитвословах (с которыми нам пришлось иметь дело), один из таких примеров приводится в части «Культ святого Вячеслава». Полное внедрение чешских святых на Руси мы можем проследить также и в изобразительном искусстве. До сих пор не было найдено ни одной древнерусской иконы с изображением чешских святых, но такие иконы без сомнения писались, о чём свидетельствуют сохранившиеся инструкции, как нужно обоим главным чешским мученикам, т.е. Вячеслава и Людмилу, писать. В одном из них, знаменитом Клинецком иконописном подлиннике, под 16 сентября мы читаем: «*И святыя мученицы Людмилы княгини. Аки Елена или Ольга княгиня*»¹³⁸. А под 28 сентября записано: «*Святого Вячеслава князя чешьскаго, надсед, брада аки Василий Кесарийский, кудряв, риза княжеска, власы со ущей. Его же уби брат его Болеслав*»¹³⁹. В одном из иконописных подлинников мастеров-палешан 18 века приводятся почти дословные описания чешских святых с той только разницей, что относительно облика Людмилы говорится более конкретно: «... *на главе венец царский, и плат, аки у Елены царицы и ризы таковы же*»¹⁴⁰. Здесь стоит заметить, что в наши дни иконы Вячеслава Чешского и Людмилы Чешской верующие могут свободно приобрести практически в любой лавке с церковной утварью, а также заказать мерную икону (в меру роста младенца с изображением святого, именем которого нарекается ребёнок) в иконописной мастерской. Фрески с изображением святых Вячеслава и Людмилы сохранилась, хотя и единично: Людмилы – в Крестоводвиженском соборе 17 века в бывшем Романо-Борисоглебовске (теперь Тутяево) у Ярославля (причём как раз на противоположной стороне столба оказывалось изображение княгини Ольги, с которой прочно ассоциировался образ чешской княгини); а Вячеслава – в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры в Загорске 17 века и в Софийском соборе в Вологде 17 века. Чешский князь изображен седовласым умудренным старцем, что чрезвычайно далеко от образа, который мы видим во всех памятниках вацлавского цикла — юного князя-мученика. Однако для автора, по мнению А.И. Рогова, Вячеслав сродни таким святым князьям и царям, как Константин Великий, Владимир Ярославич, Василий и Константин Ярославские, кои олицетворяют собой государственную мудрость и величие, а для такого изображения подробности жизни самого Вячеслава были не так

¹³⁸ ГПБ, QXIII, II, л. 23 об. – сноска дана по: Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 31.

¹³⁹ Там же, л. 34.

¹⁴⁰ Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. 1871-1876. Москва 1876, стр. 55, 57 – сноска дана по: Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 31.

важны¹⁴¹. О развитии культа святого Вячеслава свидетельствует, кроме прочего, и популярность этого имени – указывают на то как летописи, так и легенды¹⁴². И в наши дни имя Вячеслав весьма популярно на территории бывшей Киевской Руси. К тому же имя Вячеслав воспринимается жителями бывшей Киевской Руси как сугубо «своё, родное», как, между прочим, и имя Людмила.

Говоря о распространенности и популярности культа Вячеслава в России, попытаемся не ограничиваться опытом восприятия святого со стороны только официального православия. Интерес вызывает сравнительно актуальный опыт староверов. Об их возможно особом отношении к чешскому святому, дает право размышлять библиотека Ботевых. Ботевы принадлежат к известному роду из среды мезенских староверов. Несколько рукописей из области, где был в заточении протопоп Аввакум, и даже непосредственно из собственности Ботевых в продолжении времени оказались в Праге. Сейчас они хранятся в фонде Архангельских рукописей А.Д. Григорьева в Славянской библиотеке. Но мы имеем ввиду иную часть ботевской библиотеки, с которой стало возможным познакомиться после того, как книги в Центральном государственном архиве (Státní ústřední archiv) консервировал Михал Дюрович. Приблизительно 60 лет книги пролежали в тайнике в доме Пелагеи Варсанофьевны Ботевой в деревне Кéслома Архангельской области на реке Мезень¹⁴³, а в настоящее время свидетельствуют о пристрастиях, читательских симпатиях деда – Павла Семеновича (1864–1943) и прадеда – Семена Никифоровича Ботевых. Об исключительном интересе к святому Вячеславу говорят многочисленные закладки в Четых минеях за сентябрь месяц¹⁴⁴: одна закладка в подобии лучины выделяет дату – 28 сентября¹⁴⁵, вторая закладка в виде конверта, датируемая 1914 годом¹⁴⁶, вложена непосредственно в житие святого Вячеслава, выделяет фрагмент, где изображена сцена убийства. Об актуальности и симпатии кроме этого свидетельствуют: бóльшая изношенность именно этой части книги (уголок страницы ввиду частотности чтения надорван); аккуратные исправления опечаток (буквенная пагинация – 29 день исправлено на 28 день, т.е. Кθ→КИ «како-фита→како-уже»)¹⁴⁷ и отсутствие стандартных обличительных глосс типа «см. латинская ересь», которые часто

¹⁴¹ Rogov A.I., Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1976, стр. 39; Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 33.

¹⁴² Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935, стр. 98-157.

¹⁴³ Экспедиция 2008 г., руководитель проф. Н.В. Дранникова (Поморский гос. университет им. Ломоносова, лаборатория фольклора).

¹⁴⁴ «Сия книга, глаголемая четья минея, содержащая в себе месяц сентябрь, из Четых Миней, собранных всероссийским митрополитом Макарием.»

¹⁴⁵ Там же, стр. 492.

¹⁴⁶ Там же, стр. 507.

¹⁴⁷ Там же, стр. 507.

сопровождали чужеродный материал. Можно высказать предположение, что все перечисленные обстоятельства, побуждающие задуматься о популярности святого Вячеслава в старообрядческой среде, могут свидетельствовать об особом интересе к данному святому именно как к покровителю гонимых. Иными словами, излюбленность нашего святого могла быть обусловлена положением и статусом самих староверов как гонимых. Текст данного жития Вячеслава, восходящего к Макарьевскому изводу, в качестве примера приводим в приложении № 3.

4.2. Исторические параллели

Людмила с внуком Вячеславом открывают чешскую духовную галерею местных святых, притом княжеского сана, а в истории древнерусской церкви соответствующее место занимает Ольга с внуком Владимиром.

Духовные мужи, знакомые с легендами о святом Вячеславе, и составитель Сказания о Борисе и Глебе в частности, не могли не заметить явного сходства исторических ситуаций в Чехии и Руси. И хотя борьба за власть, закончившаяся братоубийством, была не редкостью в те древние времена, однако имела весьма не банальные последствия. Данные события, как в Чехии, так и на Руси, стали толчком к формированию первых культов святых князей-страстотерпцев, приобретших широкую популярность и политико-идеологическое значение. Посмертные чудеса, присутствующие в Сказании¹⁴⁸, как и во Второй святовацлавской легенде, преподносят Бориса и Глеба (как и Вячеслава) как идеал справедливого князя, и, по словам А.И. Рогова, *«литературные заимствования оказываются тесно связанными с оформлением государственной идеологии»*¹⁴⁹.

Также сходство «семейной» ситуации было на лицо. А.И. Рогов пишет: *«в чешских памятниках русский читатель находил столь знакомые ему по собственной истории образы: бабка – княгиня-христианка и её внук, утверждающий христианство в стране. Даже и без разительной аналогии в обстоятельствах убийства Вячеслава и*

---

¹⁴⁸ Чудеса были дописаны к первоначальному сказанию, однако уже в предполагаемом оригинале упоминаются посмертные чудеса: *«Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир не может их вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы.»* - Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 301.

¹⁴⁹ Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 29.

Бориса и Глеба это одно приближало образы чешских князей к русскому читателю»¹⁵⁰.

К тому же события святовацлавских легенд происходили, как мы уже упоминали, в соседней и не только географически близкой славянской стране, о которой в Повести временных лет писалось: «... а другие назвались чехи. А вот ещё те же славяне ...»¹⁵¹.

По мнению некоторых авторов, например М.Ю. Парамоновой, указанные факты имеют «смысл формальных, внешних совпадений. Как таковые скорее создают иллюзию „сходства“ культов, нежели раскрывают границы и внутреннее содержание этого сходства»¹⁵². Однако иные исследователи считают рассмотрение данных параллелей вполне обоснованным, к их числу относятся, например: И. Вапица¹⁵³, Н.Н. Ильин¹⁵⁴, А.И. Рогов¹⁵⁵, Р. Якобсон¹⁵⁶. Позиция последних и нам представляется более оправданной, ибо сходство историй жизней, а в последствии культов, весьма явное.

4.3. Текстовые параллели

Перед рассмотрением влияния непосредственно одного памятника на другой, скажем несколько слов о влиянии переводной литературы. Как известно, уже в 11-12 веках русская литература была весьма развита, об этом свидетельствуют такие зрелые произведения как Повесть временный лет (основанная на Древнейшем летописном своде), «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, Киево-Печерский патерик, Хождение игумена Даниила в святую Землю, «Поучение» Владимира Мономаха, Слово о полку Игореве. В то же время переводная литература во внушительном объёме (посредством русских и болгарских переводов церковного характера) попав на Русь в первые века после её крещения, сыграла огромную роль в развитии литературы древней Руси. Она привнесла ряд новых приёмов риторического

¹⁵⁰ Rogov A.I., Slované legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1976, стр. 36; Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 30.

¹⁵¹ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 114.

¹⁵² Парамонова М.Ю., Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисо-глебовского культов, Москва 2003, стр. 14.

¹⁵³ Vašica J., Raný kult českých světců v cizině // Co daly naše země Evropě a lidstvu, Praha 1998, стр. 53-60.

¹⁵⁴ Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 36-70.

¹⁵⁵ Rogov A.I., Slované legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1976, стр. 11-39; Рогов А. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 5-33.

¹⁵⁶ Jansen O. (Jakobson R.), Český podíl na církevněslovanské kultuře // Co daly naše země Evropě a lidstvu, Praha 1998, стр. 22-45.

искусства, жанров, символов и образов, в частности и жития святых, наглядно демонстрирующих русскому читателю идеалы христианской религии.

Однако понятие перевода тех времён далеко от современного. Переводчики относились к своей работе часто довольно творчески, вставляя добавления или же наоборот сокращая текст. Нередко последующие переписчики включали в текст заметки, сделанные читателями на полях. По словам Д.С. Лихачева: «*Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности*»¹⁵⁷.

Византийская религиозная литература, попав на Русь, также отразилась на взгляде на труд церковного писателя, приковывая его к консервативным традициям и анонимности. В соответствии с этим, автор был лишь выразителем «вечных идей» вне времени и места. Даже выбор грамматического времени этому соответствовал – использовался аорист¹⁵⁸. Сам автор и его творческое «я» не заслуживали внимания. Самоуничужение автора и анонимность мы наблюдаем в большинстве произведений русской церковной литературы. Сказание о Борисе и Глебе – не исключение. Трепетное отношение церковнослужителей и древних авторов к слову как таковому обуславливалось Евангельской истиной «*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог*» (Ин 4:1). Поэтому писатель тех времён, передавая Слово Божье людям, чувствовал себя лишь скромным посредником, скриптором.

Канонизация Бориса и Глеба требовала написания их житий. Однако автор не слепо подражал византийским текстам. С.А. Бугославский, резюмируя большое число своих наблюдений над русскими древнейшими житиями, писал: «*Из византийских житий русские авторы XI-XII вв. заимствовали лишь общие тенденции. Они понимали, что требуется нарисовать тип идеального, христиански выдержанного героя-святого, окружить его имя традиционным панегириком. Сделать же из князя, чья военная, политическая, придворная деятельность была хорошо известна и рассказана в других не житийных статьях той же летописи, идеального праведника по типу византийских житий, было невозможно, и это спасло русских агиографов от слепого подражания византийским литературным образам. Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача – примирить в житийных опытах идеальные образы и стилистику византийских житий с тенденциозным, живым публицистическим изложением событий современности, а нередко и с*

¹⁵⁷ Лихачёв Д.С., Возникновение русской литературы, Москва-Ленинград 1952, стр. 137.

¹⁵⁸ Mathauserová Světa, Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury, Praha 1988, стр. 68-74.

укоренившимися народно-поэтическими мотивами»¹⁵⁹.

В качестве примеров влияния памятников чешского происхождения на русские можно привести влияние Второй славянской легенды святовацлавской на легенду Нестора о Феодосии Печерском; влияния проповеди о святой Людмиле на сказания русских летописей о княгине Ольге; влияние Первой славянской легенды святовацлавской на «Сказание об ослеплении князя Василька Теробовльского» в Ипатьевской летописи, «Сказание о убиении Андрея Боголюбского», проложное житие святой Ольги, конечно же на «Сказание о Борисе и Глебе» и т.д. Также можем привести параллели в изображении боя в чешской хронике Далимила, хронике о Штилфриде и Брунцвике, старочешских Александридах, и в русских летописях Лаврентьевской и Ипатьевской, Задонщине, Слове о полку Игореве¹⁶⁰. Однако нас в первую очередь будет интересовать сопоставимость текстов, связанных с культом князя Вячеслава и князей Бориса и Глеба.

*

Как указывает С.А. Бугославский, автор анонимного Сказания был хорошо знаком со многими византийскими переводными житиями¹⁶¹. Ряд стилистических черт сближает анонимное Сказание с житиями Георгия Амастридского, Алексия «человека Божия», Евдокима-праведного, Саввы Освященного, Николая Мирликийского, Меркурия Кесарийского, Никиты, Варвары, Мучением Димитрия Солунского. Прослеживаются стилистически общие черты между анонимным Сказанием и переводной гимнографией (молитва Илариона и ряд образцов служб из служебных миней). Однако, поскольку С.А. Бугославский поднимал вопрос лишь в плоскости «стилистического» сближения, то родство текстов, по мнению Н.Н. Ильина, «представляется отдалённым и может быть признано случайным»¹⁶². Кто из них прав в данной работе решать не берёмся, ограничимся памятниками, связанными с Вячеславом Чешским.

При сравнении текстов о Вячеславе и Борисе и Глебе, обращает на себя внимание сама литературная структура легенд и Сказания, практически совпадающая

¹⁵⁹ История русской литературы (ред. Орлов А.С. и др.), том I, Москва-Ленинград 1941., стр. 316.

¹⁶⁰ Mathauserová Světa, Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury, Praha 1988, стр. 46-56; Rogov A. I., Slovanské legendy z doby vzniku českého státu a jejich osudy na Rusi // Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1976, стр. 33-36; Rogov A. И., Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 29-30.

¹⁶¹ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007, стр. 16-17.

¹⁶² Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 69.

по линии повествования. Также совпадение многочисленных подробностей не оставляет ни тени сомнения в образчике для автора Сказания. При этом общая обстановка событий была виртуозно приспособлена к событиям вокруг Бориса и Глеба – по словам Н.Н. Ильина, «мы имеем дело не с простым заимствованием, а с мастерской литературной переработкой жития Вячеслава»¹⁶³.

После вступительной фразы «Господи, благослови, отче»¹⁶⁴, характерной для большинства древних произведений, автор Сказания нас кратко знакомит с семьёй князя Владимира, причём план повествования близок к Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции:

Первая славянская святовацлавская
легенда редакции Востокова:

Сказание:

Был же князь, великий славою, живший в Чехии, по имени Вратислав,

Так и свершилось незадолго до наших дней при самодержце всей Русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, ...

и жена его Драгомирь. И родили сына первенца и, когда крестили его, нарекли имя ему Вячеслав.

Владимир имел 12 сыновей, и нет от одной жены: матери у них были разные. ... а от жены-болгарки – Борис и Глеб.

*И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться...*¹⁶⁵

*И посадил их Владимир по разным землям на княжение, ... а Бориса – в Ростове, а Глеба – в Муроме*¹⁶⁶.

По обширности генеалогических данных о происхождении Владимира (от деда Игоря) можно судить о знакомстве автора Сказания со Второй славянской святовацлавской легендой, в которой повествование начинается от деда Вячеслава Борживоя (Боривоя): «стал править некто из того светлого рода выделявшийся силой среди соседей по имени Спытигнев сын Боривоя»¹⁶⁷.

Мотив изгнания по наведению недобрых советников в Сказании напоминает изгнание Драгомиры в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции. Причём именно данной легенды, т.к. во Второй славянской святовацлавской легенде (и легенде Кристиана соответственно) инициатором изгнания матери является сам Вячеслав.

¹⁶³ Ильин Н.Н., Летописная статья 6523 года и её источник, Москва 1957, стр. 53-54.

¹⁶⁴ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 169; Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 279.

¹⁶⁵ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 169.

¹⁶⁶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 279.

¹⁶⁷ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 88.

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

*Злые псы, подговорили Вячеслава изгнать мать свою без вины. Но Вячеслав, ведая страх Божий, ... И желая исполнить всю правду Божию, вернул назад мать свою, плакал и каялся, ...*¹⁶⁸

*Про себя же думал (Борис): «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал, ради славы и княжесия в мире этом, отец мой до святого крещения»*¹⁶⁹.

Оба предания убийственный замысел приписывают злым советникам Святополка и Болеслава. В Сказании подстрекательство злых людей видно из горестной речи Бориса, а в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции Болеслава подговорили на братоубийство недовольные Вячеславом чешские вельможи:

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

*Но возгордились вельможи чешские, поднялись сами на себя. Ибо молод был для них князь ... И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава*¹⁷⁰

*Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня ...»*¹⁷¹

Все герои, Вячеслав и Борис/Глеб, предвидели своё мученичество и ждали его, желая принять венец из рук Всемогущего:

Вторая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда:

Но святой, благодаря божественному предвидению, с достоверностью узнал о заговоре против себя. ... Но как тот, кто косит сено во время сильного зноя и жаждет воды, так и святой возжаждал мучения и пролития крови, однако не от руки своего брата, а от бога щедро воздающего мзду промышлением и

Если он (Святополк) кровь мою прольёт и на убийство моё решится, буду мучеником перед господином моим. Не воспротивлюсь я (Борис) ... Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то

¹⁶⁸ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171.

¹⁶⁹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 281, 283.

¹⁷⁰ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171.

¹⁷¹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 283.

платящего награду верным¹⁷².

буду я мучеником перед господом моим, и примет душу мою владыка». ... Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжёлая, и страшная: как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук вседержителя¹⁷³.

Как в Сказании, так и в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции, восхваляются добродетели святых:

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

Но не только Писание знал он, но исполняя завет веры, творил всем убогим добро: бедных кормил и одевал по евангельскому учению, священников питал, вдов не давал обидеть, людей всех, богатых и убогих, миловал, церкви все украсил золотом, веруя в Бога всем сердцем, творя всё благое в жизни своей¹⁷⁴.

ибо был блаженный правдив и щедр, тих, кроток, смирен, всех он жалел и всем помогал¹⁷⁵.

Для осуществления убийства Святополк задерживает Бориса, собравшегося уезжать, по сообщению Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции точно так же поступает и Болеслав:

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

Болеслав же не отпустил его, упрашивая с плачем, умоляя и говоря: «Как же ты хочешь уехать, у меня непочатое пиво!»¹⁷⁶

К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к полученному от отца владению добавлю ещё». Но не было правды в его словах¹⁷⁷.

Как в Сказании, так и в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции заговор братоубийцы с заговорщиками происходит в два этапа:

¹⁷² Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 94- 95.

¹⁷³ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 281, 283, 285.

¹⁷⁴ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 269, 171.

¹⁷⁵ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 283.

¹⁷⁶ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171.

¹⁷⁷ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 283.

при первом совещании они обговорили саму задумку, а при втором реализацию задуманного:

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава

Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путьшу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки – преданы ли вы мне?»

В ту же ночь собрались ратники на Гневышном дворе, и позвали к себе Болеслава, и устроили тот злой дьявольский совет. ... И сказали: «Пойдёт к заутрене, тогда и захватим его»¹⁷⁸

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злым голосом Путьшиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его»¹⁷⁹.

Подстрекания дьявола на братоубийство мы находим как в Сказании, так и в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции и во Второй славянской святовацлавской легенде:

Первая славянская

Вторая славянская

Сказание:

святовацлавская легенда:

святовацлавская легенда:

А тогда вырос и набрался разума и брат его, тогда проник дьявол в сердца злых советников его ... Болеславу же пришик к уху дьявол и развратил сердце его¹⁸⁰.

Тогда же его брат Болеслав, младший по возрасту, лукавый умом и мерзкий по своим делам, подстрекаемый дьявольским искушением, гневом злобы, люто вооружённый против божьего мужа, захотел с

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду свою возложил на бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил

¹⁷⁸ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171, 173.

¹⁷⁹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 283, 285.

¹⁸⁰ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171, 173.

*нечестивыми мужами
дьявола погубить его
смертоубийством*¹⁸¹.

*Святополка. ... И, замыслив
это, злой дьявола сообщник
послал за блаженным
Глебом, говоря: «Приходи
не медля. Отец зовет тебя,
тяжко болен он»*¹⁸².

В Сказании Святополк сравнивается с Каином – «второй Каин», что буквально дословно соответствует легенде Кристиана:

Легенда Кристиана:

Сказание:

*И того часа выжидал второй Каин, Угадал он (дьявол) помыслы Святополка, считая его подходящим для совершения поистине второго Каина*¹⁸⁴
*убийства*¹⁸³.

На выразительное влияние Первой славянской легенды указывает сам автор Сказания, косвенно обозначая свой литературный образец – Борис перед смертью вспоминает о смерти святого Вячеслава: *«Вспомнил он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава, которые были убиты так же, и о том, как убийцей святой Варвары был её родной отец. И вспомнил слова премудрого Соломона: „Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от всевышнего“.* И только этими словами утешался и радовался»¹⁸⁵.

Так же как и Вячеслава, Бориса предупреждали о грозящей ему смертельной опасности. То же встречаем и в деталях убийства Глеба, который получил весть от Ярослава.

Первая славянская святовацлавская
легенда редакции Востокова:

Сказание:

*поведали ему на дворе и сказали: «Хочет И получил он (Борис) уже весть о
тебя убить Болеслав»*¹⁸⁶.

*И получился он (Борис) уже весть о
готовящемся убийстве его.
А в это время пришла весть от Предславы
к Ярославу о смерти отца. И Ярослав
прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат!*

¹⁸¹ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 94.

¹⁸² Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 285, 291.

¹⁸³ Pekař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 37. Ориг.: *«A té hodiny vyčkával druhý Kaín, maje jí za vhodnou ku spáchání vraždy.»*

¹⁸⁴ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 285, 297.

¹⁸⁵ Там же, стр. 285.

¹⁸⁶ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 171.

¹⁸⁷ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 287, 291.

*Отец твой умер, а брат твой убит
Святополком»¹⁸⁷.*

В сцене предсмертной заутрени комбинируются Первая славянская святовацлавская легенда Востоковской редакции и легенда Кристиана. В русском предании Борис погиб ранним утром на Альте, где церковью не было, поэтому в предсмертную ночь он вместе со священником служит заутреню в шатре. Окружив шатёр, убийцы выжидают, когда служба закончится – подобно тому, как союзники Болеслава поджидают Вячеслава у храма, куда он на рассвете спешил к заутрене. Готовящаяся к мученической смерти Людмила слушала мессу, исповедалась и причастилась у священника; убийцы вторглись к ней поздним вечером. На сцену приближения убийц к Борису *«зловещий шёпот около костра ... блеск оружия, обнажённые мечи»¹⁸⁸* оказало влияние описание подхода заговорщиков к жилищу Людмилы *«Вечером упомянутые уже тираны ворвались в её дом, выломали косяк, остальных пособников, вооружённых копьями и щитами, снаружи поставили»¹⁸⁹.*

В обоих преданиях в процессе убийства святого чередуется местоположение участвующих. В Сказании Борис¹⁹⁰, раненный убийцами в шатре, выскочил наружу, где после молитвы отдал Богу душу. А в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции Вячеслав, получивший братоубийственный удар в воротах церкви, вбежал в церковные двери, где испустил дух под настигшими его ударами.

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

*Болеслав ... ударил мечом по голове. И без жалости пронзено было честное и Вячеслав же обернулся ... И, обхватив его многомилостивое тело святого и и повалив, упал на него... Вячеслав же блаженного Христова страстотерпца отпустил брата и побежал к церкви. И Бориса. ... и, раненный, выскочил он в двое злодеев, Честа и Тира, поразили его в оторопе из шатра. ... И так почил Борис, церковных дверях, и Гневыса, подбежав, предав душу свою в руки Бога живого¹⁹².
пронзил ему грудь мечом, и князь испустил
дух свой¹⁹¹.*

В Сказании, как и во Второй славянской святовацлавской легенде, упоминается о верном и любимом слуге, погибшем от рук убийц своего господина. К тому же в

¹⁸⁸ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 287.

¹⁸⁹ Pekař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 17-18. Ориг.: *«Na večer pak jmenování již tyraní vtrhli do jejího domu, vyrazili veřeje, ostatní druhy, ozbrojené kopími a štíty, zvenčí postavili»*

¹⁹⁰ или Георгий, т.к. из-за сложности предложения не совсем понятно о ком речь.

¹⁹¹ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 173.

¹⁹² Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 287, 289.

Сказании Георгий защищал Бориса своим телом с золотой гривной на шее, а Подивен, как известно, пытался спасти золотой Палладиум. В святовацлавских легендах о Палладиуме не упоминается, однако не исключено, что устные предания или не дошедший до нас письменный источник могли проникнуть вместе с текстами легенд, и автор Сказания был с ними знаком.

Молитва и ожидание мученической смерти Борисом, когда убийцы напали на него, весьма близки к описанию последних минут жизни Людмилы:

Легенда Кристиана:

Сказание:

И сказала она им: «Немного дайте мне блаженный стал молиться и просить их, помолиться». Когда они ей дозволили, она раскинула руки и молилась Богу. Потом сказала: «Если Вы пришли меня загубить, прошу, отрубите мне голову мечом», по примеру мучеников пролитием крови свидетельство Христу выдать жаждя и венец мученический с ними навсегда принять желая¹⁹³.

говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немного, дайте помолиться богу». И возрев на небо со слезами, и вознося вздохи горе, начал молиться такими словами: «Господи боже мой многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава тебе, что сподобил меня ... подвига достойного святых мучеников! ... прими с миром душу мою. Аминь!» И возрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья!»¹⁹⁴

Призыв к окончанию задуманного мы находим и в предсмертной фразе Глеба: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы!»¹⁹⁵, и во Второй славянской святовацлавской легенде в предсмертном монологе Вячеслава: «Возьми меч, и себя обреки на муку, а с тем, что ты делаешь, не медли, ...»¹⁹⁶.

Как в святовацлавских легендах дата убийства Вячеслава, так и в Сказании дата убийства Бориса является единственной датой в тексте (помимо дня убийства Глеба).

¹⁹³ Peřař J., Život a umučen svatho Vclava a bby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 18. Ориг.: «I řekla jim: „Maličko nechte mne pomodlit se.“ Kdyř j to dovolili, rozpala ruce a modlila se k Panu. Po t pravila: „Přiřli-li jste mne zahubit, prosm, abyste m stali hlavu mečem,“ dle vzoru mučnk vylim krve svdectv Kristu vydati touřm a palmu mučdnickou s nimi na vřdu pijmout si řadaj»

¹⁹⁴ Лихачев Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 287, 289.

¹⁹⁵ Там же, стр. 295.

¹⁹⁶ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 97.

Обозначение даты смерти Бориса соответствует обозначению даты смерти Вячеслава во Второй славянской святовацлавской легенде (основанной на латинской легенде Кристиана):

Вторая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда:

*а святѣйшая душа ... вошла в вечное И так почил Борис, предав душу сою в веселие небесного царства за 4 дня перед руки бога живого в 24-й день месяца июля, октябрьскими календами*¹⁹⁷ *за 9 дней до календ августовских*¹⁹⁸.

Здесь на себя обращает внимание сам способ обозначения даты календами, что не свойственно для славянских текстов, т.к. календы – название первого дня месяца в древнеримском календаре¹⁹⁹. Первая славянская святовацлавская легенда редакции Востокова приводит день и месяц: «Убит же был Вячеслав князь в лето 6000 и 300 и 30-е в 7, индикта 2, круг солнца 3, а луны 8, в 28 день месяца сентября»²⁰⁰; а латинская легенда Кристиана – как раз римский счёт времени на календы: «*migravit victrix ad dominum III. kalendarum octobrium*»²⁰¹. Даты, насколько можно судить по Повести временных лет, писались в следующем виде: «Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420» или «В год 6615, индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год, месяца мая в 7-й день» или «В год 6621, марта в 19 день, а луны – в 29»²⁰².

Избиение отроков Бориса близко к избиению окружения Вячеслава в Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции:

Первая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда редакции Востокова:

*И убили в том городе с ним одного только Перебили и отроков многих. С Георгия же Мстину, другие же мужи ушли в Прагу: не могли спясть гривны и, отрубив ему одних убили, а другие разбежались по голову, отшивырнули её прочь*²⁰⁴.
*разным странам. А слуг его перебили, а священников ограбили и изгнали из города, а жён их выдали замуж за других. И исполнили всё дьявольское желание...*²⁰³

¹⁹⁷ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970., стр. 97.

¹⁹⁸ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 289.

¹⁹⁹ Большая советская энциклопедия, том 11, Москва 1973, стр. 200.

²⁰⁰ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 173.

²⁰¹ Peřař J., Nejstarší kronika česká, Praha 1903, стр. 157-158.

²⁰² Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 156, 258, 264.

²⁰³ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 173.

В Сказании заговорщики названы «злые люди», «злые слуги» и «свирепые звери». В Первой славянской святовацлавской легенде редакции Востокова они подобно именуются «злые советники» и «злые псы».

Соответствие убийству Глеба (т.е. второе убийство) мы можем усмотреть и в попытке убийства Болеславом их матери, которую однако не настигли. Рассказ об убийении Глеба развивается по тому же сценарию, что и Бориса: братоубийственная задумка Святополка, заманивание Глеба обманом, предупреждения Глеба Ярославом.

Предсмертное отчаянное непонимание своей вины Глеба в Сказании напоминает соответствующую сцену с Людмилой в легенде Кристиана:

Легенда Кристиана:

Сказание:

*«Какое внезапное неистовство вас охватило? ... Но есть-ли у вас какая-нибудь моя неправота, поведайте, буду тогда жаловаться»²⁰⁶.
пожалуйста»²⁰⁵.*

Обозначение даты убийства Глеба соответствует обозначению даты убийства Людмилы в легенде Кристиана, где на себя обращает внимание указание дня недели, которое мы не встречаем в датах убийства Вячеслава.

Легенда Кристиана:

Сказание:

Выстрадала она мученичество Повар же Глебов, по имени Торчин, взял счастливая и Богу преданная раба поже и, схватив блаженного, заклала его, Христова Людмила в седьмой день в как агнца непорочного и невинного, месяца субботу, 15 сентября²⁰⁷ сентября в 5-й день, в понедельник²⁰⁸.

Сообщники Святополка, убив Глеба, возвращаются к нему так же, как и убийцы Людмилы к Драгомире, неся радостную весть:

Легенда Кристиана:

Сказание:

Кровожадные же убийцы собрав, что можно было украсть, возвращались к посланному их... И когда сказали своей госпоже, прерадостную новость ей Святополку, что «исполнили повеление принося о убийении невинной...»²⁰⁹ твоё», то, услышав это, вознёсся он

²⁰⁴ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 289.

²⁰⁵ Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 18. Ориг.: «*Jaká to náhlá zběsilost vámí zmítá? ... Ale je-li u vás nějaké moje nepravost, povězte, prosím.*»

²⁰⁶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 293.

²⁰⁷ Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 18-19. Ориг.: «*Vytrpěla pak mučenicví šťastná a Bohu oddaná služebnice Kristova Ludmila sedmého dne v sobotu, 15. září*»

²⁰⁸ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 295.

²⁰⁹ Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 19. Ориг.: «*Krvelační pak vrahové pobravše, co se dalo uloupiti, vraceli se k svojí paní, přeradostnou zprávu jí přinášejíce o zavraždění nevinné*»

сердцем²¹⁰

Тело Глеба, брошенное убийцами «в пустынном месте меж двух колод»²¹¹, как и тело Людмилы, ознаменовало себя чудесными явлениями – над телом убитого Глеба ночью чудесным образом зажигаются свечи так же, как и над телом убитой княгини:

Легенда Кристиана:

Сказание:

В те дни у могилы блаженной И этого святого, лежащего долгое время, вышеупоминаемой добродетельной не оставил бог в неведение и госпожи и мученицы Людмилы преславные пренебрежении, но сохранил невредимым и заслуги её добродетели проведением явлениями ознаменовал: проходившие Божией милости стали явными. ... многие мимо этого места купцы, охотники и люди также заметили трижды и пастухи иногда видели огненный стол, четырежды свечи и лампады иногда горящие свечи или слышали божественным светом в тишине тёмной ангельское пение²¹³.

ночи пылающие²¹²

Святополка за его тяжкий грех постигла страшная кара небесная: в муках умирал он в безумии и бессилии. Подобную кончину Болеслава с его союзниками мы находим во Второй славянской святовацлавской легенде:

Вторая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда:

все, кто проливал кровь, были потрясаемы гневом всевышнего: другие, похищенные дьявольскою силой, не появлялись на этом свете; иные же изменили человеческий облик, вместо разговора лаяли по-собачьему, скрежеща зубами и уподобляясь хищным псам, а иные несчастные плохо кончили свою жизнь из-за того, что высохло их тело. Но и на самого его брата, как рассказывают многие старые люди, часто нападали

окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть не коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И посылали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лёжа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо ему было оставаться на одном месте, и

²¹⁰ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 295.

²¹¹ Там же, стр. 295.

²¹² Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 21. Ориг.: «V týchž pak dnech u hrobu přeblažené a často dotčené ctné paní a mučeničky Ludmily přeslavné zásluhy jejích ctností působením Boží milosti vyšly na jevo. ... nemálo lidí také postřehlo třikrát i čtyřikrát svíce a svítily božským světlem v tichu tmavé noci planoucí»

²¹³ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 295, 297.

бесы, и его держали руками его мужи и пробежал он через Польскую землю, слуги, и тогда он, опомнившись, говорил: гонимый гневом божьим. И прибежал в «Это вы мне сделали так, что я послушал пустынное место между Чехией и вас, отсёк его золотую голову и теперь это Польшей и тут бесчестно скончался. И на мне выявляется». Но однако все они, принял отпущение от господ: довёл как я сказал, ещё до того как умер их Святополка до гибели охвативший его князь, плохо кончили свою жизнь²¹⁴. недуг, и по смерти – муку вечную²¹⁵.

Смрад над могилой Святополка можно противопоставить благовонию над могилой Людмилы:

Легенда Кристиана:

Сказание:

Из её могилы такое страшное и И сохранилась могила его до наших дней, и прелестное благовоние исходило, что всех исходит от неё ужасный смрад в благородных корений и цветов аромат назидание всем людям²¹⁷. превосходило²¹⁶

Победив Святополка и сев на Киевский стол, Ярослав торжественно перенёс тело Глеба в Вышгород и похоронил рядом с Борисовым. Так же и Вячеслав, укрепив свою княжескую власть, погребённое до этого в Тетине тело Людмилы перенёс в Прагу:

Легенда Кристиана:

Сказание:

Вспомнив о своей бабке, какой святой она Ярослав принял всю землю Русскую. И была в этой жизни и какой великой славы начал он расспрашивать о телах святых – добилась она себе у Всемогущего, как и где похоронены? блаженный Вячеслав ... послал их в град Тетин, поручив им, чтоб хоть кости либо прах истлевшего тела достойным перенесением к нему привезли.

И встретились с теми верными несущими, И нашли его, где были видения, и, придя привозящими незабвенные моцци святой туда с крестами, и свечами многими, и с Людмилы. Священники и дьяконы бодро кадилами, торжественно положили Глеба возложили их на свои плечи и, вознося в ладью и, возвратившись, похоронили его благодарение Богу с псалмами и в Вышгороде, где лежит тело

²¹⁴ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 98.

²¹⁵ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 297.

²¹⁶ Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 21. Ориг.: «Z její hrobky taková podivná a přelíbezná vůně vycházela, že všech vzácných koření a květů vůně převyšovala»

²¹⁷ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 297.

хвальбами, внесли их в замок и, в храм преблагенного Бориса: раскопав землю, войдя, перед алтарём на пол поставили с тут и Глеба положили с подобающим громким ликованием²¹⁸ почётом²¹⁹.

В Первой славянской святовацлавской легенде Востоковской редакции также упоминается о перенесении мощей Вячеслава «в славный город Прагу»²²⁰.

Нетление мощей Глеба соответствует нетлению мощей Вячеслава, причём в обоих случаях автор обращает внимание на чудесность данного явления:

Вторая славянская святовацлавская

Сказание:

легенда:

Так же и его тело, и это достойно И вот что чудесно и дивно и памяти удивления, не сгнив и не истлев, но с достойно: столько лет лежало тело исцеленными ранами по велению божьему святого Глеба и оставалось невредимым, было отдано земле через три года²²¹. не тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так бог сохранил тело своего страстотерца²²².

Также следует отметить сходство в их посмертных деяниях. В 11 веке чудеса ещё не были неотъемлемой частью житий, поэтому данное совпадение основывается на том же заимствовании автора Сказания из святовацлавских легенд. В Первой славянской святовацлавской легенде редакции Востокова нет специальной части, посвященной посмертным чудесам Вячеслава – в ней приводится только чудо, связанное с кровью умученного, которая три дня не хотела уходить в землю, и надежда на «большее чудо»²²³. Но они в значительном количестве приведены во Второй славянской святовацлавской легенде. В ней, помимо чудес нетления и чудес при перенесении мощей в церковь святого Вита, повествуется о семи чудесах: об освобождении по клевете узников, об обращении к христианской вере язычника, о

²¹⁸ Pekař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 24, 26. Ориг.: «Vzpomenuv si pak na bábu svou, jaké svatosti byla v tomto životě a jak veliké zásluhy slávy dobyla sobě u Všemohoucího, blažený Václav ... poslal je na jmenovaný hrad Tetín, poručiv jim, aby třebas kosti nebo prach setletého těla důstojným přenesením k němu přivezli. ... I potkali se s těmi věrnými nosiči, přivážejícími často vzpomínané ostatky svatě Ludmily. Kněží a levitě čile vložili je na svá ramena a dobrořečíc Bohu a chvalami, vnesli je do hradu a do chrámu vešedše, před oltářem na dláždění je postavili a s hlučným jáсотem plesali.»

²¹⁹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 297, 299.

²²⁰ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 175.

²²¹ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970, стр. 99.

²²² Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 299.

²²³ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999, стр. 173.

нетлени и «старении» верного слуги князя, об освобождении злым судьёй заключённых, об исцелении слепой и сухорукой, об освобождении должника и об исцелении хромого. В Сказании соответственно находим: *«Невозможно описать или рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и педуги, навещая заключённых в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы были церкви в их имя. И много чудес совершается с приходящими сюда»*²²⁴. При этом и Борис, и Глеб предстают вслед за Вячеславом как идеал праведного князя, восстанавливающего справедливость даже после своей смерти. Таким образом литературные заимствования оказываются тесно связанными с оформлением государственной идеологии.

Помощь святых в защите от врагов мы наблюдаем как в Сказании, так и в легенде Кристиана:

Легенда Кристиана:

Сказание:

*и освобождает от мучений и трудностей ибо вашей помощью и защитой князь всевозможных и от противников видимых наши всех противников побеждают и и невидимых. Также тем, которые в вашей помощью гордятся. Вы наше битве сражаются, Бог нередко по оружие, земли Русской защита и опора, просьбам данного святого чудесами и мечи обоюдоострые, ими дерзость похвальными деяниями содействует, всем поганых низвергаем и дьявольские козни на к Вячеславу взывающим помогает*²²⁵ *земле потираем*²²⁶.

Итак, подводя итог текстологического сравнения текстов Сказания и святовацлавских легенд, можно утверждать, что автор русского приращения не только в целом придерживался плана повествования, но и заимствовал ряд подробностей, деталей и даже выражений. Совпадают: вступление с краткой генеалогией, мотив изгнания, подстрекания заговорщиков братоубийц, ожидание мученической смерти князьями, восхваление добродетелей святых, заманивание обманом брата, двойное совещание братоубийц с заговорщиками, подговор дьявола, именование братоубийц «вторым Каином», предупреждение праведных об опасности со стороны

²²⁴ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том I, Москва 1978, стр. 299.

²²⁵ Peřař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921, стр. 55. Ориг.: «a vysvobozuje ze soužení a nesnázi všelijakých a od nepřátel viditelných i neviditelných. Tiž těm, kteří v bitvě zápasí, Bůh nezřídka na prosby tohoto svatého zázraky a chvalitebnými skutky přispívá, všem Václava se dovolávajícím pomáhá»

²²⁶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том I, Москва 1978, стр. 295, 297.

доброжелателей, сцена заутрени, исполнение убийства с драматическим диалогом, верный слуга, предсмертная молитва мучеников, обозначение даты смерти святых, убийство окружения князя, эпитеты заговорщиков, предсмертное непонимание своей вины убитых, возвращение убийц к своему господину, обнаружение тела посредством чудесных явлений, участь братоубийц и их союзников, запах над могилами, торжественное перенесение мощей, чудо негления мощей и последующие чудеса, а также помощь святых при охране их страны.

Главным источником для автора Сказания о Борисе и Глебе послужила Первая славянская святовацлавская легенда. Однако составитель предания также широко пользовался Второй славянской святовацлавской легендой и легендой Кристиана.

Возможность влияния русских преданий о Борисе и Глебе на формирование чешских легенд о Вячеславе, разумеется, исключена, т.к. Сказание о Борисе и Глебе датируется 11 веком, а легенды о Вячеславе – 10 веком.

5. Влияние фольклора на Сказание о святых Борисе и Глебе

Полагаем, что для адекватного восприятия Сказания, для целостного понимания того, каким образом Сказание воспринималось в эпохе своего возникновения, следует непременно оговорить и выделить те места текста, те нюансы, образы и мотивы, которые обусловлены литературным образцом, т.е. святовацлавской легендой. Подобного рода элиминация, т.е. вычленение признаков литературной взаимосвязи, помогает нам во всей полноте заметить то неповторимое, что действительно может заслуживать большего нашего внимания. Сравнивая легенды о святом Вячеславе со сказанием о святых Борисе и Глебе, мы выделили много и генетически и типологически общего, что подробно рассмотрено в соответствующей части «Текстовые параллели» и обобщено в выводе.

Однако замечаем одно разительное *несходство*. Проявляется оно, как нам представляется, при сравнении предсмертных монологов. Молитва святого Вячеслава сухопара и коротка, зато монологи Бориса и Глеба красочны и эмоциональны. Для них больше подходит определение *плачь*, лирико-драматический жанр, использованный не только в библии и гомеровских поэмах, но и широко распространённый в русской бытовой народной и традиционной обрядовой поэзии. Что же нас отсылает к общности с поэтикой общеизвестного фольклорного жанра? Данная связь не удивительна, если учесть, что сами погребальные причеты, как пишет Е.В. Барсов, обусловлены развитием религиозного сознания (ранее языческого, а в последствии христианского)²²⁷. Тем более, что церковные жития и фольклорный плач объединял обряд, момент уместности и необходимости исполнения произведения. Примечательно, что плачу Бориса по самому себе предшествует вполне традиционный плач по умершему отцу, что задает тон дальнейшему изложению.

Ситуация предшествующая непосредственно оплакиванию сильно напоминает восприятие плача и современными носителями данной традиции. Информанты часто констатируют особое состояние, когда силы оставляют, зато ни с того ни с сего приходят слова: *«Тут мня никто не учил, и я теперь не помню. Мне до сих пор говорят: „Откуда ты это всё узнала?“ Я говорю: „Я не знаю, мне кто-то, что-то само подсказывало“. Вот. Ну сидели там, ну у мне там двоюродная сестра и горит: „Маруся, ты ведь знаи дак причитывать“. Говорю: „Вы старше меня на сколько не знаете, я знаю? Откуда я знаю-то – не знаю“. Ну и я лежала-лежала а тут*

²²⁷ Барсов, Причитания Северного края, часть I., Москва 1872, стр. I-II.

рядышком, а потом села к нему рядышком и у меня само как-то выскочило, ну вот я теперь опять забыла»²²⁸. Ср. в тексте Сказания: «И как услышал это святой Борис, стал телом слабость и все лицо его намокло от слез, обливаясь слезами, не в силах был говорить»²²⁹.

Внимание на себя обращают характерные риторические вопросы типа «К кому прибегну, к кому обращу взор свой? ... Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего?»²³⁰, акцентирование преждевременного осиротения и своей незрелости: «Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую!»²³¹. Близкородственные обороты с легкостью обнаруживаем и в живой фольклорной традиции.

Иными словами, не находя прямого соответствия в литературном образце, правомерно искать и качественно иной источник. Им, вероятно, послужили древнерусские причеты. В этом плане правомерно вспомнить и актуализировать творческий диалог Р.М. Ягодича и Д. С. Лихачёва, состоявшийся на московском (1958 г.) и софийском (1963 г.) съездах славистов. Интересующее нас Сказание как нельзя лучше иллюстрирует теперь уже ставшее общеизвестным положение Д. С. Лихачёва о коэкзистенции в Древней Руси фольклорных и литературных жанров, дополняющих и взаимопроникающих друг в друга²³². То есть древний писатель свой литературный текст, созданный/создаваемый по примеру святовацлавских легенд, в данном случае обогатил материалом близким, хорошо понятным и доступным для реципиента Сказания (не только читателя, но и слушателя). Вероятно, как раз таки этим, т.е. использованием живого, «повседневного» материала из устной словесности, была и предопределена такая поистине неповседневная популярность и востребованность произведения о Борисе и Глебе у читателей многих веков.

Размышляя о близости монологов Бориса и Глеба к традиции плачей, для обоснования данного соотнесения приведём типологически родственные явления, когда жанр обычно исполняемый от третьего лица и привязанный к моменту *post mortum*, исполняется загодя – автобиографическое житие, автобиографический плач. Первая разновидность всем прекрасно известна, поэтому на ней специально мы останавливаться не будем. Отметим лишь, что для протопопа Аввакума

²²⁸ Информант – М. Алешина, деревня Пяльма, Пудожский район, Карелия, восточный берег Онежского озера. 2004 год.

²²⁹ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 281.

²³⁰ Там же, стр. 281, 291.

²³¹ Там же, стр. 293.

²³² Лихачёв Д.С., Поэтика древнерусской литературы, Ленинград 1971.

автобиографическое житие в преддверии наступающего конца света было неизбежностью, в будущем уже некому было бы написать такое сочинение. Со второй разновидностью можно было встретиться на территории бытования традиционных жанров русского фольклора (Русский Север), когда многовековая традиция плача находилась уже на излёте. В последний нам известный раз данное явление было зафиксировано сравнительно недавно в 2005 году в Карелии: на восточном берегу Онежского озера в деревне Бочалово плакальщица, являясь последней представительницей давней традиции в округе, сама написала плач по себе, завещав соседке исполнить его на своих похоронах²³³.

Конечно же автобиографический плач как таковой мог и, наверняка, появился гораздо раньше. Механизм появления автобиографического плача можно связать с экспансивным процессом зарождения и распространения церковной литературы в Древней Руси. До принятия христианства господствовала всецело неписьменная культура со строго выработанными (в череде тысячелетий) механизмами контактной коммуникации. С равноапостольным Владимиром приходит система принципиально новых жанров, которая, в глазах образованного слоя общества, одновременно знаменует собой и конец старой, устно-поэтической системы. Литературные жанры казалось бы приходят *на смену* старым. Данный взгляд неизбежно должен был, если не возобладать, то по меньшей мере широко присутствовать в обществе. И именно в это время создается Сказание. Данное обстоятельство для нас важно по той простой причине, что выявляет предрасположенность к жанровым метаморфозам, в частности – к скрещиванию, к проникновению плача в житие. Общеизвестно, что разного рода трансформации, срастание до тех пор несопоставимых форм, происходит именно в момент распада тех или иных жанров. Иными словами, жанровая инкорпорация (проникновение плача в житие) происходит в подобающее, логически обоснованное время, когда основа бытования причети существенно пошатывается.

Соединение плача и жития нас не должно слишком удивлять. Существуют куда более непривычные комбинации. Для примера здесь можно вспомнить действительно трудно представимую, но всё же доподлинно засвидетельствованную комбинацию – плач-частушку²³⁴:

*Я спрошу у рыбака,
Да рыба ходит ли по дну,
Я спрошу у дорогого,*

²³³ Экспедиция 2005 г., руководитель проф. А.Л. Топорков (РГГУ, каф. антропологии).

²³⁴ Последняя была записана на Восточном берегу Онежского озера в 2005 г. от Чикиной Полины Дмитриевны.

Любит две или одну?

*Я кошу, косить умею,
В травушке попуталась,
Кого от роду не любила,
До того достукалась.*

*Я у Миши в коридоре,
Да посчитала лесенок.
Ой я по Мишиной тальяночке
Попела песенок.*

*Ой я у Мишеньки в коморочке
Заваривала чай,
Ой мне-ка Мишенька наказывал:
Уеду – не скучай.*

*Песню пой, пока поется,
Замуж выйдешь – не придётся,
Ой, не придётся песен петь,
Придётся горюшко терпеть.*

*Девушки, попойте-ко,
Меня повеселите-ко,
Ой, дорогих родителей
Разочек вспомните-ко.*

*Хорошо рыба ловить,
Котора к бережку валит,
Хорошо с таким сидеть,
Который правду говорит.*

Таким образом, вскоре после христианизации Руси жанр плача ощущал угрозу своего существования со стороны литературных жанров, в частности со стороны житий, получавших широкое распространение. Плач видоизменился в автобиографический плач и внедрился в житие. По схожим причинам возникло и автобиографическое житие протопопа Аввакума – агиография начала уступать свои позиции, требовала своего освежения, актуализации за счёт взаимосвязи с новыми литературными формами.

Плач – плач великий – часто упоминается в Повести временных лет, например: в год 912 автор описывает скорбь людей по Олегу: «*Оплакивали его все люди плачем*

великим»²³⁵; в год 969 плач по Ольге «Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын её, и внуки её, и все люди»²³⁶; в год 1015 о смерти Владимира летописец пишет: «Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нём – бояре как по заступнике страны, бедные же как о своём заступнике и кормителе»²³⁷; в год 1054 Всеволод оплакивает Ярослава: «И плакали по нём Всеволод и весь народ»²³⁸; в год 1078 Нестор описывает похороны Изяслава: «И нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нём весь город Киев, Ярополк же шёл за ним, плача с дружиною своею: „Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою“»²³⁹. Может показаться, что в приведённых примерах «великий плач» не обязательно соотносим с жанром фольклора, зато плач Глеба по Борису трудно интерпретировать как-то иначе: «Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но ещё больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: „Увы мне, Господи! Лучшее было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твоё ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучшее бы было мне умереть с тобою, чем жить на этом полном лжи свете“»²⁴⁰. Примечательно, что «возопил со слезами, плачась по отце» Сказания соотносится с современным обозначением плакальщицы-вопельщицы. Помимо летописи, иными источниками запечатлевающими причетъ служат, например, плач Ярославны в Слове о полку Игореве²⁴¹, народный плач в Повести о житии Александра Невского²⁴². Изучение подобных древних памятников особенно важно, если учесть, что первые записи похоронных причитаний (передающие только содержание плачей) были сделаны лишь в 16 веке, а более целостное собрание относится лишь к 19 веку. Таким образом Сказание может послужить и неоценимым источником к изучению традиции бытования плача тех давних времен.

²³⁵ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996, стр. 156-157.

²³⁶ Там же, стр. 169.

²³⁷ Там же, стр. 195.

²³⁸ Там же, стр. 208.

²³⁹ Там же, стр. 224.

²⁴⁰ Там же, стр. 197-198.

²⁴¹ Литература Древней Руси – хрестоматия (сост. Л.А. Дмитриев, ред. Д.С. Лихачёв), Москва 1990, стр. 158-159.

²⁴² Там же, стр. 208.

В 11 веке на севере России похороны назывались «причитания», как отмечает А.И. Никофоров, а сам плач – «плач великий» или даже «вопли»²⁴³. Даже и в наши дни заплачку *«На кого ж ты меня оставил?!»* можно часто услышать на похоронах. Но это уже скорее проявления искренней скорби, хотя и в устоявшейся веками форме. А в те далёкие времена люди были более склонны к выражению своих чувств и считали это необходимой общественной нормой, для похорон также существовали специальные «плакальщицы» или «вопленницы», пользовавшиеся едва ли не священным уважением в народе²⁴⁴.

Как Борис, так и Глеб перед смертью рассуждают двойственно: жалеют свою молодость и ждут встречи с Христом. Что нас снова отсылает к плачу, когда скорбящие выражают свою скорбь по умершим и одновременно смиренно радуются тому, что их близкие не должны будут более переносить выпавшие на их долю трудности и отошли в мир иной, где им *«земля будет пухом»*.

Как мы уже отмечали, плачу Бориса по самому себе предшествует плач по отцу: *«И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его намокло от слёз, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своём так размышлял: „Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор свой? Где ещё найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло, солнце моё, а меня не было там! Был бы я там, то сам бы своими руками честнѣе тело твое убрал и могиле предал. Но не нѣс я доблестное тело твоё, не сподобился целовать прекрасные твои седины. О блаженный, помани меня в месте упокоения твоего! Сердце моё горит, душа мой разум смущает, и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? “»*²⁴⁵. Сожаление Бориса об его неприсутствии во время смерти отца снова нас отсылает к традиции погребального жанра, где присутствие плачущего в те священные минуты особенно необходимо. То же касается и сравнения умирания с закатом солнца²⁴⁶.

Узнав о братоубийственном замысле Святополка, Борис оплакивает загубливаемую красоту и молодость свою: *«Идя же путём своим, думал Борис о красоте и молодости своей и весь обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его тоже оплакивали юность его и его красоту телесную и духовную.*

²⁴³ История русской литературы (ред. Орлов А.С. и др.), том I, Москва-Ленинград 1941, стр. 231.

²⁴⁴ Барсов, Причитания Северного края, часть I, Москва 1872, стр. II.

²⁴⁵ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том I, Москва 1978, стр. 281.

²⁴⁶ Барсов, Причитания Северного края, часть I, Москва 1872, стр. XII.

И каждый в душе своей стонал от горести сердечной, и все были охвачены печалью»²⁴⁷.

Перед последним вздохом Бориса свидетели убийства и сами убийцы оплакивают умирающего князя: *«И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слёз обильных. С горькими воздыханиями жасалбно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стонал: „Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смиренню, кто не смирится сам, видя и слыша его смиренше?“»²⁴⁸.*

Узнав о смерти отца и брата, Глеб вдвойне оплакивает близких: *«И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил (выделено нами – О.П.): „О, увy мне, господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увy мне! Плачу горько по отцу, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господи мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежелали одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господи мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господи!“»²⁴⁹.*

Убиваемый Глеб акцентирует свою незрелость: *«Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса, ещё не созревшего, соком беззлобья налитого! Не срезайте лозу, ещё не выросшую, но плод имеющую!»²⁵⁰.* Акцентирование незрелости происходит в полном согласии с канонem плача. И тут мы видим практически тождественные обороты: *«[оставила] своих детушок, недоросших деревиночек, недозревших ягодиночек...»²⁵¹.*

Заключительный плач Глеба, в котором он обращается к отцу и брату, перекликается с последующей молитвой с обращением к Богу: *«И говорил, плача: „Василий, Василий, отец мой и господи! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне,*

²⁴⁷ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 283.

²⁴⁸ Там же, стр. 289.

²⁴⁹ Там же, стр. 291.

²⁵⁰ Там же, стр. 293.

²⁵¹ Плач-импровизация на могиле своего отца. Информант – М. Алешина, деревня Пяльма, Пудожский район, Карелия, восточный берег Онежского озера. 2004 год.

увы мне! Услышь, небо, и внемли, земля! И ты, Борис брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слёз моих, текущих как река! ... И преклонив колени, стал молиться: „Прецедрый и премилостивый Господь! ... “»²⁵². Так же и в народном плаче, помимо обращения к самому оплакиваемому, мы встречаем обращение «люди добрые!» и «Господи, Боже мой!»

Уже у первых авторов житий, как замечает М.О. Скрипиль, «был богатейший запас литературных образов, унаследованных из фольклора Индии, Азии и Африки, древнегреческого эпоса, византийского романа, местных легенд и сказаний и пр.»²⁵³. Неудивительно, что составитель Сказания о Борисе и Глебе обратился к местному фольклору. В данном контексте учёный также приводит пример связи жития и легенд о Георгии Победоносце с былинами о Добрыне Никитиче и об Алёше Поповиче. В свою очередь в Сказании о Борисе и Глебе, как нам представляется, некоторые конструкции напоминают былинный или сказочный мотив перемещения во времени и пространстве: «Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал приподнимать он святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце»²⁵⁴.

Следующая особенность, отличающая Сказание от классических житий, – это эмоциональность. Повествование полно красочных эпитетов и полных чувств описаний героев. Помимо канонических эпитетов князей *блаженный* и *богоблаженный*²⁵⁵, в тексте находим ряд более личных описаний Бориса: *скоропослушливый*²⁵⁶; *правдив и щедр, тих, кроток, смирен, всех он жалел и всем помогал*²⁵⁷.

Особо эмоционально описан Святополк, названный: *окаянный*²⁵⁸, *треклятый*²⁵⁹, «Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачищников всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путьишной дружине ...»²⁶⁰; *злой дьявола сообщник*²⁶¹.

При описании сообщников Святополка автор Сказания также не скупился на эпитеты: «И когда он так стонал и плакал, орошая слезами землю и призывая бога с

²⁵² Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 293, 295.

²⁵³ История русской литературы (ред. Орлов А.С. и др.), том 1, Москва-Ленинград 1941, стр. 89.

²⁵⁴ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 289.

²⁵⁵ Там же, стр. 283.

²⁵⁶ Там же, стр. 281.

²⁵⁷ Там же, стр. 283.

²⁵⁸ Там же, стр. 279, 285, 289, 297.

²⁵⁹ Там же, стр. 285, 297.

²⁶⁰ Там же, стр. 285.

²⁶¹ Там же, стр. 291.

частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу»²⁶².

Да и само убийство обозначается как *«пагубная смерть»²⁶³, «злодейское убийство»²⁶⁴, «Это не убийство, но живодерство!»²⁶⁵.*

Таким образом, церковный характер литературного произведения не означал отсутствия народных элементов. Т.к. произведения тех времён перед самим написанием часто проходили стадию устной легенды, народное творчество не могло не отразиться в поэтике произведений. Соответственно и в нашем Сказании мы наблюдаем красочную коэкзистенцию канонического церковного и фольклорного, где произошло взаимное проникновение литературы и фольклора. Присутствием последнего отмечены великие произведения литературы.

Плач, воссоздав колорит тех времён и эмоционально обогатив текст Сказания, был хорошо знаком и близок читателям, что послужило причиной такой излюбленности произведения.

---

²⁶² Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978, стр. 291, 293.

²⁶³ Там же, стр. 283.

²⁶⁴ Там же, стр. 291.

²⁶⁵ Там же, стр. 293.

6. Вывод

Уходя своими корнями в древние времена принятия христианства, чешско-русские связи осуществлялись во многих сферах: от материально-торговых до духовно-церковных. Большое значение также имели междинастические браки как в дохристианские времена, так и после крещения Руси. В последнюю очередь также свою роль играл старославянский язык, общий литературный для всех славянских народов.

Всё это не могло не отразиться в культурном наследии, в частности в литературе. Переводная литература обогатила в развитии литературу древней Руси, привнесла ряд новых приёмов риторического искусства, жанров, символов и образов. Русская же литература, в свою очередь, отплатила сохранением многих древних памятников чешской старославянской литературы.

В данном контексте возникло и наше Сказание о Борисе и Глебе, необходимое для канонизации святых. Главным источником при его написании (помимо иных) явно послужило житие святого Вячеслава. Сходства судеб и культов первого чешского святого и первых русских князей-мучеников не мог не заметить древний автор. Даже в самом тексте мы находим ссылку на мучение и страдания святого Вячеслава. Сказание содержит целый ряд мест, которые свидетельствуют о знании автором чешских легенд, как старославянских, так и латинской (или к ней восходящих).

Результатом сравнения чешских легенд о Вячеславе с русским Сказанием о Борисе и Глебе можно считать следующие выводы:

- Автор Сказания пользовался чешскими легендами о Вячеславе, как литературным образцом, придерживаясь плана повествования а также черпая драматические образы и целые пассажи.
- Заимствованные элементы древний писатель умело переработал с учётом русских реалий и имеющихся русских преданий о Борисе и Глебе, что создало эффект реальности, «местности» и уместности выдуманных/перенятых эпизодов.
- Русское произведение, написанное по образцу святовацлавских легенд с добавлением местного колорита, не отвечало византийским шаблонам, по которым создавались жития. Вероятно сам автор осознавал это, назвав своё произведение «сказанием», а не «житием».

Приведённые выводы и примеры, взятые из самого текста, развеивают сомнения о непосредственном влиянии легенд о святом Вячеславе князе чешском на Сказание и

страдание и похвалу святым мученикам Борису и Глебу.

Однако в процессе выявления сходств, мы обратили внимание на разительные *несходства*. Глубокий лиризм, являясь особенностью Сказания, отличает произведение от святовацлавских легенд. В длинных эмоциональных предсмертных монологах Бориса и Глеба выявляются отчётливые следы общности с фольклорным плачем. Драматический лиризм плача мастерски переплетён с молитвами и предсмертными речами праведных. Автор использовал конструкции и выражения, которые и по сей день кое-где мы ещё можем встретить в обрядовом похоронном фольклоре, например в Карелии. Автор Сказания обратился к близкому и хорошо знакомому современным читателям жанру, что способствовало симпатии и широкой распространённости произведения в течение многих веков.

Предметное изучение данной ипостаси Сказания расширяет границы творческого диалога 1958-1967 годов²⁶⁶ между Р. Ягодичем и Д.С. Лихачёвым, перенося его на качественно иной уровень. Посредством Сказания иллюстрируем не только сосуществование двух независимых систем (системы древне-русских литературных жанров и жанров фольклора), их взаимное дополнение, но и их взаимное прорастание. В одном тексте перед нами предстают литературное творение, агиографическое произведение создаваемое по древнечешскому образцу, с одной стороны, и погребальный плач, с другой.

Данные выводы очерчивают поле для дальнейшего изучения поэтики Сказания. Попутно намечаются и частные векторы научного поиска:

- восприятие святого Вячеслава в среде староверов;
- актуализация жанра хождения, путевых записей, дневников путешественников. До сих пор практически не учтён пласт подобных свидетельств родом из Великого княжества Литовского, что достаточно прискорбно, учитывая то, что культ святого Вячеслава находился на большой дороге между Литвой и Италией;
- открывается обратная перспектива. Сказание, представляя собой «запись» плача, свидетельство бытования данного жанра, является ценным источником для изучения самой традиции похоронного плача домонгольского периода.

---

²⁶⁶ Лихачёв Д.С., Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе, Ленинград 1986, стр. 79-95.

Список использованной литературы

- ▶ Bilevičius (Billewicz) Teodoras, Kelionės vokiečių, čekų ir italų žeme dienoraštis, Vilnius 2003.
- ▶ Co daly naše země Evropě a lidstvu, Praha 1998: Olaf Jansen (R. Jakobín), Český podíl na církevněslovanské kultuře, стр. 22-45; Josef Vašica, Raný kult českých světců v cizině, стр. 53-60; Antonij Frolovskij, Vliv staré české literatury v oblasti ruské, стр. 276-284.
- ▶ Huňáček V., K nejstarším vztahům česko-ruským // Československo-sovětské vztahy I., Praha 1972.
- ▶ Karel IV., Literární dílo, Praha 2000.
- ▶ Kosmova kronika česká, Praha 1972.
- ▶ Mathausarová Světlá, Cestami staletí. Systémové vztahy v dějinách ruské literatury, Praha 1988.
- ▶ Novák M., Čtení o Palladiu země České, Stará Boleslav 2009.
- ▶ Pekař J., Nejstarší kronika česká, Praha 1903.
- ▶ Pekař J., Svatý Václav, Praha 1929.
- ▶ Pekař J., Život a umučení svatého Václava a báby jeho Ludmily, Praha 1921.
- ▶ Procházková H., Po stopách dávného přátelství, Praha 1959.
- ▶ Rogov A.I., Staroslověnské legendy českého původu, Praha 1976.
- ▶ Svatováclavský sborník. Vydáný na památku 1000. výročí smrti knížete Václava Svatého (t. 1.), Praha 1934-1939.
- ▶ Weingart M., Nejstarší slovanská legenda o svatém Václavu, Praha 1940.
- ▶ www.catholica.cz
- ▶ www.cs.wikipedia.org
- ▶ www.klaster-sazava.cz
- ▶ www.ozon.ru
- ▶ Абрамович Д.И., Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, Петроград 1916.
- ▶ Бальмонт К., Стихотворения, Москва 1989.
- ▶ Барсов, Причитания Севернаго края, часть I., Москва 1872.
- ▶ Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, канонические, Лондон 1965.
- ▶ Большая российская энциклопедия, том 4, Москва 2006.
- ▶ Большая советская энциклопедия, том 3, Москва 1970.
- ▶ Большой православный молитвослов, Киево-Печерская Успенская Лавра 2008.
- ▶ Брюсов В., Сборник (составитель В.Е. Максимов-Евгеньев), Ленинград 1925
- ▶ Бугославский С.А., Текстология древней Руси, том 2 Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, Москва 2007.
- ▶ Вашица И., Каковы были связи древней русской литературы с литературами западных славян? // Сборник ответов на вопросы по литературоведению (IV Международный съезд славистов), Москва 1958.
- ▶ Востоков А.Х., Описание русских и словенских рукописей Румянцовскаго музеума, составленное Александром Востоковым, СанктПетербургъ 1842.
- ▶ Галич А., Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи., Екатеринбург 1998.
- ▶ Иконников В.С., Опыт русской историографии, т. II. кн. 1 изд. 1891-1908 гг., Осабрюк 1966.
- ▶ Ильин Н.Н., Летописная статья 6523г. и её источник, Москва 1957.
- ▶ История русской литературы (ред. Орлов А.С.), том 1, Москва-Ленинград 1941.
- ▶ Литература Древней Руси – хрестоматия (сост. Л.А. Дмитриев, ред. Д.С. Лихачёв), Москва 1990.

- ▶ Лихачёв Д.С., Библиотека литературы Древней Руси, том 2, Санкт-Петербург 1999.
- ▶ Лихачёв Д.С., Возникновение русской литературы, Москва-Ленинград 1952.
- ▶ Лихачёв Д.С., Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе, Ленинград 1986.
- ▶ Лихачёв Д.С., Памятники литературы Древней Руси, том 1, Москва 1978.
- ▶ Лихачёв Д.С., Повесть временных лет, Санкт-Петербург 1996.
- ▶ Лихачёв Д.С., Поэтика древнерусской литературы, Ленинград 1971.
- ▶ Макарий, История русской церкви, книга вторая, Москва 1995.
- ▶ Минейная редакция жития св. Вячеслава по сборнику житий первой половины XVII в., хранящемуся в Ярославско-Ростовском музее-заповеднике (инв. № 15497), пер. А. И. Рогова // Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970.
- ▶ Молитвослов (Православный приход Храма иконы Казанской Божией Матери в Ясенево), Москва 2002.
- ▶ Никольский Н., Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.), С.-Петербургъ 1906.
- ▶ Никольский Н.К., К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник Академии Наук СССР, 1933, № 8-9.
- ▶ Никольский Н.К., Легенда Мантуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе Чешском в славяно-русском переложении, Санкт-Петербург 1909.
- ▶ Парамонова М.Ю., Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисо-глебовского культов, Москва 2003.
- ▶ Полный календарь народных и православных праздников (Зайцева Д.Е.), Ростов-на-Дону 2007.
- ▶ Православный календарь на 2008 год, Санкт-Петербург 2007.
- ▶ Рогов А.И., Сказания и начале Чешского государства в древнерусской письменности, Москва 1970.
- ▶ Розов Н.Н., Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода // ТОДРЛ, том 23, Ленинград 1969.
- ▶ Сенковский, Собрание сочинений, том 5, Санкт-Петербург 1858.
- ▶ Сказание о Борисе и Глебе // Литература Древней Руси, Москва 1990.
- ▶ Словарь книжников и книжности Древней Руси (X – первая половина XIV в.), Ленинград 1987.
- ▶ Успенский Б.А., Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси, Москва 2000.
- ▶ Федотов Г.П., Святые Древней Руси, Париж 1989.
- ▶ Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне I, Прага 1935.
- ▶ Четьи Миней за сентябрь «Сия книга, глаголемая четья минея, содержащая в себе месяц сентябрь, из Четьих Миней, собранных всероссийским митрополитом Макарием. Напечатана в царствующем граде Москве, в московской старообрядческой книгопечатне, в год 7420.»
- ▶ Чичибабин Б., И всё-таки я был поэтом..., Харьков 1998.
- ▶ Энциклопедический словарь под редакцией профессора И.Е. Андреевского, том IV, Санкт-Петербург 1891.
- ▶ Якобсон Р.О., Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле // Культурное наследие древней Руси (Лихачёв Д.С.), Москва 1976.

jo nematėme, tačiau proxime habitantes¹ pasakojo, kad immedia-
te² prieš keletą savačių jį regėjo.

[Minėtieji] ebullientes vandenys turi šias proprietates³. Visų pir-
ma, jie visada aequaliter⁴ šilti, secundo bjauriai dvokia siera ir kitomis
aštrų kvapą turinčiomis medžiagomis, tertio drabužiai keletą valan-
dų šiame vandenyje pamirkę – non sunt durabiles⁵, nes vanduo juos
sugriausia et odorem illum retinent⁶. Sidabras į šį vandenį pamerktas
tuoj pat it anglis juodojoja, o auksas – ima blizgėti. Išleidžiamas ar-
vės vanduo vamzdžiais suteka į trečią vietą. Jis ne toks proficua⁷, ta-
čiau juo gydomi arkliai nuo kanopų ligų, atmušimo bei kitų negalavi-
mų. Keista, kad ne tik žmonėms, bet ir gyvuliams jis padeda.

Pagyvenę šioje vietoje pustrėčios savaitės, Octobris 8-ą dieną
išvykome recta į Prahą. Prahą pasiekėme 8-ą dieną 13-ktą dieną: nu-
keliauti reikėjo tik dvidešimt mylių, tačiau [kelias ėjo] labai aukš-
tais ir uolėtais kalnais. Kai kuriose vietose ištisą dieną laborando⁸
pasistūmėdavome vos pusantros mylios.

Likus šešioms mylioms iki Prahos yra kalnas, kur kasami čekų
deimantai. Ten randama tokio tobulumo [brangakmenių], kad vir-
tute et elegantia⁹ tikriems rytietiškiems adquare videntur¹⁰. Iš čia
summa copia šių brangakmenių patenka ad varium usum¹¹.

Per mylią iki Prahos stovi graži, prašmatriai extr[u]ctus¹² baž-
nyčia. Šioje vietoje Čekų karalius¹³ [...] užmušė savo tikrą broli
šv. Vaclovą. Bažnyčioje yra šv. Vaclovo paveikslėlis, išlietas iš gryo
aukso, summis miraculis pollens¹⁴, rastas praėjus kelioms dešim-
tims metų po šv. Vaclovo nužudymo. Nusikaltimo metu ištikimas
šv. Vaclovo tarnas, paėmęs šį paveikslėlį, užkasė žemėje. Vėliau ir

¹ arčiausiai gyvenantys; ² tie-
siog; ³ savybės; ⁴ vienodai;
⁵ yra nestiprūs; ⁶ perima savo
kvapą; ⁷ naudingas; ⁸ vargdū-
mi; ⁹ tvirtumui, ingrožiui
¹⁰ regis, prilįgsta; ¹¹ įvairioms
reikmėms; ¹² pastatyta
¹³ Boleslovas; ¹⁴ Čekijos kuni-

gaikštis 929–967, kuriam įsakius
buvo nužudytas iki tol šalį valdęs
jo brolis Vaclovas; pastarasis
garsėjo savo pamaldumu
netrukus po mirties (929.09.28)
pradėtas laikyti šventuoju.
Čekijos globėju; ¹⁴ garsėjantis
didžiais stebuklais.

51

52 pats tarnas ob fidem¹ savo ponui ir katalikų tikėjimui to paties
karaliaus buvo interfectus². Tačiau apie paveikslėlį niekam nebu-
vo prasaręs. Tik vienas agricola³, žemę ardamas, jį išvertė. Atida-
vė Prahos bažnyčiai, kurioje cum summa veneratione acceptus et
positus in altari⁴. Kirą dieną jis išnyko. Ir vėl in eodem inventus
loco⁵. Kai keletą kartų šitaip atsitiko, niekas daugiau jo nelietė, o
in hoc loco⁶ pastatė bažnyčią. Nuo šios vietos iki pat miesto tankiai
pristatyta mūrinių stulpų, ant kurių nutapyta Šv. Vaclovo tota his-
toria interfectionis et vitae⁷.

Prieš pat Prahą matėme primo tantam copiam⁸ gausių vynu-
gynų, iš [juose augančių] vynuogių čekai daro vyną, kuris jiems
neblogas išeina.

Pats miestas. Į miestą įvažiuome valandą prieš vakarą splen-
didissime⁹, tad populus confluebat undiquam¹⁰ pamatyti JM kuni-
gaikščio atvykimo. Kadangi vežimai, kupranugariai ir žirgai va-
landą anksčiau praieibant, jie illos commoverunt ad spectaculum¹¹.
Pervaziavę vieną pusę miesto (jis in duas dividitur partes fluvio
potentissimo translucens¹²), keliavome tiltu per upę, keturių lan-
ko šūvių ilgumo, bet labai tvirtu ir stipriu¹³. Per vetustatem et
continuum¹⁴ žmonių ambulationem¹⁵ jo kraštais galinguose akme-
nyse išmuštos per pusę uolekčio ir gilesnės duobės. Tiltu viduryje
pastatytas didžiulis kryžius, prie kurio incessanter¹⁶ dieną ir naktį
dega lampa, o vakarais akademikai¹⁷ klūpodami gieda litaniją. Kry-
žius extructus¹⁸ armimi įvykiui, kai švedai sub dole¹⁹ vieną naktį
užėmė pusę Prahos; jezuitai (kurie netoliese, kitoje tilto pusėje,

1. dėl tikimybės; 2. nužudytas;
3. valstietis; 4. suridėle pagarpa
priimtas ir padėtas altoriuje;
5. buvo atrastas toje pačioje vie-
tyje; 6. toje vietoje; 7. viena nužu-
dymo ar gyvenimo istorija; 8. pir-
makis tokia daugybė; 9. didžiuliu
šilumingu; 10. į žmonėms; 11. pa-
sivertė; 12. pravažiavo; 13. su-
mūšė; 14. katalikai; 15. 1771

dvi dalis padalintas galingos [per
jį] tekančios upės; 13 516 m. il-
gio tiltas per Vltavos upę, XIV a.
pastatytas Šv. Romos Imperijos
imperatoriaus Karolio IV, todėl
vadinamas jo vardu; 14 dėl senu-
mo ir nuolatinio; 15 vaikščioji-
mo; 16. mūšėto; 17. jezuitų
akademijos (universiteto) stu-
dentai; 18. pastatytas; 19. klau-

Отрывок из «Дневника — Хождения по немецким, чешским и
итальянским землям» Теодораса Вилгивичуса
Приложение № 1:

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приблизненно восстановленный оригинал анонимнаго Сказанія о свв
Борисѣ и Глѣбѣ *).

(На основѣ текста Успенскаго списка XII вѣка).

Сказаніе и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глѣба.

1 „Родъ правныхъ благословиться“, рече пророкъ, „и сѣмя ихъ въ благословеніи будетъ“ а).

5 Сице убо бысть малымъ прежде сихъ *мтг*¹, суцю самодръжью всен роусьстѣи земли Володимеру², сыну Святославу, вѣнуку же Игореву, иже и святымъ крещеніемъ *просвети всю землю*³ русьску; прочая же его добродѣтели инде съкажемъ нынѣ же нѣсть время, а о сихъ по ряду сице есть: съ убо Володимеръ имѣаше сыновъ 12, не отъ единой жены, нѣ отъ раснѣ матеръ ихъ; въ нихъ же быше старѣи Вышеславъ, а по немъ Изяславъ, третій Святопѣлкъ,

*) *Примѣчаніе*. Титла раскрыты; поставлены современные знаки препинанія. Шрифтъ гражданскій въ виду трудности передать орфографію оригинала. Намѣненіе (буквъ, словъ и фразъ) въ текстѣ Успенскаго списка XII вѣка набраны курсивомъ. Сомнительныя исправленія—въ квадратныхъ скобкахъ.

Цифры справа означаютъ номеръ варианта въ критическомъ аппаратѣ текста № 9, гдѣ находится исправляемое мѣсто. Числа.

а) Цесл. III, 3.

иже и убійство се зълое изобрѣтъ. Сего мати прежде бѣ чрвницею, грывкии суци, и поаль ю бѣ Яропѣлкъ, братъ Володимеръ, и ро- стрыгъ ю красоты дѣла лица ея и зача отъ нея сего Святопѣлка¹¹. Володимеръ же поганъ еще убивъ Яропѣлка, и поять жену его не- прайдну суцю; отъ неяже родися сій оканьный Святопѣлкъ. и 5 бысть отъ дъвою отцю и брату суцю; тѣмъ же и не любляше его Володимеръ, акы не отъ себе ему суцю; а отъ Рог(э)нѣди 4 сыны имѣаше: Изяслава, и Мьстислава, и Ярослава, и Всеволода, а отъ иноя Святослава и Мьстислава, а отъ болгарынѣ Бориса и Глѣба. И посажа я²⁰ [*или* вся] по роснамъ землямъ въ княженіи, иже 10 инде съкажемъ; сихъ же (*и*) съновѣмы убо; о нихъ же и повѣсть си есть. Посади убо сего оканьнаго Святопѣлка въ княженіи Ниньскѣ, а Ярослава Новѣгородѣ, а Бориса Ростовѣ, а Глѣба Муромѣ. Нѣ се остану много глаголати, да не многописаніи въ забыть(е) вѣлѣземъ. Нѣ о немъ же начахъ си съкажемъ убо сице. Многомъ 15 же *днемъ уже*²⁰ минувшемъ и яко съконьчашася дніе Володимеру, уже минувшемъ лѣтомъ 28 по святѣмъ крещеніи, впаде въ недугъ крѣпкъ. Въ то же время быше пришелъ Борисъ из(д) Ростова; печенѣгомъ же о(тг) опуду пакы идущемъ ратію на Русь. Въ велицѣ печали быше Володимеръ, зане не можаше шпти про- 20 тиву пмъ, и много печалашеси, и призывавъ Бориса, [^а ему же бѣ нма *издѣлю*³³ въ святѣмъ крещеніи Романъ, ^а] блаженнаго и скропослушливаго, предавъ воѣ многы въ руцѣ его, посла и противу безбожнѣмъ печенѣгомъ. Онъ же съ радостію вѣставъ иде рекъ: „Се готовъ смъ предъ очима твоима сътворити, елико велеть воля 25 сердца твоего“. О таковыхъ бо рече Притѣчникъ: „Сынъ быхъ отцю послушливъ и любимъ предъ лицемъ матерѣ своея“ *).

а-а. Можетъ быть, эта фраза не читалась въ оригиналѣ. Ее нѣтъ въ спп. ВСЕFGIq. Чудовск. ред. Кроме того христіанскаго имени Глѣба нѣтъ въ Сказаніи и фраза а-а разъединяетъ тѣсно связанныя слова: „Бориса“ и „блаженнаго“. Интересно сравнить Ск. о уб. со Сказ. о чудесахъ. Тамъ и въ заглавіи и въ текстѣ постоянно св. Борисъ называется Романомъ, а Глѣбъ Давидомъ. Списки, гдѣ отрывокъ а-а не читается не являются представителями группы, связанной тѣснымъ родствомъ. Замѣчу еще, что и въ лѣтописи нѣтъ христіанскихъ именъ святыхъ.

*) Притч. IV, 3.

О(т)шедьшо же ему я не обрѣтъшо супостатъ своихъ възвративъшося *ему възсиять*⁴⁰, и се приде вѣстникъ къ нему *сказа отцю ему смерть*⁴⁸, како преставися отецъ его Василій (въ се бо имя быше нареченъ въ святѣмъ крещеніи), и како Святонѣкъ по-
 5 таи смерть отца своего, (п) noch проймавъ поможь на Берестовѣмъ и въ коврь обертѣвшѣ съвѣсивъше ужн на землю, везъше на саняхъ, поставиша и въ церкви святяя Богородица. И како услыша⁵², начатъ тѣлѣмъ утърпывати и лице его все слъзъ испълнися; и слъзами разливаяся и не могши глаголати, въ срдци си
 10 начатъ сицевая вѣщати: „Увы мнѣ, свѣте очю моею, сіяніе п заре лица моего, *бръздо*⁵⁷ уности моеѣ, наказаніе не(до)разумія моего! Увы мнѣ, отче и господине мой! Къ кому прибѣгну, къ кому въззрю? Къде ли насыщюся таковааго благааго ученія п казанія⁶¹ разума твоего? Увы мнѣ, улы мнѣ! Како заиде свѣте мой, не сущу ми ту!
 15 Да быхъ попѣ самъ чьстѣное твое тѣло своимъ рукама съпряталъ и гробу предалъ; нѣ то ни понесохъ красоты мужьства тѣла твоего, ни съподобенъ быхъ цѣловати добродѣльныхъ твоихъ сѣдинъ. Нѣ, о блаженнче, помияи мя въ покоп твоп. Сърдце ми горить, душа ми съмысль съмуцаеть и не вѣмъ, къ кому обратитися и къ кому
 20 сію горькую печаль прострѣти: къ брату ли, его же быхъ имѣлъ въ отца мѣсто,—нѣ тѣ мышо: о суетіп мѣрскихъхъ поучається и о убіеніп моемъ помышляеть; да аще⁷⁶ на убіенство мое потъщиться, мученикъ буду Господу моему, азъ бо не противлюся, зане пишеться: „Господь гърдимимъ противиться, съмѣренымъ же дасть благодать“ *); апостоль же: „Иже“, рече, „Бога люблю, а брата своего ненавиждь, лъжъ естъ“ **). И пакы: „Боязни въ любви нѣсть; съвършеная любви вѣнъ взмещеть страхъ“ ***). Тѣмъ же ч(ѣ)то реку или что сътворю? Се да вду къ брату моему и реку ты ми буди отецъ: ты ми братъ и старѣя. Чьто ми велиши, господи мой?“
 30 И си на умѣ си помышляя, идяше къ брату своему и глаголаше въ срдци своемъ: „То попѣ узрю ли си лице братьца моего мьвшааго Глѣба, яко же Юсифъ. Веніамина?“ И та вся полагая въ срдци си *малолаше*⁸⁶: „Воля твоя да будетъ, господи мой!“ Помышляше же въ умѣ своемъ: „Аще поиду въ домъ отца своего,

*) Іаков. IV, 6.

**) I. Юанна IV, 20.

***) I. Юанна IV, 18.

то языци мнози *еда*¹⁰¹ превратятъ сърдце мое, яко прогнати ми¹⁰³ брата моего, яко же п отецъ мой преже святого крещенія, славы ради и княженія міра сего, иже все мимоходитъ и хуже паучины,— то камо имаемъ приити по отшествіи моемъ отсюду? Какъ ли убо обряцуюся тѣгда? Ки ли ми будетъ отвѣтъ? Къде ли съкрыю множь-
 5 ство грѣховъ моихъ¹⁰²? Чьто бо приобрѣтоша [преже]¹¹¹ братія отца моего или отецъ мой? Къде бо ихъ житія п слава міра сего, п багряница и брячны, сребро и злато¹¹⁴, вина п медове, брашна чьстѣная и быстрыя кони, и домове краснѣи п велици, п имѣнія многа, п дани п чьсти бесчисельны, п гърдѣнія, яже о боярѣхъ
 10 своихъ. Уже все се имѣ, аки не было николи же: вся съ нимъ пицезоша. И нѣсть помощи ни отъ кого же сихъ: ни отъ имѣнія, ни отъ множества рабъ, ни отъ славы міра сего. Тѣмъ п Соломонъ, все прошьдъ, вся видѣвъ, вся сътлжавъ и съвѣкунивъ *и вся рассмотрьвъ, рече*¹²²: «Все суета, п суетіе суетію буди» *). Тѣмъ
 15 помощь отъ добръ дѣлъ п отъ правовѣрія, п отъ нелицемѣрныхъ любьве“.

Иды же путемъ помышляаше о красотѣ п добротѣ телесе своего, п слъзами разливаашеся весь и хотя удрѣжатися п не можааше. И вся зряще его тако *слеза*¹²⁸, *плакаашуся*¹²⁹ о добродѣ-
 20 нѣмъ тѣлѣ п чьстѣнѣмъ разумѣ въздраста его, п къждо въ души своей стонааше горестію сърдечною, п вси съмуцаашуся о печали.

Къто бо не възплачеться смърти тоѣ пагубноѣ приводя предъ очи сърдца своего?

Образъ бо бяше унылып его, възоръ п скрушеніе сърдѣца его
 25 святого. Такъ бо бѣ блаженши тѣ правдивъ, п щедръ, тихъ крѣткъ, съмѣренъ; всѣхъ милуя и вся набѣдя.

Помышляаше¹⁴⁰ же въ себѣ¹⁴¹ богоблаженны Борисъ п глаголаше: „Вѣдѣ, яко¹⁴² брата моего зълуряди чловѣци понудятъ и на убіенство мое п погубятъ¹⁴⁵ мя. Да аще пролѣеть кровь мою, то му-
 30 ченикъ буду Господу моему, а духъ мой прииметь Владыка“.

Таче, забывъ скръбъ смъртѣную, тѣшааше сърдце свое о *словеси*¹⁴⁸ Божіи: „Иже погубити(ѣ) душу свою мене ради и моихъ словесъ, обряцети(ѣ) ю въ животѣ вѣчнѣмъ, съхранитъ ю“ **).

148 *Въ Умѣ*: словеси; повидимому, о попало не на свое мѣсто. Кромѣ того это слово писано по стертому мѣсту. Срни. ниже: „и о семь *словеси* тѣшаашеся“.

*) Евангеліе, I, 2.

**) Матѣ. X, 39.

И понде радъстѣньмъ сѣрдцьмъ *рекии*¹⁵⁰: „Не презьри мене, Господи премилостиве, уповающаго на тя, нѣ спаси душу мою“.

Святопѣлкъ же сѣдя Кыевѣ по отци. Призвавъ Кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти я¹⁵⁵. Посла же къ Борису, глаголя: „Брате, 5 хочу съ тобою любовь имѣти, и къ отню ти придамъ“. Лъстѣно, а не истину глаголя. Пришедъ Вышегороду ночь отан, призъва Путьшу и вышегородскыѣ мужѣ и рече имъ: „Повѣдите ми по истинѣ, прїязньство имѣете ли къ мнѣ?“ Путьша рече: „Вся мы можемъ главы своя положити за тя“.

10 Видѣвъ же дїаволь и искони ненавидяи добра чловѣка, яко всю надежу свою на Господа положили естѣ святой Борисъ, начать подвижнѣи бывати, и обрѣтъ, яко же преже Кайна на братоубїиство горяща. Тако же и Святополка¹⁶⁶, по истинѣ вѣторааго Кайна улови мыслью¹⁶⁸: яко да избїетъ вся наслѣдники отца своего, а 15 самъ прїиметь *всю власть единг*¹⁶⁹.

Тыгда призъва къ себѣ оканьныи трѣхлїтныи Святопѣлкъ свѣтѣники всему злу и начальникии всей неправдѣ, и отъвързъ прескварная уста, испусти злыи гласъ, *рече*¹⁷⁴: „Путьшнѣ чади! Аще убо *объщастеся главы своя*¹⁷⁵ положити¹⁷⁶, иедьше убо, братїя моя, отан, кѣде обряцете брата моего Бориса, съмотрѣше время 20 убиете и“.

И обѣщашася ему тако с(ъ)творити.

О такихъ бо рече пророкъ: „Скори суть *пролїати кровь*¹⁸⁰ бес правды; си бо обѣщаваются крѣви и събирають себѣ злая; сихъ 25 путье суть събирающїи беззаконїе: печестїемъ свою душу обїемлютъ“ *).

Блаженныи же Борисъ, яко же ся бѣ воротилъ и сталъ бѣ на Лѣтѣ шатры, и рѣша къ нему дружина: „Понди, слди Кыевѣ на столѣ отни: се бо вси вопъ въ руку *ми*¹⁸⁸ суть“. Онъ же имъ отъвѣщаваше: „Не буди ми въз[н]яти руки на брата *старшїа мене*¹⁹¹, 30 его же быхъ имѣлъ, акы отца“.

Св слышавъше, вон разидошася отъ него, а самъ оста тѣлѣмъ съ отроки своими. И бяше въ днь субботнныи; въ тузѣ и печали удручьнѣмъ сѣрдцьмъ, и вълѣзъ въ шатръ свои плакашеся съкрушенѣмъ сѣрдцьмъ, а душею радостною, жалостно гласъ испу-

*) Прїич. гл. 1 (XI, 6)

щаваше: „Сльзъ моихъ не презьри, Владыко, да яко же уповаю на тя! Тако да съ Твоими рабы прїиму часть и жребїи съ вѣсѣми святыими твоими, яко ты еси Богъ милостивъ и Тебѣ славу въсылаемъ въ вѣкы. Аминь“.

Помышляшеть же мученїе и страсть святаго²⁰⁴ Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему *убїену бывшю*²⁰⁷, и како святѣи Варварѣ отъць свои убища бысть. И помышляше слово премудрааго Соломона: „Правдѣнныи въ вѣкы живутъ, и отъ Господа мзда имъ и строенїе имъ отъ Вышнїаго“. И о семь словеси тѣчию утѣшашеся и радоваашеся. 10

Таче бысть вечеръ, и повелѣ пѣти вечернюю, а самъ вълѣзъ въ шатръ свои начать молитву творити вечернюю съ слъзами горькими и частымъ въздыханїемъ и стонанїемъ многымъ. По сихъ леже сънати и бяше сънъ его въ мнозѣ мысли и въ печали крѣпцѣ [и тяжцѣ²¹⁶] и страшнѣ: како предатся на страсть, како 15 пострадати и теченїе съкопчати, и вѣру съблости, яко да и щадимый *) вѣнцѣ прїиметь отъ руки Вьседержителевы. И *възднуетъ рано, видѣ*²²¹, яко годъ естѣ утрнїи, — бѣ же въ святую недѣлю, — рече къ прозвутеру своему: „Въставъ, начьни заутрнюю“. Самъ же, обувъ нозѣ свои и умывъ лице свое, начать молитися къ Господу Богу. 20

Посѣланныи же прїидоша отъ Святопѣлка на Лѣто почъ и подъступнїа близъ, и слышаша гласъ страсотѣрпца, поюща *псалмы заутрнїа*²³⁵; — бяше же ему вѣсть о убїенїи его. — И начать пѣти: „Господи, чьто ся умножиша сътужающїи *ми*²³⁶ и мнози въсташа 25 на мя“ **), и прочая *псалма*²³⁹ до коньца. И начать пѣти *псалтырь*: „Обидоша мя пси мнози и унци тучныи одѣржаша мя“ ***); и пакы: „Господи, Боже мой, на тя уповахъ: спаси мя“ ****). Таже

²⁰⁷ Такъ въ части Чудов. сп. (D и др.), въ АВ, М и др. Въ Усп. спискѣ послѣ „убїену“ видно стертое слово „бывшю“.

²¹⁶ Можеть быть „и тяжцѣ“ не читалось. Его нѣтъ въ ЗСМ и Чудовскихъ ДЗУ.

*) Т. е. „прїурочивленный“ по „Матерїаламъ“ для словаря И. И. Срезневскаго, т. III, вып. 3, стр. 1607.

***) Псалт. III, 2.

****) Псалт. XXI, 17.

*****) Псалт. VII, 2.

по семь канонъ. И копычавъшю ему утрянюю, начатъ молитися, зря къ иконѣ Господни, рече: „Господи, Исусе Христе, иже симъ образъмъ явися на земли, изволивъ[и] волю пригвоздитися на крѣстѣ и прїимъ страсть грѣхъ ради нашихъ, сподоби и ми прїяти 5 страсть!“

И яко *услышаше топотъ*²⁴⁸ зълѣ окрѣсть шатъра и трѣптынь, и начатъ слезы испущати отъ очю своєю, и глаголаше: „Слава ти, Господи, о всѣмъ, яко сподобилъ мя еси зависти ради прїяти сїю горькую смърть и все претрапати любве ради словесе твоего. Не възхотѣхъ бо²⁴⁹ възискати себѣ самъ; ничто же себѣ изво- 10 лихъ по апостолу: „любви все тѣрпѣть, всему вѣру емлетъ и не ницеть своихъ“*), и пакы: „болзни въ любви нѣсть; съвършеная бо любви вѣнъ отъмещеть боязнь“**). Тѣмъ, Владыко, душа моя въ руку Твоею вину, яко закона Твоего не забыхъ; яко Господеву 15 годѣ бысть, *такъ буди*²⁵¹. И яко²⁴⁸ узрѣста понинъ его и отрокъ, иже служаше ему, и видѣвша господина своего дряхла и печалю обліяна суца²⁴⁹, расплакастася зѣло и глаголаста: „Милый господине наю и драгий! Колико благости непълненъ бысть, яко не възхотѣ противитися *брату*²⁶¹ любве ради Христовы, а колпикъ 20 вой държа въ руку своєю!“

И си рекъша умилнстася. И абіе узрѣ текущихъ къ шатъру; блиставиіе оружїя и мечьное оцѣщеніе. И без милости прободено бысть чьстное и многомилостивое тѣло святого и блаженнаго Христова стратотърныца Бориса. Насунуша копїи оканьїи: Путьша, 25 Тальць, Еловичъ, Ляшкы. Видѣвъ же отрокъ его, вьржеса на тѣло его²⁷⁰, рекши: „Да не остану тебе, господинне мои драгыи! Да идеже красота тѣла твоего увидаетъ, ту и азъ сподобленъ буду *животъ свои съкончати*“²⁷³.

²⁴⁸) Это мѣсто было затруднительнымъ для переписчиковъ, которые независимо отъ родства рукописей измѣняли это чтеніе въ: „услыша шепотъ“. (какъ въ Усп. сп.). Причиной ошибки, кажется, было неправильное раздѣленіе слога въ слитомъ: „услыша шепотъ“. Непонятное „шепотъ“ осмысливалось въ „шепотъ“, рѣже въ „услышаше тотъ“ (ред. Торж), или же просто оставлялось безъ смысла: „услыша потъ“ (ред. Торж), „услышаша потъ“ (Синод. р.). Означенныя измѣненія происходили въ родственныхъ спискахъ различныхъ редакцій

*) I. Корин. гл. XIII, 5.

***) I. Иоанн IV, 19.

Бяше же съ родъмъ угринъ, имьнемъ Георгїи. И бяше възложилъ нанъ гривну злату, и бѣ любимъ Борисѣмъ паче мѣры. И ту же и проньзоша. И яко бысть ураненъ, и искочи изъ шатъра въ оторопѣ. И *начаша*²⁸⁰ глаголати стояще округъ его: „Что стоите зряще? Приступивше, скончанїемъ повелѣное намъ“. Си слышавъ, 5 блаженны начатъ молитися и милъ ся имъ дѣяти, глаголя: „Братїя моя милая и любимая! Мало ми время отдасте, да понѣ помолюся Богу моему“. И възрѣвъ на небо съ слезами и горцѣ въздхнувъ, начатъ молитися сицими глаголы: „Господи, Боже мой многомилостивый и милостивый, и премилостиве. Слава ти, яко сподобилъ 10 мя еси убѣжати отъ прельсти житїя сего льстнаго. Слава ти прещедрымъ живодавчѣ, яко сподоби[л] мя труда святыхъ мученикъ! Слава ти, Владыко челоуколюбчѣ, сподобивши мя съкончати хотѣїе сьрца моего! Слава ти, Христе, многому ти милосердію, иже направилъ на правыи путь мирныхъ ногъ моя теци къ Тебѣ безъ 15 съблазна! Призри съ высоты святыхъ²⁶¹ Твоея, вижь болѣзнь сьрца моего, юже прїяхъ отъ сьродьника моего, яко Тебе ради умьрцвемъ есмь въ съ днь. Въмѣниша мя, яко *овчи студи*²⁶⁶. Всїи бо Господи мои [*овси*]²⁶⁶, яко не противлюся, ни въ прекы глаголю, а имши въ руку всяя воя отца моего и всяя любимыи отцемъ моимъ, 20 и ничто же не умьслихъ противу брату моему; онъ же, слико *возможе, въздаже на мя*²⁶¹. Да «аще бы ми врагъ поносилъ, протѣрихъ убо быхъ; аще бы ненавидалъ[и] мене вельречевалъ, *укрылся убо быхъ*“²⁶² *). Изъ ты, Господи, вижь и суди межю мною и межю братьемъ моимъ, и не постави имъ, Господи, грѣха сего, пѣ прїими 25 въ миръ душу мою. Амнь“.

*Тиче*²⁶⁶ възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и спадъшемъ лицемъ, и весь слезами обліявъся рече: „Братїе, приступивше, скончанте службу вашу и буди миръ брату моему и вамъ, братїе“.

Да слико слышаху словеса его, отъ слезъ не можааху ни сло- 30 весе рещи, отъ страха же и печали горькы и многыхъ слезъ, изъ съ въздханїемъ горькымъ жалостно²⁶² плакаахуся и къждо въ души своей *глаголаше*²⁶⁴: „Увы *миа*²⁶⁵, княже нашъ милыи и драгыи и блаженны, водителю слѣпымъ, одеже нагимъ, старости жыле, казтелю не наказанымъ! Кто уже си вся исправитъ? Како 35

*) Псалм. LXXV, 14.

не възхотѣ славы міра сего, како не възхотѣ веселитися съ чьстными вельможами, како не възхотѣ величія, еже въ житіи семъ. Кто не почюдитъя великууму еіо ³³³ сьмьренію, кто ли не сьмьрится, оного сьмьреніе видя и слыша?

5 И абіе усьле, предавъ душію свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца іулія въ 24 днь, преже 9 каландѣ а[в]густа.

Избиша же и отроки многи. Съ Георгія же не могуще сънати гривны, и отсѣкъше главу, отъвергоша и кромѣ: да тѣмъ и по слѣдъ не могоша познати тѣла его.

10 Блаженааго же Бориса обьртѣвъше въ шатъръ, възложивъше на кола повезоша. И яко быша на бору, начатъ възславяти святую главу свою. И се увѣдѣвъ Святотѣлкъ, пославъ два варяга и прободоша и мечемъ въ сердце. И тако съкончаша и възпріятъ неувѣдаемыи вѣнцѣ. И положиша тѣло его, принесѣше Вышегороду
15 у църкве святааго Василия въ земли погребоша.

И не до сего остави убійства оканьнии Святотѣлкъ, нѣ и на большаа, нестовася, начатъ простиратися. И яко видѣся желаніе сердца своего уже улучивъ, абіе не въспомину злѣааго своего убійства и многааго *си* ³³⁶ съблаженія, и ни малы повѣ на показаніе
20 преклонися. Нѣ ту абіе вѣнде въ сердце его сотона и начатъ и пострѣкати вяцѣна и горьша съдѣяти и множанца убійства. Глаголааше бо въ души своей оканьнии ³³⁷: „Что створю? Аще бо до сьде оставлю дѣло убійства моего, то дѣвоаго имаѣтъ чаяти: яко, аще услышатъ мя братія моя, си варивъше, въздадять ми и горьша снхъ.
25 Аще ли не сице, то да ижденуть мя и буду чужъ престола отца моего и жалость землѣ моея сънѣсть ми, и поношенія поносящихъ нападутъ на мя, и княженіе мое приметь инъ и въ дворѣхъ моихъ не будетъ живущааго; зане его же Господь възлюби, а азъ погнахъ и къ болѣзни язву приложихъ. Приложю *убо* *безаконіе* къ *безаконію* ³³⁸, обаче и матере моея грѣхъ да не *оцѣтитъ* *ми* *ся* ³³⁹ и съ правьднцами не напишюся, нѣ да потреблюся отъ книгъ *животныхъ*“ ³⁴⁰. Яко же и бысть, еже послѣди съкажемъ: ницѣ же вѣсть время. Нѣ на предълежащее възвратимъся.

³³⁶ Сравни Иларіонъ: „Слово о зак. и блвѣ.“ — „Имѣи же же ишиаевои въ книгѣ животныхъ“, или же въ посланіи Павлинари 12261: „Ихъ же имена ширена суть въ книгѣ животныхъ“. Книга животная есть перечень именъ умершихъ (главнымъ образомъ на войнѣ) для поминовения.

И си на умѣ си положивъ, злыми сьвѣтъникъ дияволъ, посла по блаженааго Глѣба, рекъ: „Приди въ бѣрзѣ, отецъ зоветь ти, и не съдравить ти вельми“.

Онъ же въ бѣрзѣ, въ малѣ дружинѣ, възсѣдъ на конь, *поиде* ³⁶⁸. И пришедъ на Вѣлгу. На полѣ потѣчеса подъ нимъ конь въ ровѣ 5 и наложи ногу малы. И яко приде Смолинску и поиде отъ Смоленська, яко зрѣнимо ³⁷⁵ едино, ста на Смядинѣ въ кораблиця. И въ се время пришла бяше вѣсть отъ Передьславы къ Ярославу о отьни сьмьрти. И првсла Ярославъ къ Глѣбу, река: „Не ходи, брате, отецъ ти умьрѣлъ, а братъ ти убіенъ отъ Святотѣлка“.
10

И си услышавъ, блаженни, възни плачѣмъ горькимъ и печалію сьрдьчною и сице глаголааше: „О увы мнѣ, господине мой! Отъ двою плачу плачюся и стеною; дѣвлю сѣтованію сѣтгу и тужю. Увы мнѣ, увы мнѣ! *Плачюся* ³⁸³ по отци; *плачу* *паче*, *зѣло* *отъня- яхся* ³⁸⁴ по тебѣ, брате и господине Борисе. Како прободеши еси,
15 како без милости прочее сьмьрти предася! Како ис отъ врага, въ отъ своего брата пагубу възпріялъ еси. Увы мнѣ! Уне бы *ми* ³⁸⁵ съ тобою умрети неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житіи пожити. Азъ мнѣхъ ³⁸⁶ узрѣти лице твое ангельское. Ти се селика туга състиже мя, и унылъ ³⁹¹ быхъ съ тобою умрети, господине мой.
20 Ницѣ же что створю азъ, умилени, очюженни отъ твоея доброты и отъ отца моего мьногааго разума? О милни мой брате и господине! Аще еси уполучилъ дръзновеіе у Господа, моли о моемъ уныніи, да быхъ азъ сънодобленъ *былъ* ³⁹² ту же страсть възпріяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстыѣмъ“.
25

И сице ему стеноцю и плачюцюся, и слъзми землю омачающю, присѣвша възезану посыланіи отъ Святотѣлка, зѣлми его слугы, немилостивнии крѣвоніицѣ, братоненавидници люти зѣло, сверѣпа звѣри душію *изъютце* ⁴⁰¹.

Святни же поиде въ кораблиця, и срѣтоша и усть Смядины. 30 И яко узрѣ и святни, възрадовася душою, а они узрѣвъше, и омрачаахуса и грѣбаху ⁴¹¹ къ немю. А съ цѣлованія чаяаше отъ нихъ пріяти. И яко быша равнио пловуще, начаша скакати зѣли они въ лодію его, обнажены меча и муце въ рукахъ ⁴¹⁴, бльзачася, акы

³⁸³ т. е. Усл. снискъ. Ъ болѣе поздней рукой переправленъ въ О; вездѣ дръзимо! По П. Н. Странничскому „дръзимо“ означаетъ пространство (не глаголъ!) См. Материалы для Створы, с. 1. 1913.

вода. И абіе всѣмъ весла отъ руку испадоша, и вси отъ страха омертвиша. И си видѣвъ блаженный, разумѣвъ, яко хотятъ его убити. Възрѣвъ къ нимъ умилелама очима и слъзми лице си умывая, съкрушенъмъ срдцъмъ, смѣренъмъ разумъмъ и частымъ въздыханіемъ, всѣ слъзми разливаяся, а тѣлъмъ утѣрая, жалостно гласъ испуцааше: „Не дѣйте мене, братія моя милая и драгая! Не дѣйте мене, ничто же вы зъла сътворивша! Не брезѣте мене⁴²³, братіе и господье, не брезѣте! Кую обиду сътворихъ брату моему и вамъ, братіе и господье мои? Аще ли кая обида, ведѣте мя къ князю ва-
 5 шему, а къ моему брату и господину. Помилуйте уности моеѣ, помилуйте, господье мои! Вы ми будѣте господие мои, азъ вашъ⁴²⁵ рабъ. Не пожыйте мене, отъ житія не съзрѣла! Не пожыѣте класа, не уже съзрѣвъша, нъ млеко безълюбія носяща! Не порѣжете лозы, не до конца въздрастѣша, а плодъ имуца! Молю вы ся и милъ вы ся
 10 дѣю. Убитися рекъшааго усты апостольскы: „не дѣти бываите умы, зълбюемъ же младенствуйте“*), а умы съвршени бываите. Азъ, братіе и зълбюемъ, и въздрастѣмъ еще младенствую. Се нѣсть убійство, нъ сырорѣзаніе. Чѣто зъло сътворихъ, свѣдѣтельствуйте ми, и не жалю си. Аще ли крѣви моеѣ насытитися хочете, уже въ
 15 руку вы есмь, братіе, и брату моему, а вашему князю. И ня поѣди единого словесе постыдѣшася, *ни мыслю преклонишася*⁴²⁶, нъ яко же убо сверѣши звѣрсе тако възхитиша его. Онъ же видѣвъ, яко не внемлють словесе его, начать глаголати сице: „Спасися, милыи мои отче и господине Василіе! Спасися, мати и госпоже моя! Спа-
 20 сися⁴²⁷, брате Борисе, старѣшино уности моеѣ! Спасися⁴²⁸, брате и поспѣшителю Прославе! Спасися и ты, брате и враже, Святопѣлче! Спаситесь и вы, братіе и дружино! Всѣ спаситесь! Уже не имаю васъ видѣти въ житіи семъ, зане разлучаемъ есмь отъ васъ съ нужею“. И глаголаше плачася: „Василіе, Василіе отче мои и
 25 господине! Приклони ухо твое и услыши гласъ мой и призри. и вижъ приключьшася чаду твоему. Како безъ вины закалаемъ семъ! Увы миѣ, увы миѣ! „Слыши небо и въздуши земле!“ И ты, Борисе, брате, услыши гласа моего. Отца моего Василія призвахъ и не послуша мене. То ни ты не хочещи мене послушати?! Вижъ скръбъ
 30 срдца моего и азъу душа моя! Вижъ теченіе слъзъ моихъ, яко

*) 1. Коринт. XII, 20.

рѣку! И никто же не внемлетъ ми; нъ ты убо помяни мя и помолися о миѣ къ общему *всѣмъ*⁴⁵⁰ Владыцѣ, яко имѣя дързновеніе и престою у престола его“.

И начать преклонъ колѣниѣ молитися сице: „Прещедрыи и прещемилостиве Господи! Слъзъ моихъ не премѣлячи, нъ умилися на
 5 мое уничіе. Вижъ съкрушеніе срдца моего! Се бо закалаемъ есмь, не вѣмъ, чѣто ради, или за которую обиду не *сѣмъ*⁴⁵¹. Ты вѣси, Господи, Господи мои! Вѣмъ ты рекъша къ своимъ апостоломъ, яко «за ния мое, мене ради възложить на вы руки. И предани будете
 10 родѣмъ и другимъ, и братъ брата предасть на смърть. И умрътвять вы имене моего ради»*). И пакы: „въ гърѣшнѣи нашемъ сътяжите душа вапа“**). Вижъ, Господи и суди! Се бо готова естъ душа моя предъ тобою, Господи! И тебѣ славу въсылаемъ, Отцу и Сыну и святууму, Духу нинѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь“.

Таче възрѣвъ къ нимъ *умиленъмъ и измолкнѣмъ гласъмъ*⁴⁵⁹ 15 рече: „То уже⁴⁶⁰ приступльше, сътворите, на неже послани есте!“

Тогда океанымъ Горясѣртъ повелѣ зарѣзати и въ бързѣ. Поваръ же Глѣбовъ, именовъ Търчинъ, изъмъ ножъ и имъ блаженааго и закла, яко агня⁴⁶⁶ безлобливо, мѣсяца септября въ 5 днь, въ по-
 20 недѣльникъ.

И *притесеи Господеви жертва чиста*⁴⁶⁸ и благовоѣна, и възиде въ небесныя обители къ Господу, и узрѣ желаемого си брата, и въсирѣста вѣнца небесныя, его же и възелѣста. И възрадо-
 25 вастася радостію⁴⁷⁵ неиздреченною, юже и улучиста.

Океаніи же они убици възвратившеся, *придоша*⁴⁷⁶ къ по-
 30 славьшюуму я, яко же рече Давидъ: „възвратятся грѣшныици въ адъ и вси *языци*⁴⁷⁷ забывающіи Бога“***). И пакы: „оружіе из-
 35 влекоша грѣшныици, напругоша лукъ свои заклати правыя срдцъмъ, и оружіе ихъ внидетъ въ срдца [*илъ*] и луци ихъ съкрушатся****), яко грѣшныици погыбнуть“*****). И яко съказаша
 30 Святопѣлку, яко сътворихомъ повелѣное тобою, и си слышавъ възнесеся срдцъмъ, и събытсся реченое псалмопѣвцемъ Давидъмъ: „чѣто ся хвалиши о зълбѣ, *сильми!*“⁴⁸¹ Безаконіе въ съ днь не-

*) Лук. XXI, 12, 16.

**) Лук. XXI, 19.

***) Псалт. IX, 18.

****) Псалт. XXXVI, 14.

*****) Псалт. XXXV, 20.

правду умысли языкъ твои. Възлюбилъ еси зѣлобу паче благо-
стыня, неправду, неже глаголаати правду. Възлюбилъ еси всѣхъ
глаголы потопныя и языкъ лъстивъ. Сего ради разрушитъ тя Богъ
до коньца, въстѣргнетъ тя и преселитъ тя отъ села твоего и корень
5 твои отъ земли живущихъ⁴⁹⁹ *).

Убіену же Глѣбови и повржену на пустѣ мѣстѣ между двѣма
колодама. И Господь не оставляетъ своихъ рабъ, яко же рече
Давидъ: „хранитъ Господь всѣхъ кости ихъ, и ни една отъ нихъ
съкрушится⁵⁰⁰“).

10 И сему убо стуюму лежащоу долго время. Не остави въ не-
вѣдѣніи и небреженіи отинудъ пребыти⁵⁰¹, нѣ показа: овогда бо
видѣша стѣлпъ огньнъ, овогда свѣщци горящи и пакы пѣнія англъ-
ская слышааху мимоходящии⁵⁰² гости, ни же лови дѣюще и пасуще.
Сп же видяще и слышаще, не бысть памяти ни единому же о
15 възясканіи телесе святаго, доиде же Ярославъ, не тѣря сего
зѣлааго убійства, движесе на братоубица оного оканьяаго Свято-
полка, и брани многи съ нимъ съставивъ; и всегда пособіемъ
Божіемъ и поспѣшеніемъ святою побѣдивъ, елико брани съставл.
Оканьныи посрамленъ и побѣженъ възрачаашесе.

20 Проче же съ трѣклятии прииде съ множествомъ печенѣгъ, и
Ярославъ съвкупивъ вой, иде противу ему на .Льто и ста на
мѣстѣ, идеже бѣ убіенъ святыи Борисъ. И въздѣвъ рудѣ на небо
и рече: „Се кровь брата моего възплетъ къ Тебѣ, Владыко, яко же
и Авелева преже, и ты мсти его, яко же и на ономъ положи сто-
25 наніе и трисеніе на братоубици Канѣ. Еи, молю Тя, Господи: да
въспрїиметь⁵²¹ противу^{***)} тому“. И *пололивъ рече: „О брата
моя!⁵²⁰ аще и тѣлѣмъ отсюду⁵²² отшля еста, нѣ благодатию жива
еста и Господеви предѣстонта, и молитвою помозѣта ми“.*

И си рекъ и поидоша противу собѣ. И покрыша поле льтское
30 множествомъ вой и съступашася възходящоу слнцю, и бысть сѣча
зла отинудъ. И съступашася трижды, и бишася чересъ днь въсь

и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ, а съ оканьныи Святопѣлкъ по-
бѣже и нападе нань бѣсъ, и раслабѣша кости его, яко не мощи
ни на кони сѣдѣти. И неслхуть его на послаѣхъ. И прибѣгоша
Берестію съ нимъ. Онь же рече: „Побѣгнѣте! Осе женуть по наст!“
И послахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ
5 слѣдъ его. И лежа[вz] въ немощи, възхопився, глаголаше: „Побѣг-
нѣмы! Еще женуть! Охъ миѣ!“ И не можааше тѣрпѣти на единомъ
мѣстѣ. И пробѣже лядску землю, гонимъ гнѣвѣмъ Божіемъ. И
прибѣже въ пустыню между чехи и ляхи. И ту испроврѣже животь
свои зѣлѣ. И прїятъ възмездіе отъ Господа, яко же показаше⁵⁰²
10 посланая нань пагубная рана. И по смърти муку вѣщную. И
такъ обою животу лихованъ бысть. И съде не тѣкъмо княженія, нѣ
и живота гонеза, и тамо не тѣкъмо царствія небесааго и еще
съ ангелы житія погрѣши, нѣ и муцѣ и огню предастѣся. И естъ
могила его и до сего днѣс и исходить отъ нея смрадъ злыи на
15 показаніе чловѣкомъ. Да аще кто си сътворитъ, слыша таковая,
си же прїиметь и вящша сихъ. Яко же Канѣ, не вѣды мсти
прїати, и едину *рану*⁵⁴¹ прїя, а Ламехъ, зане вѣдѣвъ на Канѣ,
тѣмъ же седмицатицею мстился ему.

Така ти суть отъмстїя злыимъ дѣлателямъ! 20

Яко же бо Іудїанъ цѣсарь, иже многи крови святыихъ му-
ченикъ пролявъ, горькую и нечловѣчьную смърть прїя: не вѣдомо
отъ кого *обрѣтенъ*⁵⁴⁷ бысть копіемъ въ срдце вѣдруженъ. Тако и
съ бѣгая, не вѣдыся отъ кого злооастрастну смъртъ прїя.

И оттолѣ крамола преста въ русьстии земли, а Ярославъ 25
прїя *всю власть земля русьскїя*⁵⁵¹ и начатъ въпрашати отѣлесехъ
святою, како или где положена еста. И о святѣмъ Борисѣ повѣ-
даша ему яко Вышегородѣ положенъ естъ, а о святѣмъ Глѣбѣ *овси
не*⁵⁵² *свѣдѣаху, тѣкмо овси свѣдѣаху,*⁵⁵³ яко Смоленскѣ убіенъ
естъ. И тѣгда съказаша ему, яже слышаша отъ приходящїихъ отъ-
30 туду, како видѣша свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ. И то слы-
шавъ посла на *вѣлсканіе Смоленску*⁵⁵⁸ презвутеры, рекущ, яко
то естъ *мои братъ*⁵⁶⁰. И обрѣтоша и идеже бѣша видѣли. И шдѣше
съ кресты, *съ честїю*⁵⁶² многию и възложше въ корабль и, при-
шедше, положиша и Вышегородѣ, идеже лежитъ и тѣло пребла-
женнаго Бориса. И раскопавше землю, и тако же положиша и,
недоумѣюще, яко же бѣ льно пречестїѣ.

*) Псалт. LI, 3—7.

**) Псалт. XXXIII, 21.

***) Сравни. „И ничьго же умыслихъ противу брату моему“. Гл. М., часть Чудовскихъ и Синод. спискахъ „примо тому“ (521).

⁵²⁰ Такъ велѣдъ, кроме АВК. Сравни. Нов. врем. летъ. 1019 (6527) с. началю. „Номелїиавъ рече: „О брата мой! аще еста и тѣломъ отсюду“.

Се же пречюдно бысть и дивно, и памяти достойно! Како и колико лѣтъ лежавъ тѣло святого тоже не врежено пребысть, ни отъ коего же плътюдыца ни бѣаше почърнѣло, яко обычаи имуть телеса мъртвыхъ, нъ свѣтло и красно, и цѣло и блугу воио
5 имуше. Тако Богу съхранившю своего страстотърпыца тѣло!

И не вѣдаху мнози ту лежанцю святою страстотърпыцю телесу, нъ яко же рече Господь: „не можетъ градъ укрытися, врѣху горы стон; ни свѣщѣ вжыгъше спудъмъ покрывають, нъ на свѣтилѣхъ поставляють, да свѣтитъ тьмныя*). Тако и сія святая постави
10 свѣтити, въ мѣрѣ премногими чудеса сіяти въ русьстѣи величии странѣ⁶⁶¹; идеже множество стражующихъ съпасени бывають: слѣнии прозирають, хроміа быстрѣе сьрны ряцють, слзучіи про- сьрненіе пріемлють.

Нъ или могу вся исповѣдати или съказати творимая чудеса?
15 Но истинѣ, ни весь мѣръ можетъ понести, яже дѣются предивная чудеса, и паче пѣсѣка морскааго. И не ту едино⁶⁶², нъ и по всемъ странамъ и по всемъ землямъ преходяца, болѣзни вся и недуги отьгонита, сущихъ въ тьмныцахъ и въ узахъ посѣщаюца.

И на мѣстѣхъ⁶⁶³, идеже мучьничьскимъ вѣнцымъ увязостася,
20 създанѣ быста цркви въ имя ею. Да и ту тако же многа чудеса посѣщаюца съдѣваета.

Тѣмъ же ваю како похвалити не съвѣмъ или что рещи подоумѣю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, имъ же въскорѣ обрѣ-
25 таетася близъ скърбящихъ? Нъ плътски⁶⁶⁴ пожила еста въ чловѣчѣствѣ. Цьсаря (и)ли князя промѣшало ваю⁶⁶⁵? Нъ паче чловѣка убо проста и смѣрена смѣрненіе бо сътяжала еста, имъ же въ высокая мѣста и жилища въселитася.

*) Матѣ. V, 14—15.

⁶⁶¹ Опускаю „на земли“, которое не читается во всехъ спискахъ (въ томъ числѣ и въ близкихъ къ Успенскому) Чудовской редакціи и въ ред. 3 и С, которыя облекаются съ Сильвестр. редакціей, родственной Успенской.

⁶⁶² На томъ же основаніи, что и чтеніе 606, опускаю фразу „чловѣка ли ва именуую...“, которая читается только въ Успенской и Сильвестровской редакціяхъ. Она нарушаетъ планъ разсказа. Авторъ сравниваетъ святыхъ сначала съ ангелами, далѣе съ князьями, наконецъ, говоритъ, что они „паче чловѣка убо проста“. Между тѣмъ спорная фраза находится послѣ сравненія съ ангелами, нарушая эту деградацию. Вставка произведена, вѣроятно, подъ впечатленіемъ предъидущей фразы (на которой слѣдуетъ вставка) „въ плътски проявилася еста въ чловѣчестѣ“. Этой фразой уже указано отношеніе святыхъ къ „чловѣкамъ“.

По истинѣ вы цесаря цесаремъ и князя княземъ, ибо ваю пособіемъ и защищеніемъ князи наши противу вѣстаюца държавно побѣжають и ваю помощію хваляться. Вы бо тѣмъ и намъ оружіе. земля русьскыя забрала и утверженіе и меча обоюду остра, има же
5 дързость поганьскую низлагаемъ и дьяволя шатанія въ земли по- праемъ. По истинѣ несумьпынѣ рещи възмогу: вы убо небесная чловѣка еста, земляная ангела, стѣлла и утверженіе земля наша. Тѣмъ же и пособита⁶⁶⁴ по слою отьчѣствѣ, яко же и великинъ Димитріи и по своемъ отьчѣствѣ рекъ: „аще убо и веселищемъ имъ съ ними бѣхъ, тако же и погыбающемъ имъ съ ними умру“. *)
10 Нъ обаче сіи великыи⁶⁶⁵ Димитріи о единомъ градѣ слце извѣща. а вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни ни о вси земли русь- стѣи. О блаженая [убо] гробо,⁶⁶⁶ пріимъши телесе ваю чьствѣи- акы скрвоище многоцѣбно! Блаженая цркви, въ немъ же поло- женѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю! О Хри-
15 стова угодыника! Блаженъ по истинѣ и высокъ паче всѣхъ градъ русьскыихъ и Вышій-градъ, имыи въ себѣ таковое скрвоище, сму же не тьчнѣ ни весь мѣръ. По истинѣ Вышегородъ наречеса: вышій и превышій городъ всѣхъ. Вторыи Селунь**) явися въ русь- стѣи земли, имыи въ себѣ врачество бесмыздное, не нашему еди-
20 ному языку тькъмо подано бысть Богьмъ, нъ и всеи земли спа- сеніе. Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще, туне почьреплють ицѣленіе. Яко же и въ святыхъ Евангеліихъ Господь рече свя- тымъ апостоломъ: „туне пріасте, туне и дадите“***). О слхъ бо и самъ Господь рече: „вѣруаи въ мя дѣла, яже азъ⁶⁴⁵ творю и тѣ 25 сътворитъ и больша силъ⁶⁴⁶ ***).

*) Сравн. „Климента епископа похвала святому великомученику Димитрію“ по рук. Моск. Снн. библи. № 107 (Миняя до—Макарев. періода): „... или спасе, момъ имъ, спасенъ буди, или погыбаемымъ имъ съ ними умру“ или ниже тамъ же (л. 352 „Члово св. муч. Христова Димитрія, еже видѣ слуга его пришедша къ нему ангелы“): „Яко же веселимся имъ духовно бѣхъ съ ними; како изгыбун- цемъ, съ ними умру?“, нѣсколько строкъ ниже: „азъ бо рѣхъ: аще спасающимся имъ и азъ спасенъ буду, и погыбающемъ имъ съ ними умру“. Также въ рукописи Архива Св. Синода № 1307, л. 120.

***) Сравненіе съ родной св. муч. Димитріи Солунскаго.

⁶⁴⁵ ⁶⁴⁶ Чтени *азъ и слце* ближе къ цитируемымъ текстамъ.

***) Матѣ. X, 8.

****) Иоанн. XIV, 12.

Нъ о блаженая страсотърпца Христова, не забиваиша отъчъ-
ства, идеже пожила еста въ телеси, его же всегда посѣтъмъ не
оставляета. Тако же и въ молитвахъ вьсегда молитася о насъ, Да
не придетъ на ны зѣло и рана да не приступитъ къ телеси ⁶⁵⁰ рабъ
5 ваю. Вама бо дана бысть благодать *молитися* ⁶⁵² за ны; *вы* ⁶⁵³ бо
далъ естъ Богъ о насъ молящася и ходатая къ Богу за ны. Тѣмъ
же прибѣгаемъ къ вама, ⁶⁵⁵ и съ слезами припадающе, молимъся,
да не придетъ на ны нога гърдыня и рука грѣшныча не погубитъ
насъ и всяка пагуба да не наидеть на ны. Гладь и озлобленіе
10 отъ насъ далече отъженѣта и вьсего меча бранна забавита насъ,
и *усобныя* ⁶⁵² брани чюжа *ны* створита и вьсего грѣхъ *наденія* ⁶⁵⁵
заступита насъ уповающихъ къ вама. И къ Господу Богу мо-
литву нашу усрѣдно принесѣта. Яко съгрѣшихомъ зѣло и беза-
коньновахомъ премъного, и бещиньствовахомъ паче мѣры и пре-
15 взлиха, нъ ваю молитвы надѣющеся къ Спасу възпиемъ, глаго-
люще: „Владыко, единый безъ грѣха! Призьри съ небесе святого
твоего на насъ убогихъ! Елма же съгрѣшихомъ — нъ ты оцѣсти, и
безаконьновахомъ, — *попрельни* *) ⁶⁵⁷. Яко блудныцю оцѣсти ны и
яко мытоньца оправѣ!

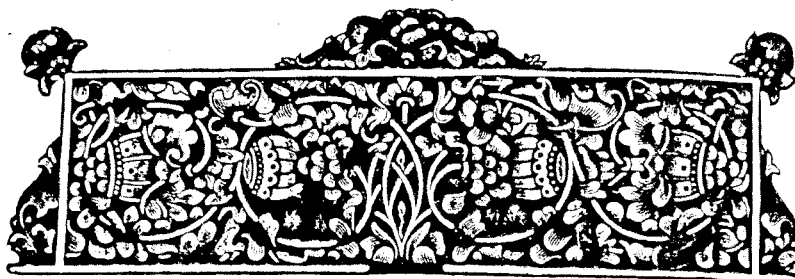
20 Да придетъ на ны милость Твоя! Да въсканеть на ны чловѣко-
любіе твое! И не ослаби ⁶⁵⁸ ны предаиомъ быти грѣхы нашими, ни
усьнути, ни умрети *горькою* ⁶⁵⁴ смъртію. Нъ искупи ны отъ на-
стоящаго *вѣка* ⁶⁵⁵ зла и дажь ны время покаянію, яко многа беза-
конія наша предъ Тобою, Господи! Сътвори съ нами по милости
25 Твоеи, Господи, яко имя Твое нарицається въ насъ! Нъ помилуй ны
и ущедри, и заступи молитвами пречьстною страсотърпнцю Твоею!
И не сътвори насъ въ поносъ, нъ милость Твою излѣи на овьца
пажити Твоея, яко Ты еси Богъ нашъ и Тебѣ славу вьслаемъ,
Отцю и Сыну и Святууму Духу нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ.
Аминь.

⁶⁵⁰ Можетъ быть, за этимъ читалось: „и вама ся мизи дѣвѣтъ“. Это мѣненіе находимъ въ Ч(ОД)МЗ; его встрѣчаемъ два раза выше по вѣбѣ спискахъ. Слова ны. Утверждать положительно не рѣшаемся въ виду свидѣтельства оставшихъ списковъ Чудов. редакціи, въ томъ числѣ и списка Златоустуи XIV в.

⁶⁵¹ Вѣроятно, въ смыслѣ: „искупи“. Ср. примѣчаніе: „искупленіе“ (отъ *λυτρον*) Св. Мат. для Слов. И. И. Средненецкаго, т. II, стр. 1671.

⁶⁵² Т. е. „не доуститъ“. Матер. для Слов. т. II, стр. 721.

Приложение № 3:
«Житие блаженного князя Вячеслава» из Четьих миней

Эта книга гл҃ема чѣтъя миней , содержа
щая въ себѣ мѣзъ сентябрь , изъ чѣтїи ми
ней , собранна въросійскимъ митрополїи
томъ макаріемъ . напечатана въ црѣтвѣдѣщемъ
градѣ москвѣ , въ москóвской старо
шерадческой книгопе
чатнѣ , въ лѣто
*Зѣк .

МЦЪ СЕНТЛБЕРЬ

ТѢМЪ НАИЧЕ ПОДБИГНЕМЪ , БРАТІИ , ДА БѢ
 МИЛОСТИВА СОТВОРИМЪ СЕБѢ , ДѢЛА ДОБРЫИ
 ОУДОИМЪ СМЪ , ПОЧТОМЪ И МОЛИТВОМЪ , МАЛО
 СТЫННЪ , СМЕРЕНІЕМЪ , ЧИСТОТОМЪ , БРАТОЛЮБИ
 ЕМЪ , ПОКАЯНІЕМЪ , НЕ ОПАТИЦАЕМЪ ВЪ КЪ ИГО
 СЪРДЦАМЪ , ШБЕРЗЕМЪ МИРСКІА СЛОБЫ : НЕ ШЛИ
 ТѢМЪ ПЛОТСКІИИ СТРАСТЕИИ , ШЕВЛАДЕНІЕМЪ ,
 ПІАНСТВОМЪ И ПОХОТМЪ БЛАДНЫИИ , ТЛАЩИМЪ
 ДШЪ И ТѢЛО , МАЛО БО НАШЕ ВРЕМЪ ЗАНЪ ,
 ПОЛУЩЕМЪ ДШІИИ НАШИИИ , ПОИЩЕМЪ СВОГО
 СПЕНІА , ПОТРЕДИМЪ ГРѢХЪ РІДИ НАШІИХЪ ,
 НЕ ДНЕМЪ КАНЦЕА И СМЕРЯЮЩЕА , А ОУТРО ГОУ
 ША ТВОРАЩЕ . ДКИ ОУМЫВЛАА Ш МРТВЦІ
 И ПАКИ ПРИКАЛАА СМЪ : ТАКОЖЕ И ЧИГЪ , КІА
 ІА ГРѢХЪ СВОИХЪ И ПАКИ ТОЖЕ ТВОРАЪ , УГО
 ОУПЕРГЪ ВЪ ПОКАІИИ СВОИМЪ , БОЗВРАЩАІА
 Ш ПРАВДЕ НА ГРѢХЪ ; КАКО ЛИ МОЛИТВА ЕГО
 ОУСАВШАА БУДГЪ , МО ГДЪ ОУГОТОВАГЪ НИИ
 ГРѢВЪ СВОИ . ДАКО ЖЕ БО МОЛОА МИЛОТЪ ЕГО ,
 ТАКО МОЛОА ПРИЦІИ ЕГО , КОМУЖДО ПОДЪ
 ЛОМЪ БУДГЪ , И КОЖДО ПО ДѢЛОМЪ СВОИМЪ
 ШЕРАЩГЪ . БЛАЖІИ ЧИГЪ , ИЖЕ МОГИ ОУ
 ТВОРИТИ . И НЕ СОТВОРИТЪ ГРѢХЪ , ГОИ
 ЖЕ ОУЩЕ НА ДВОИ МИЛАЦЪ И ГРѢШНИИ
 ВЪ ДВѢ ПУТИ ХОЛАЩЪ , ГДѢ БО
 ВЛАГЪ СДНОМЪ СІАНИА

БЪЛОМЪ

БИ ДНЬ

МЦЪ ТОГОЖЕ ВЪ БИ ДНЬ , ЖИТИИ И ЖИЗНЬ
 И ПОДВИЗН ПРПЕНАГО ОЦІ НАШЕГО И ИПО
 ВЪ ДНИКА ХАРИТОНА . БЛГВИ , ОУГЕ .

ИНОЗИ ОУЧИТЕЛСТВА , ИЖЕ БЛГО И ДАКО БО
 ВИ АМБЕЗНО ПОЖИШНХЪ ШЕРАЗИ , ШИИХЪ
 ЖЕ ОУБО СІАНИЪ БІТЬ ХОЩЕМЪИ ЗАПОВѢДИ
 ОУБО БЛАГОИ ИЛОК СОБЛАДІТИ ХРІТОВЫ ,
 ШЕБРАТИИ ЖЕ ДАЖЕ ВРАГЪ ПРИГГЪИ СОБЛІЗНЪ
 ПОМАГЕТЪ . ПОДОБЕТЪ БО СІИИИИХЪ ПИІИИИ
 ПРОХОДИТИ КНИГИ И ДАКО ШИИИИИХЪ ИИТОЧНИКЪ
 ПРИНОТОНИХЪ СПІИНОИ ШИИИИИ ДОВОДИТИИ
 ИИТИІАТИ ПІВНО : КИИКО БО ЗАВѢТЪ И ПІИИ
 БГОДУХОВЕННИИХЪ ЖЕ ОУЧИТЕИИИ ЖЕ И ПОСТНИКЪ
 СПІИИИА , ДАКОЖЕ ШЕИИИИИИ ВОШЕРЖІИИИИИМЪ ,
 СЛОВОМЪ КОГОЖДО ШЕИИИИХЪ ПОКАТИИА ХОТЪ
 ЦИИИИИ ПОКЗЮИГЪ ИИПРАВАІИА , МО ИИИХЪ ИИ
 ПОИИИТИ ГІАИИА , ПОИИИИ СІАМЪ ИИМОЩИИ И
 ІАБІИ АМОЖАИИИИИ И ТРЕБІИИМЪ , ДАКОЖЕ КОІИИИ
 ОУШІИИ , БЕИИИИИХЪ ИИИИИИИ СЛОВЪ ЗАУКОКЪ
 БДІИ ОУЩЕ ПОИИ БЛАДІИИИА СЛЪХЪ ВОПРИИ
 МИИИ , ИПОДОБНО ВМѢИИИХЪ КОІИИИИИИ ПРАІЕ
 ТИ МОЛИИИИ ДАЖЕ НАТОРЖИИИИИИ ПРОВОБІИИИИ
 ТИ ДОСТІИИИИИ , БІТИИИИИ ГІАИИ И ПОИИИИ
 БЛОДИИИИ ХАРИТОНА . ДІИИ БО ИИ ТАКОЖЕИИИ
 МЪ РІДИ БІКЪ ПЪ ЗИИИИИИИИ ПИИИИИИИИ ДІИ
 БЛЩЕ БІГГЪ . ИЩЕ ШЕ АКОЖЕ ТАКОЖЕ БІТИИИ

И

мѣхъ свѣтъ

Зои́ми рече: вѣрѣи еѣхъ, аьво́мъ проповѣ
ди́момъ. И вѣрѣовахъ, прѣдъ ба́но пѣи по
рождѣнѣи. Кѣ́зь же по́ланики на възвѣщанѣи
того́ гл҃аго рѣди имѣ́ниа. То́гда же ба́жен
ныи Хрѣ́товъ Зо́и́ма воздвѣи́хъ о́чи на нѣбо,
мола́ши еѣа о́щи: Хрѣ́тѣ, сие вѣа жы́аго,
пока́жи мѣбѣ своѣго́ свѣщѣна Хрѣ́ти́нна, и
прѣи́и дѣши нѣе съ миро́мъ, еѣдѣ ка́ко во
и́номъ и́нѣрѣкѣ и́то нѣе о́ртѣспитъ. И́и́мъ
рѣчи́номъ рѣмѣ́на ка́мыкѣ, и прѣдъ те́мѣ
гѣо́мъ мѣи́кѣ съ миро́мъ, вѣхъ вѣрѣе гдѣ нѣше
го́ пѣ Хрѣ́та. Схо́чаша же еа гѣа мѣи́ка Зо
и́ма и а́фанѣи́и въ дѣнь а́прѣи́льска, вѣхъ и́нан
и́н, гл҃аващи о́щѣ и́сна и́стѣаго дѣха, ш
Хрѣ́тѣ пѣе гдѣ нѣшомъ, е́мо́же гл҃ава нѣе
и́прно и́во вѣбѣи вѣко́мъ, а́ми́нь.

Въ то́й же дѣнь, житѣи е́женнаго и́нѣа
вачѣ́лава е́ава́аго.

Ви́нѣе е́бѣгѣа прѣочѣи́ково гл҃ово, е́ки
гл҃аши о́ртѣи гдѣ нѣшого пѣа Хрѣ́та: еѣ
дѣтѣ бо рече, вѣхъ погѣ́дѣна дѣни, и́аки
ми́нѣ нѣе о́щи, во́гганѣтѣ бо е́аѣтѣ
на е́аѣта своѣго́ и́ гнѣ на о́щѣ своѣго́, и́
а́нѣи чл҃кѣ до́мшѣи́и е́го, а́ми нѣе не мѣи
а́н еѣдѣтѣ, да воздѣ́и́мъ еѣа по дѣло́мъ
и́хъ. Бѣ же нѣкто и́нѣе влѣи́хъ и́ гл҃аво

и́и дѣнь
чѣстѣна вѣхъ чѣхѣхъ жы́иин, и́нѣнѣма вратѣи
ла́вѣ, и́ по дѣрѣжи́и е́го, Зо́во́мо а́рагоми́рѣ,
и́ ро́дѣта же гнѣ нѣеѣхъ прѣвородныи, и́ а́ко
кѣ́тѣша и́, и́ нѣркѣоша и́ма е́мо́ во гѣо́ма
кѣ́рѣи́и вачѣ́лава, о́щиѣ еѣхъ Зо́во́щи и́мъ
по своѣмъ о́бѣчаю а́кѣтѣице. И́ во́звратѣи
о́трокѣ, и́ а́ко бѣгѣтѣ о́щѣ е́го вратѣи́лава
пока́ди́ти о́трока на своѣмъ гѣо́лѣ, а́ма еѣхъ
гѣа́рѣ, ча́дѣи е́мѣрѣи нѣеѣхъ, и́ прѣзѣ́вахъ вѣа
тѣи́лава и́нѣн, и́же еѣхъ то́гда вѣхъ своѣи́ о́бѣа
сти, и́ е́пѣпы, и́ вѣхъ прѣи́чѣтѣ чѣ́рковныи.
До́брыи же и́ е́товѣ́рныи е́пѣпы и́ нотѣи́и го
вѣ́емъ ка́иро́момъ о́пѣвѣше гѣо́мъ а́нѣрѣи́и вѣхъ
чѣ́ркви прѣтѣ́лава бѣ́чѣи нѣша еѣа и́ прѣо́дѣа
а́ри, и́ во́звѣ́дѣше о́трока, по́сѣа́нша на гѣе́
пѣи́и прѣа́з а́нѣрѣма, и́ е́аѣн е́го е́пѣпѣ,
и́нѣе рече: гдѣ еѣхъ пѣ Хрѣ́тога е́аѣн о́трока
и́и, и́и́же е́аѣ́нава е́и вѣа прѣ́вѣдѣники твоѣ:
а́ра́ма, и́са́ика, и́а́кова, и́ вѣ́нѣлава е́и прѣ
во́вѣ́рныхъ чѣ́ри, рѣ́внахъ а́пѣло́мъ, ко́стан
тѣ́на и́ е́а́нѣ. О́щице же рече́хъ е́аѣво́вѣ́рномъ
то́мъ е́пѣпѣ, и́ ма́гѣа́ми е́го на́чѣтѣ о́трокѣ,
и́ е́аѣо́дѣ́тѣи е́кѣи́и Хрѣ́ти́нѣмъ. И́ вѣа е́го е́лѣ
твоѣ а́нѣма́и о́чи́тѣи кнѣ́имъ е́аѣви́нѣи́мъ
По́ла́ва́а своѣмъ о́чи́тѣи до́бѣрѣ и́и́нѣа́и
рѣ́хъ мѣ бѣи́мъ вѣхъ бо́рѣе, шѣа́и же и́и́нѣе
вратѣи́лава вѣхъ е́дѣнѣ, и́ на́чѣтѣ о́трокѣ а́нѣи

фѣ

МЦЪ СЕНТЛЕРЬ

ТНІА КНІГАМЪ ЛАТЫНСКИМЪ , И НАЧІСА ДОБ
РЪ . ВЪ ТО ЖЕ ВРѢМА ОУМРЕ БРИТНАІВЪ КНІЗЬ ,
И ПОИДІША И КНІЗА ВАЧЕЛАВА НА СТОЛѢ ОЦІ
СВОГО БРИТНАІВАН , А БОЛЕЛАВЪ НАЧІ ПОДЪНІМЪ
ХОДИТИ , ВЪРТА ЖЕ ЕЩЕ КНІЗЬ И ВОЗВРАТОМЪ
МІЛЪ . ДІАТИ ЖЕ ЕГО АРАГОМІРЪ И ОУТВЕРДИ
ЗІМАЮ , И ЛІДИ СВОЮ ОУТРОН , И ТАКО ВИКОРМІ
ІНА СВОГО АРДІГО БОЛЕЛАВА , И НАЧІ ВАЧЕЛАВЪ
СТРОИТИ АНДІА СВОЮ . И ИМАРТА ЖЕ ИТРЕ І ,
И ВДІАТА И , ВЪ РІЗНА КНІЖКА И ОУТРОНША А .
И ВОЗЛОЖИ БЛОДИТЬ ІНЦЕВЪ НА ВАЧЕЛАВА КНІЗА ,
И НАЧІ ОУМРЕТИ КНІГАМЪ ЛАТЫНСКИМЪ ИЛИ ТАКО
ЖЕ ЕПІКЪ ИЛИ ІЩІННИКЪ , ДА ІЩЕ ВОЗІАШЕ ГРЕ
ЧЕКА КНІГИ И СЛОВЕНІКА , И УТІАШЕ ВНѢ СЕБѢ
СОБІЗНА РІДИ . И НЕ ТОКО ЖЕ КНІГАМЪ ОУМРЕ
АШЕ , НО И ВЪРЪ СОВЕРШАА , ВРѢМЪ ОУСО
ГНІМЪ ДОБРО ДѢАШЕ , И БѢДНЫА НАКОРМА
ШЕ , А СТРАНИАА ПРИМАШЕ , ПО БУВАЮКОМЪ
СЛОВЪ , БЖІА РАБІ КОРМААШЕ ИЗАНХА , И ВО
ВІЦЪ НЕ ДАДАШЕ ШЕДІТИ НИКОМУЖЕ , И АНІ
ВІА ОУСОГІА И БОГАТАА ВРѢХЪ МІЛОВАШЕ , И
ЦРКВИ ВІА ЗАТОМЪ ОУРАИ , И ВЪРОВАШЕ ВЪ
БІА ВРѢМЪ ГРЕМЪ , И ВІЕ БЛОГО ТВОРАШЕ ВЪ
ЖИВОТѢ СВОІМЪ . И РІЗЕВАШЕ КИ МЪЖИ А
ХОБИКА И ВОГТАШЕ НА ІА , КНІЗЬ ЖЕ ІМЪ ВІА
ШЕ ЕЩЕ МААДЪ , А КТЪ ИИ , БІА ОУМ
ОЦЪ ЕГО , ДА ЕГДІ ВОЗІАГІТЪ И ІМІАМЪ ІА

ІН ДНѢ

И ВРѢСЪ ЕГО , ТОГДА ДІАВОЛЪ , НИКОНІ НЕ ХО
ТІА ДОБРИ ЧИНОМЪ РОДЪ , ВИДЕ ВЪ РІДІ СЛАХЪ
СОВѢТНИКА ЕГО , ТАКОЖЕ ІНОГДА ВО ІСАДЪ ПРИ
ДІТЕЛА , ПІЯНО БО ЕСТЬ : ВІАКЪ ВОТІАДИ НА
ГІАНА СВОГО ІСАДѢ ПОДОБЕНЪ ЕСТЬ , ТІ ЖЕ НАЧІ
ША ПОУТРЕКАТИ БОЛЕЛАВА НА СЛО , РѢША : ХО
ЦІТЪ ТІА ОУБИТИ ВАЧЕЛАВЪ КНІЗЬ , СОВѢЩАВ
СА ІЗ МІТРИЮ СВОЮ И ІЗ МЪЖИ СВОИМИ , И ТІИ
ПІИ СІАИ , ИЖЕ ВѢАШЕ ТО ВАЧЕЛАВА НАСТІАИ
ВІАГНАТИ МІТЪ СВОЮ , БЕЗЪ ВІНІІ . ВАЧЕЛАВЪ
ЖЕ , РІЗВІАЧЕВЪ СТАХЪ ЕЖІИ , ПОМАНЪ СЛОВО
АІПА ПІВАА , ГІАЩЕ : УТІ ОЦІ СВОГО И МІТЪ
СВОЮ , И ВОЗАНЪ СІАКНАГО СВОГО ДІАКО СІАВЪ
ІА , ХОТІА БІАЖІННАА ІПОАНИТИ ВІАКЪ ПРІВЪ
ЕЖІИ , И ПРІВІДІ ПІАКИ МІТЪ СВОЮ ВЪ ДОМЪ
СВОЮ , И ВІАМІИ ПІАКАШАА , ГІАА ІНЦЕ ГІАИ
ЕЖЕ МОИ , НЕ ПОГІАДИ ІАМЪ ГРЕХІ ВЪ СІАМЪ .
ПОМАНЪ ЖЕ СЛОВО ПРІОКА ДІАА ГРЕХЪ ІНО
СТІИ МОІА И НЕ ВѢДІНІАА : МОГО НЕ ПОМАНИ ,
ГІАИ , ТѢМЪ ЖЕ УТІАШЕ МІТЪ СВОЮ . ОНІ КЕ
РІДОВАШКА О ВЪРѢ ІНА СВОГО И Ш БЛОДИТИ .
ІАКЕ ТВОРАШЕ : МІАМОЩНАА КОРМАШЕ ІЩІ
ІНОГДА ГІАКЪ ШЕНІАИ , НЕ ІІААШЕ ШЕНІАТИ
ЕЖІ НИКОМУЖЕ , И ЕЩЕ СТРАНИАХЪ ПРИМАШЕ
ДОБРА ІАМЪ ПОКОН ТВОРАШЕ , И ТАКОЖЕ ІНО
ЕСТЬ ВО СТОМЪ БУВАЮКОМЪ ФІОМЪ БУВАЮКОМЪ
СТРАНИАХЪ ЕЖЕХЪ , И НЕ ВІАДОУТІАМІИ , ІМІАМЪ

МЦЪ СЕНТЛЕРЬ

НЕ ШДЕРТЕ МЕНЕ, БОЛЕНЪ БЪХЪ, ВЪ ТЕМНІ ЦЕ, И НЕ ПОРЕТІТЕ МЕНЕ, СРЪЧЬ ШУЩЕ ИМУЪ ТОГДА: ШИДЪТЪ ТІНЪ ВЪ МОЮ ВЪЧНЮ, І ШАНЮКЪ, ИЖЕ СОТВОРИШЕ СІА БЛА, ТОГДА ВНАДЪТЪ ВЪ ЖІЗНЬ ВЪЧНЮ, ТДО СІА БЛЖЕННІН КІЗЪ ПОМЫШАШЕ ВЪ СРЦЕ СВОМУ, ІЩЕ КТО НИЩІИ ИЛИ ДОМШНАА И СТРАННАА ВЕА ШДЕ ВЛА И ГОМА, И ІЩЕ ЛИ КОТОРЫН ПРНЧТННКЪ ЦРКОВНІИ ИЛИ СЦЕНННКЪ ПРНБІЖЕНЪ ПРНДЪТЪ КЪ НЕМД, И ОНЪ ИКШІШЕ И ДОБРД ТВОРАШЕ ВЪЕМЪ, И ЦРКВНЪ БЪ ОУТРОНАЪ ПО ВРЪХЪ ГРАДЪХЪ, И БЛАГОТВОРАШЕ ИМУЪ, И БЖІА РІБА СОБРАВЕ Ш ВРЪХЪ ІАЗЫКА, И СЛЖБА ЗА НГО СОТВОРАМА ПО ВІА ДНІ КЪ ЕДЪ, ІАКО ВІАН ЦФЪХЪ ІАЗЫЦЕХЪ ОУТРОНІЕ ДОБРАГО И ЖІАННА ГО КІЗЪ ВАЧАЛА. И ВОЗЛОЖІ ЕМДЪ БЪ НА СРЦІ СІЦЕВЪ МІАЛЪ СОЗДАТИ ЦРКОВЬ ВО ИМА ГІАГО АВРААМА. ВЪ ТО ЖЕ ВРЕМА ВРБА ДІА БОЛЕ, ИЖЕ ІЗНАЧАЛА ННАВІДА РОДА УЧА, БОЛІАВЪ АВСАВА ВЪ СРЦЕ ЕГО И НАБІТІ ЕГО НА БРТА СВОГО, ІАКОЖЕ И ШІААІННОГО ГІОПІА КА, ИЖЕ СОВБЦІА СЛОБІ НА БРТІЕ СВОІ И ПРНМУ ВЛАГТА СІАНЪ ВЪ СРГТЕНЪ ЗМАІИ, І НЕ ВБДІШ ШМЦІНІА БЖІА, ІАКО СЛБТИ БЖІА И ТІИ МІЧЕ НОГАТЪ, ПО ВЪ ПОГНЕБАЪ НЧЕТІВІМУ ТІАКО И ТІИ СІАНЪ СОВБТННЦІА ДІАВОАН, ІКІ СОВБЦІАША СІАА ВЪ СРЦАХЪ СВОІХЪ ГЪ БОЛІИ

ИИ ДНЬ
БОМУ НА БЛЖЕННАГО КІЗЪ ВАЧАЛА. ПРНДІ
ЖЕ ДНЬ ГІАГО АВРААМА, КЪ НЕМДЖЕ БЪ БЛЖІН
НАИ ШКЕТЪ СВОІ ТВОРАШЕ, И ВІААШІА Ш
БЪТЪ, ОНІ ЖЕ ТОГДА, СІАНЪ СОВБТННЦІА ДІА
БОЛИ, ВОЗБІАША БОЛІАВА, И СОВБТЪ СОТВО
ШЕ НПРНІАЗЕННІИ Ш БЛЖЕННЕМЪ ВАЧАЛАВЪ,
ІАКО ЖЕ И ЖІАДОВЕ Ш ХРТЪ ВЪ ПЕРВАА АБТА.
БЪХЪ ЖЕ СЦЕНІЕ ЦРКВН ТОГДА, И БЪХА БОЛІАВЪ
ВО ГРАДЪ, ВЪ НЕАБЕКЪ ЖЕ ШЕБІНАА, ВЪ НІЖЕ
ТВОРАШЕ ПРНДІННКЪ СТІАХЪ БІЗМІЗДННІКЪ КОЗ
МІА И ДАМІАНА, И ШІААШЕВЪ БЛЖІННАИ КІЗЪ
ВАЧАЛАВЪ СТЮИ АНГВРНІИ, ХОТЪВЪ БЪХІТИ
ВЪ ДОМУ СВОІ ВЪ БОРЪБЕ. БОЛІАВЪ ЖЕ НЕ ДАДІ
ЕМДЪ, МОЛАА ГЪ ПАМЧЕННЕМЪ СЛОВМУ, ГІА
ІЩЕ: ІАКО ХОЩІШІ ШЪХІТИ, БРТЕ, ВІНО
И МІАДЪ ВІЦЪЛО ИМЧЕИ ОУ СЕБЕ. ОНЪ ЖЕ НЕ
ШРЧЕБА ЕМДЪ, И НЕ БЪХЪ ВЪ ДОМЕ СВОІ, И
ВРБДЪ НА КОНЬ СВОІ, НАЧІТЪ ІПРНТИ ГО СЛБІ
МН СВОІМН НА ДВОРЪ БОЛІАВАН, ТЪЕМЪ КІ
МНІМУЪ, ІАКО ПОВБДІШІ ЕМДЪ НА ДВОРЪ, И
РКША ЕМДЪ СЛБІ ЕГО: КІЖЕ ВАЧАЛАВЪ ІХО
ЦІТЪ ТІА ОУСІТИ БОЛІАВЪ. ОНЪ КІ НЕ ІМА
ШІ ВБРАІ СЛОВІИ ТОМУ И ВІИ ПІАКЪХЪ ВОЗЛО
ЖІ НА БТА, И ТОНЪ ДНЬ МІВ ПІША И БІАНШІ
КА ОУ БОЛІАВЪ. И ВЪ ТЪ ЖЕ НОЩЕ СІНОДОША
КА СІТННЦІА, ИЖЕ ТІИ СІАНЪ СОВБТННЦІА БЪ
СНБЕБЪ ІИ АВОЦЪ ПРНЗВІАША КЪ СЕБЕ БОЛІАВЪ,
ІА

михъ интэрь
иже сотвориша слани той говѣтъ, акоже
къ пилятѣ индѣшамъ явлѣве на хртѣ мѣла
ше слала . тѣкоже и ѡнѣ слани тѣи пѣи тѣмъ
же са подѣблѣце , совѣщѣша , како быша
оубѣити гдѣна своего , рѣши , ако пойдѣтъ
на оутренне къ цркви , ебѣ бо вачелавъ не мѣ
нивъ къ цркви , гдѣше къ неѣ : тогда оубѣ
ѣмъ его . бѣтѣ же бѣвшѣ , воззвонѣша оутр
никъ , вачелавъ же инъ , оубѣлѣвшѣ звонѣ
нѣ , и рече оубѣ : слѣва тѣи , гдѣ еже мѣи ,
ако далъ еси свѣтъ и доггѣнѣти оутра инѣ ,
и въ томъ чѣѣ вѣмъ индѣлаа твоѣ шѣвѣ
са , и лицѣ твоѣ оумѣи и поиде на заутренне ,
и портѣже и болѣвшѣ во вратѣхъ . вачелавъ
же шѣрѣвѣла и рече : дѣвѣ дѣнь , гдѣ ! вѣч
рѣ болѣвшѣ же принѣче дѣвѣмъ ко оубѣ , и
развѣрѣ оубѣ его , да и звѣлкѣ мѣчь свой , и
шѣвѣвшѣ оубѣ : наинѣ тѣѣ хощѣ болин то
го быти , и оудѣри блженнаго мѣчѣмъ по гм
вѣ . вачелавъ же шѣрѣтѣвѣла и рече : что еси
оубѣланъ , оубѣ и братѣ , оубѣ ; имъ его ,
повѣрѣ и етѣ надѣ нимъ , и рече оубѣ : что
тѣѣ , братѣ , ездѣ сотвори хъ , и принѣ
ѣанъ шѣвѣтѣннѣ тѣ хъ , оубѣнѣвшѣ рѣвѣ
блженнаго инѣла вачелавѣ . оубѣ же инѣрѣ
и и повѣрѣ къ цркви , дѣвѣли же совѣтѣни
цы чѣтѣ и тѣра оубѣнѣта его въ црковнѣхъ

ки
анѣ
дверѣ хъ , гдѣвѣла же принѣкъ , проведѣ ему
рѣвѣ мѣчѣмъ . и инѣрѣтѣ дѣхъ свой блженнѣи ,
гдѣ : въ рѣчѣ твоѣ предѣи дѣхъ мѣи .
еже въ томъ гдѣдѣ еъ нимъ мѣтѣнѣ и
и на инѣла мѣжен дѣоша проче ,
зѣвши , и дрѣнѣи рѣвѣтѣоша по зѣм
и малѣнѣи и зѣвши его рѣи , и ежѣла
нищѣхъ погребѣше и вѣгнавшѣ и хъ
мѣи , и жѣны и хъ зѣ мѣжѣ дѣша .
еже вѣи не прѣмѣнѣннѣи оубѣши гдѣна сво
гдѣра же рече : илемъ и еѣи на гдѣхъ твоѣ ,
лого шѣкѣлѣши етѣи и мѣтѣрѣ . болѣ
рече : мѣкѣмо са еи дѣтѣи , да мѣ
допѣрѣтъ , шѣ вачелавѣ же инѣоша ,
его и не го хртѣнѣи его . крайнѣ же поѣ
блженнаго , прѣдѣ црковнѣи положѣ , по
тонѣкомъ плащѣнѣице . зѣлѣвшѣи же
о оубѣни оубѣи еѣна своего , и при
нѣши его . оубѣкѣши же , и принѣдѣ
его , и пѣлѣвшѣма совѣнѣши оубѣи тѣѣ
ина своего . и совѣнѣши же и не имѣ
домѣ свой , но въ поповѣ двѣрѣ
и шѣлѣши и , и инѣоша и , и поло
жѣши и къ цркви . оубѣолаши же са мѣтѣи его
имѣтѣи , и ебѣжѣ въ кровѣтѣ : гдѣши бо еѣтѣи
имѣтѣи шѣвѣдѣи рѣкѣ , да еѣи не хотѣши
прѣггѣрѣтѣи . болѣвшѣ же хотѣи оубѣити и

Святъ, вѣдъ, вѣдѣрѣ, ЮРГАНУ Анѣ.
Пото, вѣдѣрѣ, вѣдѣрѣ, вѣдѣрѣ.
37776

мѣзъ сентябрь

и поглад по немъ слави совѣтницы, и оны же
 шедше и не обрѣтоша ея. Тѣ призвѣша по
 па павла, и да молишь творить надъ нима.
 И погрѣбоша же чѣное тѣло стѣго и блженнаго
 вачислава, добраго и праведнаго бгочетца и
 христолюбца, служитель бо бѣ бгъ со благоговѣ
 ниемъ и со страхомъ. и кровъ егдѣ потребна,
 и цркви взиде надъ нима вѣкмъ людемъ
 видѣшимъ тѣ и днѣшимъ, а и ещѣ надѣи
 щиа бѣтѣ и на молишь благовернаго вачисла
 ва, большѣ чадѣ гавльшиса, воинниѣ бо
 хртовѣ мѣнцѣ гавльшиса, и стѣхъ мѣнцѣ
 прианжиса мѣка егдѣ, и совѣтъ сотвориша
 ѡ нѣмъ якоже иудѣи ѡ хртѣ, поубѣкоша же
 якоже павла и маладенца хртѣ и зѣиша. Вои
 стинниѣ вѣи народъ чѣчскѣи вельми сѣ пѣла
 ше егдѣ радн. Зѣишь же вѣишь кнзь вач
 иславъ въ лѣто стѣаз, индикта въ б, крѣтъ
 солнцѣ г, лѣнѣ и мѣа септѣвриа въ кн.
 Бгъ же покой дшѣ въ вѣчнѣи жизни со вѣ
 ми и зѣранными, идѣже вси праведнии почи
 ютъ во свѣтѣ животнѣмъ твоимъ, гдѣ
 не ѡставають же бгъ и зѣраннымъ своимъ въ
 поруганіи невѣрнымъ, но поубѣтн милость
 свою, приложн ѡ камененомъ рѣцѣ и хъ на покла
 ннѣ проразумѣша грѣхъ свой, иже пролаш
 кровъ непобинниѣ. Болгиславъ же помандѣ вѣа

кн днѣ

къ бгъ съ плачемъ и съ воздыханіемъ глѣ : вѣже !
 помози мнѣ грѣшномъ и милостивъ буди
 ми. И погладъ слѣги свои, да принеуть тѣ
 ло блженнаго кнза вачислава, брата егдѣ,
 и зѣ болгислава града, прозрѣ и глѣ оцѣ : и зѣ
 согрѣшнхъ, грѣхъ мой вѣкмъ и беззаконіа
 моя азъ знаю, и предо мною есть видѣ.
 И положиша егдѣ въ цркви стѣго авраама,
 юже бѣ самъ создѣлъ, ѡдѣнѣи странѣ ѡта
 раѣ вѣте апла. Принеишь вѣишь кнзь вач
 иславъ мѣа мѣрта въ г дѣнь. Бгъ покой дшѣ
 егдѣ на лѣнѣ авраамовѣ, иаака, иакова,
 идѣже вси праведнии рѣпочивѣютъ, чинѣи
 воскреснѣи мѣртвѣимъ, емѣже подобѣтъ вѣака
 слава, чѣртѣ и покланнѣи, со бгъзначальнымъ
 оцѣмъ и съ прѣтымъ и блгнмъ. и животворѣ
 щимъ дхѣомъ, ннѣ и рѣно и бо вѣки вѣ
 кѣомъ, аминѣ.

Мѣсѣца сентябрь кд днѣ. житіи
 и жизни и подвижи, прѣнагѣи оца на
 шегѣи кнѣака ѡшлѣннѣа. блгвн оцѣ.

Блгвѣщнхъ тѣ, рѣчи бгъ ко авраамѣ,
 блгвѣи, и проклинѣи хъ проклинѣи
 не добродѣтелѣи проходѣишмъ токмо ѡ
 иудѣи возданѣи по хвалѣи ѡиудѣи жи подо
 блѣтъ, и гѣже ѡ добродѣтелѣи блженнаго

Аннотация:

Дипломная работа посвящена сравнительному изучению святовацлавских легенд и Сказания о Борисе и Глебе. Взаимосвязь между упомянутыми памятниками нас отсылает к древнейшим чешско-русским культурным и литературным связям. Коротко оговаривается история и современный потенциал культов святого Вячеслава и святых Бориса и Глеба. Сравнение памятников выявляет признаки типологической и генетической взаимосвязи между рассматриваемыми произведениями, что позволяет говорить о литературном влиянии. Выявление фрагментов и отдельных мотивов, взятых из литературного образца (святовацлавская легенда), позволяет выделить места «оригинальные». Изучение последних можно и целесообразно в дальнейшем продолжать посредством соотнесения предсмертных монологов Бориса и Глеба с традицией погребальных плачей.

Ключевые слова: культ святого Вячеслава, культ святых Бориса и Глеба, агиографические памятники, древние чешско-русские культурные и литературные связи, литературные заимствования, фольклорный жанр плач.

Anotace:

Diplomová práce je věnována srovnávacímu studiu svatováclavských legend a Vyprávění o Borisi a Glebovi. Vzájemný vztah uvedených památek nás odkazuje k nejstarším česko-ruským kulturním a literárním vztahům. Krátce se probírá historie a současný potenciál kultů svatého Václava a svatých Borise a Gleba. Komparace památek odhaluje příznaky typologického a genetického vzájemného vztahu mezi zkoumanými výtvary, což dává možnost mluvit o literárním vlivu. Odhalení fragmentů a jednotlivých motivů vzatých z literárního vzoru (svatováclavská legenda) umožňuje vyčlenit místa „originální“. V zkoumání posledních je možné a účelné v budoucnu pokračovat prostřednictvím konfrontace předsmrtných monologů Borise a Gleba s tradicí pohřebních nářků.

Klíčová slova: kult svatého Václava, kult svatých Borise a Gleba, hagiografické památky, starověké česko-ruské kulturní a literární vztahy, literární výpůjčky, folklorní žánr nářek.

Synopsis:

This thesis focuses on a comparative study of the saint Wenceslas legends and the Legend about saint Boris and Gleb. The interrelationship among the mentioned above monuments sends us to the most ancient czech-russian cultural and literary connections. Also briefly mentioned the history and the contemporary potential of the saint Wenceslas's and saint Boris and Gleb's cults. The comparison of these monuments reveals a sign of typological and genetic interrelation between the examined works, thus allows us to tell about literary influence. The discovering of fragments and separate motives which are taken from the literary sample (saint Wenceslas's legend) allows to pick out "original" places. The study of the latter makes sense and could be continued by means of the correlation between the Boris and Gleb's dying monologues and funeral lament tradition.

Key words: saint Wenceslas's cult, saint Boris and Gleb's cult, hagiographical monuments, ancient czech-russian cultural and literary connections, literary borrowings, a genre of folklore lamentation.